

Городские исследования и практики

ТОМ 11, № 2, 2026

Urban Studies and Practices
Volume 11, issue 2, 2026

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

**Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
ЕГПНИ (Q2)

Формат 60×90/8. 10,5 уч.-изд. л.
Тираж 250 экз. Заказ №
Отпечатано в ООО «Фотозэксперт»,
109316, г. Москва, Волгоградский
проспект, 42к5

Городские исследования и практики

ТОМ 11, №2, 2026

Редакторы-составители

М. Р. Невлютов (МАРШ, Российская Федерация)
М. В. Мефёд (независимый исследователь, Российская Федерация)

Главный редактор

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редактор номера

А. А. Лаврик (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Научный редактор

Р. А. Дохов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

А. А. Лаврик (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

К. Э. Аксенов (СПбГУ, Институт наук о Земле, Российская Федерация)
Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
Е. А. Ахмедова (СамГТУ, Российская Федерация)
А. А. Белых (РАНХиГС, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания))
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А. Г. Вайтенс (СПбГАСУ, Российская Федерация)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (Институт региональной географии имени Лейбница, Германия)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ; МГУ им. М. В. Ломоносова Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. И. Левин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Городской университет Нью-Йорка, США)
С. Д. Митягин (НИИПГ, Российская Федерация)
Е. К. Михайленко (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Ю. М. Моисеев (МАРХИ, Российская Федерация)
Т. Г. Нефедова (Институт географии РАН, Российская Федерация)
А. Н. Пилясов (НИУ ВШЭ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. С. Савоскул (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)

Корректор Т. В. Редькина

Дизайн С. Д. Зиновьев

Обложка, верстка А. В. Меерсон

Фотография на обложке © Михаил Хусаинов

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2026

Содержание

- 6 **Марк Мефёд**
Заметки о межвидовой коммуникации
- 14 **Марат Невлютов**
Птицы в городе – сегодня прилетают, завтра остаются
- 23 **Мария Казакова**
Определить, спасти и сохранить: зачем люди упоминают города, когда публикуют посты в онлайн-сообществах любителей птиц
- 38 **Вероника Гулина**
«Город и птица»: репрезентация чаек в визуальной культуре Санкт-Петербурга
- 46 **Дарья Кривая**
Исследование влияния антропогенного шума на вокализацию птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в контексте создания художественного проекта
- 59 **Варвара Елисейкина, Дарья Мальцева**
Следы присутствия: голубятня как общее благо, самострой и часть благоустройства
- 79 **Анна Мельникова**
Грачи раздора

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT**

Urban Studies and Practices

VOLUME 11, ISSUE 2, 2026

Publisher: HSE University

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77-66568

Address: National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
White List (Unified State List
of Scientific Journals) (Q2)

Guest Issue Editors

Marat Nevlyutov (MARCH, Moscow)
Mark Mefed (Independent Researcher, Moscow)

Editor-in-Chief

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Issue Editor

Anna Lavrik (HSE University, Russian Federation)

Science Editor

Ruslan Dokhov (MSU, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

Anna Lavrik (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Elena Akhmedova (Samara Polytech, Russian Federation)
Konstantin Aksenov (Institute of Earth Sciences, St.-Petersburg State University, Russian Federation)
Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)
Eugene Asse (March, Russian Federation)
Andrei Belykh (RANEPA, Russian Federation)
Peter Bishop (UCL, UK)
Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)
Konstantin Grigoriev (ISU, Russian Federation)
Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)
Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)
Oksana Zaporozhets (IfL, Germany)
Natalya Zubarevich (HSE University; MSU, Russian Federation)
Mark Levin (HSE University, Russian Federation)
Setha Low (CUNY, USA)
Evgeny Mikhaylenko (HSE University, Russian Federation)
Sergey Mityagin (NIIPG, Russian Federation)
Yuriy Moiseev (MARKHI, Russian Federation)
Tatyana Nefedova (IGRAS, Russian Federation)
Alexandr Pilyasov (HSE University; MSU, Russian Federation)
Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)
Maria Savoskul (MSU, Russian Federation)
Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)
Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)
Paul Timms (University of Leeds, UK)
Andrey Vaitens (SPbGASU, Russian Federation)
Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Proofreader Tatyana Red'kina

Design Sergey Zinoviev

Cover, Layout Anastasia Meyerson

Cover photo © Mikhail Husainov

© HSE University, 2026

Table of Contents

6	Mark Mefed Notes on Interspecies Communication
14	Marat Nevlyutov Birds in the City: Arriving Today, Staying Tomorrow
23	Maria Kazakova Identify, Rescue, and Preserve: Why People Mention Cities When Posting in Online Birdwatching Communities
38	Veronika Gulina The City and the Bird: Representations of Seagulls in the Visual Culture of St. Petersburg
46	Daria Krivaya An Investigation of the Impact of Anthropogenic Noise on Bird Vocalization in St. Petersburg and the Leningrad Region in the Context of Creating an Artistic Project
59	Varvara Eliseykina, Daria Maltseva Traces of Presence: The Dovecote as a Common Good, an Unauthorized Construction, and an Element of Urban Improvement
79	Anna Melnikova The Rooks of Discord

Заметки о межвидовой коммуникации

Марк Мефёд

В русском языке существует фразеологизм «птичий язык». Он появился благодаря профессору астрономии Московского университета Дмитрию Матвеевичу Перевощикову, который таким образом охарактеризовал русские философские сочинения, написанные в первой половине XIX века. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений определяет фразеологизм следующим образом: «псевдонаучный, непонятный для многих язык; тайный, намеренно закодированный язык» [Серов, 2024. с. 655]. В таком переносном значении эта фраза закрепилась в нашей разговорной речи и вошла в обиход.

Однако со временем становится все более очевидным тот факт, что птичий язык может иметь буквальное значение в качестве видоспецифического (*species-specific*) языка птиц, на котором особи осуществляют коммуникацию. Этот язык зачастую выражен не только в вербальной форме, когда птицы с помощью комбинирования различных звуков, которые они способны производить благодаря строению своего тела, кодируют информацию в форме песен и криков, но и в невербальной форме. В этом случае в качестве примеров можно вспомнить производство различного рода визуальных сигналов, таких как танцы фламинго, демонстрация окраски перьев павлинов и любые другие движения тела птиц. Зачастую эти два уровня коммуникации – вокальный и невокальный – сосуществуют, например, в процессе мурмuration скворцов. У всех актов коммуникации, которые осуществляют птицы на протяжении их жизни, есть определенная цель – привлечение партнеров, защита или маркировка территории, предупреждение об опасности других членов стаи, координация совместных действий, демонстрация агрессии и доминирования или, наоборот, попытка наладить контакт и выстроить отношения партнерства или симбиоза.

При этом попытка буквально понять язык птиц как любой другой человеческий язык не делает его более доступным для нас; он по-прежнему остается содержательно малопонятным и воспринимается как зашифрованное послание одних субъектов, знающих ключ от шифра, к другим. Как следствие, коммуникация между людьми (человеческими животными) и птицами (нечеловеческими животными) представляется невозможной. И в этом заключается определенная проблема, так как птицы являются нашими неизменными спутниками: мы не только делим с ними природную среду, но и соседствуем во множестве разных урбанизированных пространств. Для более успешной коммуникации и впоследствии политического учета интере-

Мефёд Марк Владиславович, независимый исследователь; Москва, Российская Федерация.
E-mail: fleainmyhead@gmail.com

Статья посвящена анализу межвидовой коммуникации, при этом основное внимание уделяется взаимодействию людей с птицами и другими нечеловеческими животными. Принимая во внимание, что межвидовая коммуникация невозможна ни на человеческом языке, ни на видоспецифическом языке животных, автор обращается к работам Эдуардо Кона и Евы Мейер для переосмысления самого понятия языка и способов взаимодействия между видами. Рассматриваются вербальные и невербальные формы коммуникации, включая вокализации, визуальные сигналы, телесные движения и поведенческие индексы, а также явление метакommunikации, которые позволяют животным передавать значение своих действий. Также делается акцент на том, что коммуникация между видами строится не только на обмене сигналами, но и на способности к взаимному восприятию, интерпретации и реагированию в общем пространстве. В статье подчеркивается, что межвидовая коммуникация – это процесс взаимодействия, включающий совместное создание смысла и признание других субъектов как носителей собственного опыта. Автор акцентирует внимание на необходимости развития межвидовой демократии, понимания разнообразия знаковых систем и применения философских и антропологических подходов для расширения человеческого восприятия, формирования новых этических практик и выстраивания этически ответственного взаимодействия с другими живыми существами.

Ключевые слова: птичий язык; птицы; нечеловеческие животные; межвидовая коммуникация; Эдуардо Кон; Ева Мейер

Цитирование: Мефёд, М. В. (2026). Заметки о межвидовой коммуникации, *Городские исследования и практики*, 11(2), 6–13. <https://doi.org/10.17323/usp11220266-13>

сов различных групп животных, включая человеческих, нужно понять, как осуществить перевод с одного видоспецифического языка на другой или как проникнуть в другую знаковую систему.

Первое, что приходит на ум, когда мы говорим о межвидовой коммуникации в таком контексте, — работа Айрин Пепперберг, американского когнитивного психолога и этолога [Пепперберг, 2016].

В 1980-х годах Пепперберг пыталась выяснить, способны ли непринымы усваивать нехарактерную для них знаковую систему, а именно человеческий язык. В качестве эксперимента она обучала попугаев разговаривать на английском. Одним из таких попугаев был жак Алекс (1976–2007). За свою жизнь Алекс не только выучил больше сотни слов, но был способен усваивать слова из разговора окружающих и употреблять их по собственному усмотрению в новых ситуациях, демонстрировал способность к символизации, устанавливая эквивалентность между предметами и обозначающими их словами, понимал абстрактные понятия; придумывал собственные названия для безымянных предметов, понимал, что слова состоят из отдельных фонем, и практиковался в их произнесении. Этот список не ограничивается уже упомянутыми языковыми способностями Алекса. Однако самое важное, на что нужно обратить внимание, — это то, что Алекс не просто механически повторял слова, но и мог осмысленно их использовать в совершенно разных ситуациях, отличных от того контекста, в котором он эти слова усвоил.

Апогеем эксперимента стал момент, когда Алекс захотел узнать, какого он цвета. Пепперберг специально не обучала его этому; Алекс сам задал этот вопрос, чтобы выяснить что-то о себе. Это свидетельствует о том, что Алекс не просто хотел узнать, какого он цвета, — у него присутствовало понимание собственной индивидуальности и способность к саморефлексии; он осознавал себя как отдельное существо, обладающее уникальными чертами. В ходе этого продолжительного эксперимента Айрин Пепперберг доказала, что животное, не относящееся к приматам и даже к млекопитающим, способно к освоению зачатков коммуникации с человеком на уровне, сопоставимом со способностями человекообразных обезьян.

Попугай Алекс — не единственная особь, проявившая способности к межвидовой коммуникации в подобных условиях. В 2010 году Бетти Джин Крейг, специализирующаяся на сравнительном литературоведении, опубликовала книгу, в которой рассказывает о своих разговорах с жак Космо, также обладавшим достаточно обширным словарным запасом и отличавшимся способностью использовать слова в различных контекстах [Craig, 2010]. Современные примеры из социальных сетей также показывают, что попугаи распознают цвета, формы, размеры и материалы, демонстрируя элементы абстрактного мышления, и способны общаться, используя человеческий язык. В качестве примера

можно привести жак Аполло, которого Тори и Далтон Мейсоны обучают согласно методике Айрин Пепперберг [Wikipedia, 2023].

Эти эксперименты могут служить наглядной демонстрацией того, что перевод с одного языка на другой вполне осуществим и что коммуникация между человеческими и нечеловеческими животными на человеческом языке может быть успешной. Однако главная проблема заключается в масштабировании этих результатов на городское пространство (подобная межвидовая коммуникация на человеческом языке может быть воссоздана только в ограниченных рамках эксперимента), а также в том, что не все птицы способны освоить человеческую речь (таких видов единицы).

В последнее время с приходом в нашу жизнь и науку больших языковых моделей количество попыток расшифровать видоспецифический язык животных кратно возросло. Ученые из Копенгагенского университета, записав и проанализировав 15 425 звуковых сигналов, издаваемых свиньями, выяснили, что они используют 19 видов хрюканий и криков для выражения различных эмоций, включая страх, радость, разочарование, грусть или стресс [Forskarer har hittat metod, 2024]. Чилийский морской биолог Марсела Руис в настоящий момент пытается расшифровать, о чем поют киты, с помощью искусственного интеллекта [Ruiz, 2024]. Группа ученых, среди которых Джойс Пул, последние 50 лет занимающаяся изучением коммуникации африканских слонов, расшифровав их звуковые сигналы с помощью искусственного интеллекта, доказала, что африканские слоны обращаются друг к другу по именам [Pardo et al., 2024]. Другая группа ученых смогла обнаружить грамматическую основу песен бенгальского амадина, также полагаясь на техническую помощь искусственного интеллекта [Kobayashi et al., 2025].

Большие языковые модели — достаточно новая технология, которая только начинает использоваться в контексте расшифровки языка животных, однако мы видим, что уже появляются конкретные результаты. Возможно, в обозримом будущем мы сможем не просто понимать нечеловеческих животных (хотя пока до этого тоже далеко), но и отвечать им на их же видоспецифическом языке. Однако до того момента, когда мы сможем наладить коммуникацию между птицами и людьми на видоспецифическом языке птиц, еще очень далеко.

Итак, мы знаем, что птицы коммуницируют между собой на видоспецифическом языке. Мы знаем, что коммуникация с птицами на человеческом языке может быть успешной, хотя в масштабах урбанизированного пространства ее достижение представляется маловероятным. Нам известно, что коммуникация с птицами на их видоспецифическом языке потенциально возможна в будущем, но не на текущем этапе развития больших языковых моделей. В таком случае возникает новый вопрос: как выстроить полити-

ческую коммуникацию с птицами, с которыми мы делим общие пространства, уже сейчас?

Кажется, что самым подходящим ответом будет признание того факта, что коммуникация между людьми и птицами возможна, однако нам нужно изменить наше представление о самой коммуникации и о том, как может выглядеть язык. Ниже я предлагаю проанализировать подходы к решению этого вопроса, содержащиеся в работах антрополога Эдуардо Кона и философа Евы Мейер.

В книге «Как мыслят леса» Кон, опираясь на идеи философа Чарльза Пирса, разрабатывает теорию семиозиса. Он пишет, что нас, людей, объединяет с миром нечеловеческой природы то, что мы все «пронизаны и опосредованы знаками» [Кон, 2018, с. 37]. Однако живым существам доступны знаки разного порядка. Например, нечеловеческим субъектам присущи иконические и индексальные знаки, которые они способны воспроизводить и интерпретировать. Человек же, помимо этих двух форм знаков, использует еще и символические знаки. Представляется, что опора на подобный подход открывает возможность коммуникации как за пределами сугубо человеческого, так и непосредственно с нечеловеческими субъектами. В данном контексте мы можем говорить о межвидовой коммуникации не только как о коммуникации с использованием определенных знаков, к которым прибегают только человеческие существа, но и как о процессе, основанном на знаках иного порядка, присущих нечеловеческим субъектам. Как следствие, концептуальная рамка Кона подталкивает к тому, чтобы переосмыслить политическое участие: оно может осуществляться не только посредством человеческого языка. Поэтому политическое сообщество готово воспринимать (слышать) субъектов за пределами привычной языковой практики и признавать за ними способность к политическому участию [Young, 1996]. Мы, в свою очередь, должны научиться воспринимать сигналы обратной связи, исходящей от природы в иной форме, нежели человеческий язык [Dryzek, 2000]. Такое понимание коммуникации приводит к тому, что коммуникация может включать в себя не только вербальное взаимодействие, но и широкий спектр невербальных практик и действий, о которых мы говорили в начале статьи в контексте птичьего языка. Нам остается только научиться слышать и воспринимать этот переосмысленный язык, следуя за знаками, исходящими от нечеловеческих животных.

В работе *When Animals Speak: Toward an Interspecies Democracy* [Meijer, 2019] Ева Мейер предлагает более глубокую и проработанную трактовку такого рода коммуникации, потому что ее изначальной задачей было выстроить новое понимание политической межвидовой коммуникации.

Свои рассуждения Мейер начинает с фрагмента из «Политики» Аристотеля, в котором он пишет следующее: «Между тем один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает пе-

чаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, и равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость, и т.п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» [Аристотель, 1983, с. 379]. Мейер, ссылаясь на Жака Деррида, подчеркивает, что противопоставление речи (*logos*) и голоса (*phone*) выступает важным критерием установления политических границ, определяющим, кто будет включен в политическое сообщество, а кто будет из него исключен [Derrida, 2009]. Современная политическая теория следует этому аристотелевскому разделению, поэтому только люди могут участвовать в политике, поскольку обладают речью, способностью аргументированно высказываться и различать справедливое и несправедливое. Политическая речь (*logos*) противопоставляется *phone*, звуку голоса нечеловеческих животных и Других, выражающему боль или удовольствие. В рамках такого подхода современные определения языка и политической коммуникации выстраиваются внутри дискурса, в котором человеческая речь рассматривается как априори более значимая и полноценная, что воспроизводит антропоцентрическую позицию. Соответственно, само понятие языка оказывается сопряжено с исключением нечеловеческих субъектов: гуманистический взгляд признаёт языком только ту форму выражения, которая соответствует человеческому *logos*, тем самым маргинализируя другие формы коммуникации. Поэтому Мейер предлагает «бросить вызов» такому подходу и «разработать новое понимание языка, которое может принять во внимание множество нечеловеческих животных выражений и способов создания смысла и которое начинается с идеи, что другие животные — это существа, у которых есть свой собственный взгляд на жизнь и их собственные способы сообщить об этом другим представителям своего и других видов» [Meijer, 2019, p. 15].

Таким образом, переосмысление языка в контексте коммуникации с нечеловеческими животными строится на двух тезисах. Во-первых, на существующие человеческие концепции языка уже влияют представители иных видов, поскольку люди и нечеловеческие животные сосуществуют и развиваются совместно. Во-вторых, важно признать, что люди и другие животные разделяют общие языки или языковые игры, в которых нечеловеческие животные проявляют свободу действий.

Раскрывая первый тезис, Мейер пишет, что язык формируется в процессе сосуществования и коэволюции с другими видами, который влияет на нашу способность понимать друг друга. В этом смысле мы обладаем всеми необходимыми инструментами

для того, чтобы межвидовая коммуникация была успешной.

Рассуждая о втором тезисе, Мейер опирается на концепцию «языковых игр» Людвига Витгенштейна, чей подход к языку предполагает отказ от поиска универсального определения языка и смещает внимание на описание того, как язык функционирует в конкретных социальных практиках [Meijer, 2019, p. 44–68]. В этой перспективе значение слов не является заранее заданным, а формируется в процессе их использования; смысл возникает из отношений, устанавливающихся между языковыми выражениями и практиками, в которых они задействованы. Такой подход также подчеркивает, что коммуникация включает не только вербальные элементы, но и жесты, телесные движения, интонации и другие формы невербального выражения, являющиеся полноправными компонентами языковой деятельности. Соответственно, язык предстает как феномен, существенно превосходящий совокупность слов и звуковых сигналов. Языковые игры в этом смысле распространяются и на формы коммуникации нечеловеческих животных, в которых невокальные элементы играют ключевую роль, что позволяет рассматривать язык как многообразие практик, а не как замкнутую систему.

Мейер рассматривает язык как совокупность языковых игр, в которых задействованы не только человеческие, но и нечеловеческие взаимодействия. Нечеловеческие животные выступают со-творцами смысла во множестве различных практик. Как следствие, язык является совокупностью языковых игр, которые происходят между различными видами не только посредством использования вербальных сигналов (*logos*), но и с помощью невербальных практик (*phone*). Важно подчеркнуть, что мы можем участвовать в языковых играх совместно с нечеловеческими животными, а также то, что многие виды обладают сложными системами сигналов, которые по своей структуре и функциям выходят за рамки исключительно передачи эмоциональных состояний.

Так, у верветок – приматов, обитающих в Восточной Африке, – существует дифференцированная система тревожных сигналов: отдельные вокализации используются для предупреждения о приближении хищников. Более того, наблюдения показывают, что верветки способны не только распознавать конкретные сигналы, но и соотносить их с соответствующим типом опасности, что предполагает наличие у них базовых способностей к интерпретации и оценке значения сигнала.

Аналогичным образом функционирует язык луговых собачек – грызунов, обитающих в Северной Америке. Он представляет собой сложную систему вокализаций, служащую для кодирования информации о хищниках. Отмечается, что их сигналы варьируются в зависимости от размера, формы, скорости движения и типа угрозы, что позволяет предположить наличие структурной организации, сходной

с элементарными грамматическими правилами человеческого языка.

Обращаясь к невокальным формам коммуникации, стоит вспомнить некоторые виды ящериц, у которых выделяют четыре способа подачи сигнала: характерная поза тела, количество конечностей, соприкасающихся с землей, ритмичное кивание головой и раздувание горлового мешка. Эти элементы могут комбинироваться, образуя систему сигналов, используемых в различных социальных взаимодействиях.

Дополнительное свидетельство сложно организованной коммуникации между нечеловеческими животными – феномен метакommunikации у собак. Метакommunikация предполагает способность указывать на контекст взаимодействия – например, собака может использовать специфический жест, приглашающий к игре, чтобы обозначить, что последующие выглядящие агрессивными движения следует интерпретировать не как угрозу, а как игровое поведение. Это говорит о существовании у нечеловеческих животных способности артикулировать не только содержание сообщения, но и способы его интерпретации.

Все эти примеры указывают на то, что нечеловеческие животные используют многообразные и контекстуально организованные формы коммуникации, которые в ряде случаев демонстрируют функциональное сходство с элементами человеческого языка. Как следствие, Мейер утверждает, что значение слов никогда не дается заранее, а возникает в процессе взаимодействия, которое выходит за пределы исключительно человеческих языковых игр, и включает в себя также межвидовые языковые игры. Однако важнее то, что в процессе этого взаимодействия мы не просто конструируем значения слов, но выражаем себя и создаем наши отношения с другими, производя наш общий мир.

Логичным продолжением переосмысления языка видится обращение к работам Мориса Мерло-Понти [Meijer, 2019, p. 74–78]. Отталкиваясь от его рассуждений, Мейер пишет, что тела играют важную роль в языке, поскольку они влияют на форму речи и, следовательно, на ее значение (*meaning*). Более того, разные языки связаны с разными формами культурного самовыражения: мысль и выражение конституируются одновременно, будучи укорененными в определенной культуре в существующем языковом мире. Как следствие, понимание не сводится к простой расшифровке или переводу представления, а скорее имеет дело с говорящим субъектом, обладающим определенным стилем бытия, и с его миром. Поэтому, если мы находим значение в акте речи и рассматриваем тело как то, что придает смысл миру и одновременно выражает его, мы можем избежать восприятия других животных и их языков как объектов, выражающих predetermined значения, или как субъектов, застрявших в своем умельте (окружающем мире). Именно поэтому Мерло-Понти справедливо указывает на то,

что смысл может быть создан между двумя очень разными субъектами. Однако чтобы иметь возможность применить этот подход, нужно рассматривать «говорение» как нечто более широкое, чем использование человеческих слов, а также принимать во внимание видовые различия в том, как животные выражают себя, учитывая, что телесная организация определяет форму их речи, которая не ограничивается звуками.

Таким образом, и птичий язык может быть лишен его изначальных коннотаций, связанных с туманностью, непонятностью, недоступностью. Хотя он все еще сложен для понимания, мы видим, что располагаем инструментарием, чтобы попытаться его осмыслить. Во-первых, язык – это не замкнутая система знаков, а совокупность языковых игр, возникающих в процессах взаимодействия между видами, которые сосуществовали вместе и коэволюционировали. Человеческие способы восприятия и реагирования формировались не изолированно, а в постоянном контакте с другими животными, из чего следует, что базовые структуры значимости, ориентированности на другого и способности к интерпретации являются межвидовыми по своему происхождению. Во-вторых, смысл сигналов, слов и знаков возникает не из знания словаря или грамматики, а из наблюдения за ситуацией, реакциями, поведением и формами ответов. Мы можем играть в такие игры, поскольку смысл – это результат совместной деятельности, а не свойства заранее определенных знаков. В-третьих, понимание достигается не через перевод птичьего языка на человеческий язык, а через способность воспринимать Другого как говорящего субъекта с его собственным способом бытия. В этой перспективе понимание – это попытка проникнуть в процесс выражения. Проникновение же возможно благодаря тому, что смысл может возникать между двумя очень не похожими друг на друга субъектами, обладающими телесностью, пусть и различной по своей организации [Merleau-Ponty, 1968].

Такое понимание языка позволяет Мейер сформулировать специфическую концепцию межвидовой демократии и коммуникации. В этом контексте она говорит о четырех модальностях – времени, пространстве, телесности (*physicality*) и отношениях, – которые трактуются иначе. Модальности времени характеризует изменение процесса обсуждения (*deliberation*). Если «политические разговоры между людьми часто происходят в формализованной обстановке и направлены на достижение окончательных выводов» [Meijer, 2019, p. 233], то, поскольку «политическая межвидовая коммуникация сопряжена со множеством неопределенностей, касающихся возможностей животных, межвидового взаимопонимания и так далее, лучше рассматривать эти взаимодействия как открытые процессы» [Ibid.], которые не всегда могут быть завершенными. Конечно, «в ходе этих процессов <...> можно достичь взаимопонимания, но всегда могут возникнуть новые идеи,

которые можно использовать для их улучшения» [Ibid.] в будущем. Модальность пространства предполагает смещение фокуса со «специально отведенных» для политических процессов и коммуникации «пространств, таких как здания парламента и мэрии» [Ibid., p. 234], в которых зачастую принимаются фактические политические решения, и выход «за рамки этих политических пространств». Для этого нужно «не просить или ожидать, что нечеловеческие животные переместятся в пространства, созданные людьми и для людей» [Ibid., p. 235], а расширить список пространств, в которых уже происходит межвидовая политическая коммуникация, и признать процессы, которые в них разворачиваются, политически значимыми. Модальность телесности делает акцент на том, что «межвидовое обсуждение часто не включает человеческие слова, но <...> это не <...> означает, что мы не можем говорить о вещах. Вместо того чтобы рассматривать обсуждение просто как процесс, в котором аргументы используются для пересмотра суждений, мы <...> должны понимать, что наше взаимодействие с людьми и другими животными всегда воплощено (*embodied*). Более того, <...> предметы могут играть определенную роль в обсуждении» [Ibid., p. 236]. Например, «в отношениях между собакой и человеком поводок может <...> функционировать как инструмент, опосредующий обсуждения, а в отношениях между гусем и человеком» [Ibid.] – земля, о чем мы поговорим чуть ниже. Модальность отношений указывает на необходимость всегда учитывать контекст, в рамках которого происходит то или иное обсуждение: как возникла проблема, кто вовлечен в ситуацию, как она развивается, а также кто, в какой мере и каким образом вносит вклад в обсуждение. В частности, мы должны помнить, что «как разовые индивидуальные встречи, так и повседневное групповое взаимодействие формируются множеством исторических, культурных, политических и других факторов», которые важно учитывать при разработке новых форм взаимодействия [Ibid., p. 237–238].

Одним из примеров того, каким образом такая теоретическая модель может работать, является обсуждение, возникшее вокруг голландской популяции серых гусей, гнездящейся в окрестностях аэропорта Схипхол в Амстердаме. В конце статьи, посвященной анализу этого кейса, Мейер пишет: «Самым первым шагом к включению голосов гусей может быть встреча политиков-людей с гусями, в отношении которых они принимают решения. В нынешней ситуации политики иногда ничего не знают о видах и сообществах, с которыми они имеют дело, что позволяет им игнорировать их точку зрения и полагаться на стереотипы. Шаг второй: необходимо понять, где происходит взаимодействие между гусями и людьми, и научиться извлекать из него уроки. Например, коммуникация о ландшафте может предоставить информацию, которая поможет нам лучше коммуницировать с гусями. Шаг третий: взаимодействие с гусями должно влиять на политические

практики, а принимаемые в отношении них решения должны доводиться до гусей на понятном им языке. Затем они могут отреагировать на это решение, например покинув определенное место или начав защищать его, а на эту реакцию должен последовать ответ со стороны людей. В-четвертых, необходимо ставить небольшие политические эксперименты для дальнейшего изучения этих вопросов. Чтобы найти новые способы сосуществования с гусями, нам необходимо разработать новые способы взаимодействия с ними. Разговаривать с гусями и слушать то, что они говорят в ответ, — первый шаг в этом направлении» [Мейер, 2024].

Другой кейс, который разбирает Мейер, — отношения между людьми и чайками в Нидерландах [Meijer, 2016, p. 64–65]. В последние несколько десятилетий деятельность человека (сельское хозяйство и туризм) разрушила множество мест обитания чаек. Поэтому чайки переместились в городские пространства Нидерландов, «где начали гнездиться на домах с плоскими крышами и изменили свой рацион, включив в него человеческую пищу», которую они добывают, ворую ее прямо у людей или вскрывая мусорные пакеты. Один из голландских политиков, Рудмер Хеерем, объявил войну чайкам и разрешил их отстрел, потому что, по его мнению, «они открывают мусорные мешки, крушат машины, загрязняют окружающую среду и не дают тысячам людей спать по ночам» [Ibid., p. 65], «представляют опасность для маленьких детей» [Ibid.], а также «по всей видимости, воруют сыры, которыми славится город» [Ibid.] Алкмар, выходцем которого является Хеерем. Однако нидерландская организация по защите птиц (De Vogelbescherming) выступила против подобных мер и не допустила отстрела. Вместо этого были предложены альтернативные «материальные меры, чтобы убедить птиц перебраться в другое место и изменить свое поведение». Например, в городе Лейден начали использовать более прочные мусорные мешки. Такая мера не сразу принесла результат, поскольку новые мешки оказались недостаточно прочными. Но относительно быстро они были заменены другими мешками, которые чайки уже не могли вскрыть, поэтому «переместились в другое место» [Ibid.]. Другая предложенная мера заключалась в том, чтобы обеспечить чаек более естественной для них пищей и создать «гнездовые острова у побережья» [Ibid.], местоположение которых предстояло бы определять вместе с птицами, поскольку у них тоже есть свои интересы и предпочтения. Последняя предложенная мера состояла в том, чтобы перестать предлагать чайкам еду и «научиться уважительно говорить “нет”» [Ibid.].

И для первого, и для второго обсуждаемого Мейер кейса характерны материальные взаимодействия и материальная коммуникация, происходящая не посредством абстрактных человеческих понятий, а за счет определенных материальных изменений среды или через конкретные материальные объек-

ты — например, пакеты, которые позволяют более эффективно доносить до нечеловеческих животных, в данном случае птиц, определенную информацию. Одновременно с этим сами нечеловеческие животные также коммуницируют с нами посредством материальных взаимодействий, когда занимают определенную территорию, урбанизированное пространство, а также когда на материальном уровне вмешиваются в нашу жизнь: представляют угрозу для полетов самолетов, воруют еду или создают беспорядок, разрывая мусорные пакеты.

В такого рода межвидовой коммуникации важно прислушиваться к группам, которые до этого не признавались в качестве политических агентов [Meijer, 2025]. Это важно для того, чтобы выяснить, каковы интересы нечеловеческих животных, как они соотносятся с интересами человеческих политических сообществ и, в некоторых случаях, чтобы понять, следует ли признавать их частью многовидового сообщества [Bickford, 1996; Dryzek, 2000; Dobson, 2014]. Мы должны, утверждает Мейер, учиться слушать другого, становясь «фоном для другого, который пока еще не является нам, а может и не явиться, или может явиться только через долгое время». Эта практика «важна для развития новых коллективов и способов взаимодействия в сообществе» [Meijer, 2023].

Теоретический подход Евы Мейер задает концептуальную рамку для размышления о межвидовой демократии и межвидовой коммуникации с птицами и разговорах о них. Для подхода Мейер важен так называемый «системный поворот» в делиберативной демократии, который рассматривает демократическое устройство как «сложное целое, в котором разнообразные институты, ассоциации и стороны противостояния вовлечены в совместную работу над политическими вопросами, в которую включены также неформальные объединения, медиа, организованные правозащитные группы, школы, фонды, частные и некоммерческие институты, законодательные органы и суды» [Mansbridge, 2012, p. 2]. Мне кажется, что тексты, предложенные в этом номере журнала, очень хорошо вписываются в теоретическую рамку Мейер и демонстрируют то, каким образом на практике может работать межвидовая делиберативная демократия, в которой участниками являются не только люди, обсуждающие птиц, но и сами птицы, говорящие на своем птичьем языке, который в ряде ситуаций оказывается для нас вполне понятным.

Источники

- Аристотель. (1983). *Политика*. В *Аристотель. Сочинения* (в 4 т., т. 4). М.: Мысль.
- Кон, Э. (2018). *Как мыслят леса: К антропологии по ту сторону человека*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Пепперберг, А. (2017). *Алекс и я*. Москва: Издательский дом ЯСК.
- Серов, В.В. (2003). *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. Москва: Локид-Пресс.

- Мейер, Е. (2024). Межвидовые встречи и политический поворот: От диалогов к deliberации (О. Кудрявцева, И. Смирнов, пер.). В М. Мефёд (Сост.) *Нечеловеческие животные и техника* [веб-зін]. Музей современного искусства «Гараж». <https://non-human-animals.garage.digital/mezhvidovye-vstrechi-i-politicheskij-povorot-ot-dialogov-k-deliberacii.html>.
- Wikipedia. (2023, September 29). *Apollo G. Bird*. https://en.wikipedia.org/wiki/Apollo_G.Bird
- Bickford, S. (1996). *The dissonance of democracy: Listening, conflict and citizenship*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Craige, B.J. (2010). *Conversations with Cosmo: At home with an African grey parrot*. Santa Fe, NM: Sherman Asher Publishing.
- Derrida, J. (2008). *The beast and the sovereign* (Vol. 1). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Dobson, A. (2014). *Listening for democracy: Recognition, representation, reconciliation*. Oxford, UK; New York, NY: Oxford University Press.
- Dryzek, J. (2000). *Deliberative democracy and beyond*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Forskare har hittat metod för att avkoda grisars språk och känslor. (n. d.). *Illustrerad Vetenskap*. <https://illvet.se/teknik/forskare-har-hittat-metod-for-att-avkoda-grisars-sprak-och-kanslor>.
- Kobayashi, K., Matsuzaki, K., Taniguchi, M., Sakaguchi, K., Inui, K., & Abe, K. (2025). FinchGPT: A transformer-based language model for birdsong analysis. *arXiv*.
- Mansbridge, J., Bohman, J., Chambers, S., Christiano, T., Fung, A., Parkinson, J., & Warren, M. (2012). A systemic approach to deliberative democracy. In J. Parkinson & J. Mansbridge (Eds.), *Deliberative systems: Deliberative democracy at the large scale* (pp. 1–26). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Meijer, E. (2023). Deep listening and democracy: Political listening to fellow citizens and other beings. *The Philosopher*. <https://www.thephilosopher1923.org/post/deep-listening-and-democracy>.
- Meijer, E. (2016). Interspecies democracies: Blurring boundaries in human-animal relationships. In B. Bovenkerk & J. Keulartz (Eds.), *Animal ethics in the age of humans* (pp. 53–72). Cham: Springer Verlag.
- Meijer, E. (2025). *Multispecies dialogues: Doing philosophy with animals, children, the sea and others*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Meijer, E. (2019). *When animals speak: Toward an interspecies democracy*. New York, NY: New York University Press.
- Merleau-Ponty, M. (1968). *The visible and the invisible*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Pardo, M.A., Fristrup, K., Lolchuragi, D.S., et al. (2024). African elephants address one another with individually specific name-like calls. *Nature Ecology & Evolution*, 8, 1353–1364.
- Ruiz, M. (2024). Marine acoustics: What do the depths tell us about biodiversity? [Video]. Congreso Futuro. YouTube. <https://youtu.be/HdJ81xXusnA?si=CNF19KyKR2EnNNjM>.
- Young, I.M. (1996). Communication and the other: Beyond deliberative democracy. In S. Benhabib (Ed.), *Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

NOTES ON INTERSPECIES COMMUNICATION

Mark V. Mefed, Independent researcher; Moscow, Russian Federation.
E-mail: fleainmyhead@gmail.com

This article analyzes interspecies communication, with primary attention given to human interaction with birds and other non-human animals. Considering that interspecies communication on an urban scale is impossible in either human language or the species-specific language of animals, the author turns to the works of Eduardo Kohn and Eva Meijer to rethink the very concept of language and interaction between species. Verbal and non-verbal forms of communication are examined, including vocalizations, visual signals, bodily movements, and behavioral indices, as well as the phenomenon of metacommunication, which allow animals to convey the meaning of their actions. Emphasis is placed on the fact that communication between species is built not only on the exchange of signals, but also on the capacity for mutual perception, interpretation, and reaction in a shared space. The article emphasizes that interspecies communication is a process of interaction involving the joint creation of meaning and the recognition of other subjects as carriers of their own experience. The paper focuses on the need to develop interspecies democracy, understand the diversity of sign systems, and apply philosophical and anthropological approaches to expand human perception, form new ethical practices, and build ethically responsible interaction with other living beings.

Keywords: bird language; birds; non-human animals; interspecies communication; Eduardo Kohn; Eva Meijer

Citation: Mefed, M. (2026). Notes on Interspecies Communication. *Urban Studies and Practices*, 11(2), 6–13. <https://doi.org/10.17323/usp11220266-13>

References

- Aristotle. (1983). *Politics*. In Aristotle, *Works* (Vol. 4), A.I. Dovatur (Ed.). Moscow: Mysl. (in Russian).
- Bickford, S. (1996). *The dissonance of democracy: Listening, conflict and citizenship*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Craige, B.J. (2010). *Conversations with Cosmo: At home with an*

- African grey parrot*. Santa Fe, NM: Sherman Asher Publishing.
- Derrida, J. (2008). *The beast and the sovereign* (Vol. 1). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Dobson, A. (2014). *Listening for democracy: Recognition, representation, reconciliation*. Oxford, UK; New York, NY: Oxford University Press.
- Dryzek, J. (2000). *Deliberative democracy and beyond*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Forskare har hittat metod för att avkoda grisars språk och känslor. (n.d.). *Illustrerad Vetenskap*. <https://illvet.se/teknik/forskare-har-hittat-metod-for-att-avkoda-grisars-sprak-och-kanslor>.
- Kobayashi, K., Matsuzaki, K., Taniguchi, M., Sakaguchi, K., Inui, K., & Abe, K. (2025). FinchGPT: A transformer-based language model for birdsong analysis. *arXiv*.
- Kohn, E. (2018). *Kak mysljat lesa: K antropologii po tu storonu cheloveka* [How forests think: Toward an anthropology beyond the human]. Moskva: Ad Marginem Press (in Russian).
- Mansbridge, J., Bohman, J., Chambers, S., Christiano, T., Fung, A., Parkinson, J., & Warren, M. (2012). A systemic approach to deliberative democracy. In J. Parkinson & J. Mansbridge (Eds.), *Deliberative systems: Deliberative democracy at the large scale* (pp. 1–26). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Meijer, E. (2023). Deep listening and democracy: Political listening to fellow citizens and other beings. *The Philosopher*. <https://www.thephilosopher1923.org/post/deep-listening-and-democracy>.
- Meijer, E. (2016). Interspecies democracies: Blurring boundaries in human-animal relationships. In B. Bovenkerk & J. Keulartz (Eds.), *Animal ethics in the age of humans* (pp. 53–72). Cham: Springer Verlag.
- Meijer, E. (2024). Mezhhvidovyye vstrechi i politicheskij povorot: Ot dialogov k deliberatsii [Interspecies encounters and the political turn: From dialogues to deliberation] (O. Kudryavtseva, I. Smirnov, Trans.). In M. Mefyod (Ed.), *Nechelovecheskiye zhivotnyye i tekhnika* [Non-human animals and technology] (Web-zine). Garage Museum of Contemporary Art. <https://non-human-animals.garage.digital/mezhvidovye-vstrechi-i-politicheskij-povorot-ot-dialogov-k-deliberatsii.html> (in Russian).
- Meijer, E. (2025). *Multispecies dialogues: Doing philosophy with animals, children, the sea and others*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Meijer, E. (2019). *When animals speak: Toward an interspecies democracy*. New York, NY: New York University Press.
- Merleau-Ponty, M. (1968). *The visible and the invisible*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Pardo, M.A., Fristrup, K., Lolchuragi, D.S. et al. (2024). African elephants address one another with individually specific name-like calls. *Nature Ecology & Evolution*, 8, 1353–1364.
- Pepperberg, A. (2017). *Aleks i ja* [Alex & Me]. Moskva: Izdatelskiy dom YASK (in Russian).
- Ruiz, M. (2024). Marine acoustics: What do the depths tell us about biodiversity? [Video]. Congreso Futuro. YouTube. <https://youtu.be/HdJ81xXusnA?si=CNF19KyK2EnNNjM>.
- Serov, V.V. (2003). Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Moscow: Lokid-Press (in Russian).
- Young, I.M. (1996). Communication and the other: Beyond deliberative democracy. In S. Benhabib (Ed.), *Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Птицы в городе — сегодня прилетают, завтра остаются

Марат Невлютов

Сойдя с обочины шоссе, в какой-то миг
Вдруг видит путник, августовский отпускник,
Какое чудо в воздухе висит
Медитативно у гудронной автострады:
То пустыльги недвижимое порханье.

Айрис Мёрдок. Год птиц

Введение

Большой город по-прежнему остается наиболее точным выражением духа современности не только потому, что растет число городов и их жителей, но также и потому, что городской образ жизни доминирует над другими формами проживания людей и фактически уничтожил любые альтернативы. Планетарная урбанизация, о которой вслед за Анри Лефевром заговорили многие исследователи [Brenner, 2014], распространяет не только специфический образ жизни, но и свойственный большим городам тип социальных отношений. Эти отношения достаточно емко, хоть и несколько упрощенно могут быть описаны как опыт Чужака или «незнакомца», который, по мнению Зигмунта Баумана, представляет собой универсальный опыт современного городского жителя [Bauman, 2019]. Чужак находится в непосредственной физической близости, но социально дистанцирован; он представляет потенциальную угрозу для других, но и сам зачастую оказывается в уязвимом положении. Именно эта дуальность, постоянное балансирование между «вне» и «внутри», делает фигуру Чужака ключевой для понимания современного города.

Но следует помнить, что города населены не только незнакомыми друг с другом людьми. Если воспользоваться инклюзивной классификацией из борхесовской китайской энциклопедии — той самой, на которую ссылается Мишель Фуко, чтобы указать на проблематичность любых таксономий, — то в городе окажутся и бродячие собаки, и прирученные, и сирены, молочные поросята, и сказочные, и те, что издали кажутся мухами, и принадлежащие Императору, и неисчислимы [Фуко, 1994]. Города и те территории, где утвердился городской образ жизни, принадлежат не только людям, но и всему этому сонму существ. Отношение ко многовидовому сообществу со стороны человека — вида, доминирующего и наиболее приспособленного к город-

Невлютов Марат Раилевич, кандидат архитектуры, доцент, Архитектурная школа МАРШ; старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) — филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»; Москва, Российская Федерация.
E-mail: mnevlyutov@gmail.com

Статья предлагает синтез урбанистической теории и гуманитарных исследований животных через ревизию концепции Чужака. Отталкиваясь в первой части от классических социологических интерпретаций Чужака (Георг Зиммель, Роберт Парк, Альфред Шюц) и практик городского наблюдения (преследование, фланирование, дрейф), автор показывает, как дуальность расположения «вне» и «внутри» характеризует отношения, складывающиеся между людьми в мегаполисе. Эта амбивалентность, с одной стороны, порождает равнодушие, страх и ненависть, а с другой — предлагает новые формы внимательности, критического взгляда и доверия. Этот аналитический инструментарий во второй части статьи применяется к нечеловеческим обитателям города — птицам. Рассмотрение различных сюжетов из эссеистики и научных исследований, где птицы предстают в качестве Чужака (от голубя в повести Патрика Зюскинда «Голубка» до малых пингвинов в Сиднейской гавани у Тома Ван Дорена), показывает слабые стороны антропоцентрического взгляда на отношения жителей большого города. Статья вводит в урбанистический дискурс феномены орнитофобии, бердинга и утраты мест обитания, показывая, как взгляды птиц, альтернативные птичьи ритмы и их способность к воспоминанию и воссоединению проблематизируют человеческую исключительность и подводят к необходимости многовидовой этики соседства в городе.

Ключевые слова: чужак; орнитофобия; антропоцентризм; многовидовая этика; утрата мест обитания; Георг Зиммель

Цитирование: Невлютов, М. Р. (2026). Птицы в городе — сегодня прилетают, завтра остаются, *Городские исследования и практики*, 11(2), 14–22. <https://doi.org/10.17323/usps112202614-22>

ским условиям, — часто строится на эксплуатации, угнетении и насилии. Так происходит во многом благодаря тому, что «антропологическая машина» определяет «отсутствующую природу человека» через отличие от Другого — от «животного» [Агамбен, 2012]. В рамках этой логики Чужаком может оказаться не только нечеловеческое животное, но и домашний питомец, человек иной расы и культуры, а в конечном счете — и я сам.

Среди всего многообразия нечеловеческих горожан в этой статье мы предлагаем сфокусироваться на птицах. В отличие от крупных и обычно прирученных животных, невидимых и пугающих насекомых, бесчисленных и чаще всего пассивных растений, именно птиц легче всего увидеть в мегаполисе и быть увиденными ими в ответ. Эта взаимная видимость делает их объектом человеческого внимания гораздо чаще, чем им становятся другие обитатели города. Согласно данным, только в Соединенных Штатах в 2022 году около 96 млн человек активно взаимодействовали с дикими птицами: наблюдали за ними, искали встреч с ними и заботились о них [Devokaitis, 2024]. Люди постоянно вступают с ними в отношения, которые зачастую не поддаются четкой классификации и не сводятся к утилитарным категориям пользы или вреда для человека. Таким образом, птиц можно рассматривать как пример «идеального» Чужака, отношения с которым характеризуются физической близостью при сохранении социальной дистанции. Присутствие птиц в городе становится вызовом для антропоцентрического миропорядка и открывает возможность для формирования многовидовой этики соседства.

Чужаки в городе

Внутреннее и внешнее

Прежде чем перейти к наблюдению за птицами, проанализируем некоторые качества Чужака и опишем их эвристический потенциал для городских исследований. Георг Зиммель определяет Чужака как «потенциального странника», который «сегодня приходит и завтра остается, <...> который хотя и не отправляется дальше, однако не совсем отказался от возможности уйти» [Зиммель, 2008]. Одновременное присутствие в Чужаке дистанции и близости, «вне» и «внутри» характеризует его неустойчивое, уязвимое положение в социальной группе, частью которой он при этом остается. С другой стороны, дуальность Чужака делает его символом множества городских фобий — страхов перед объектами, пространствами и ситуациями, которые кажутся знакомыми, но в определенном свете предстают как совершенно незнакомые. Иллюстрацией этого служит природа пространственных фобий: агорафобия часто артикулируется как страх перед потенциальным прикосновением незнакомца в открытом пространстве, а клаустрофобия может быть связана с ощуще-

нием присутствия в комнате незримого наблюдателя [Видлер, 2025].

Большой город является пространством концентрации Чужаков (внешнее впечатление) и фобий (внутреннее впечатление), что неизбежно ведет к эмоциональной перегрузке. Согласно Зиммелю, большому городу свойственно «усиление нервной жизни, происходящее от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [Зиммель, 2018]. Чтобы справиться с этим напряжением, которое в условиях современного мегаполиса становится перманентным, его житель начинает опираться в своей жизни в большей степени на интеллект, чем на чувства, стремясь тем самым рационализировать непрерывный поток внутренних и внешних впечатлений. Именно в этом смысле «духовная» жизнь в городе подвергается деградации: то, что раньше было поводом для эмоциональной реакции и демонстрации чувств другому, теперь подчиняется холодному рациональному расчету. Это находит свое выражение в полном равнодушии к Другому: «Нет, пожалуй, другого душевного явления, которое было бы так безусловно свойственно именно большому городу, как высокомерное равнодушие, вызванное пресыщенностью» [Зиммель, 2018].

Согласно Зиммелю, высокомерное равнодушие и рациональный расчет — эти защитные реакции на чувственное перенасыщение — порождают недоверие в качестве доминирующей формы социальных отношений в большом городе. Все более отчужденные друг от друга жители в конечном счете становятся Чужаками друг для друга без потенциальной возможности сближения и ассимиляции. Однако — вопреки возможным ожиданиям — это недоверие не приводит к анонимному и комфортному сосуществованию в условиях высокой плотности городского населения. Зиммель указывает, что итогом такой тенденции городской жизни становится борьба: «Внутренней стороной этой внешней замкнутости является не только безразличие, но и — чаще, чем мы отдаем себе в этом отчет, — невысказанное желание избежать контакта, взаимная чуждость и отторжение, которые в тот момент, когда что-нибудь заставит людей тесно соприкоснуться, немедленно перейдут во вспышку ненависти и борьбы» [Зиммель, 2018]. Физическая близость без эмоциональной и социальной неизбежно оборачивается открытым или скрытым конфликтом.

Дуальность фигуры Чужака, порождающая отношения равнодушия, а следом и борьбы, делает ее одной из самых проблемных в современности. Однако именно в этой двойственности обнаруживается и потенциал для новых форм сосуществования в большом городе. В осмыслении этого потенциала важное место занимает концепция «маргинального человека», предложенная интеллектуальным лидером Чикагской школы социологии Робертом Парком и развитая другими участниками этого исследовательского направления. «Маргинальный человек»,

он же Чужак, он же «культурный гибрид», он же «первый космополит», благодаря своей подвижности и мобильности оказывается расположенным между культурами, тем самым освобождаясь от их ограничений. Свобода, однако, вынуждает его в поведении и принятии решений руководствоваться собственным мнением, поддержанным интеллектом. Как замечает Парк, «они становятся в ходе этого процесса не просто эмансипированными, но просвещенными» [Парк, 1998]. Вынужденный осмысливать свое поведение, «маргинальный человек» учится критически оценивать устойчивость и необходимость самих культурных различий.

Однако интеллектуализация не всегда могла защитить Чужака от экзистенциального противостояния между старым и новым «я». Внутреннее смятение и внешняя нестабильность перерастали в перманентный кризис, который в конечном итоге кристаллизовался в особый «личностный тип». Социолог Луис Вирт, младший коллега Парка, видел в становлении этого нового типа личности благоприятную возможность для сосуществования в городе. По его мнению, «соседство дивергентных личностей и образов жизни рождает релятивистскую перспективу и чувство терпимости к различиям» [Вирт, 2005]. Терпимость к различиям становилась возможной благодаря особой «чуткости к внешнему» и фрагментации личности, которая коррелировала с разнообразием городской среды: «Благодаря многообразию интересов, связанных с различными аспектами социальной жизни, индивид становится членом самых разных групп, каждая из которых функционирует лишь в соотношении с одним из сегментов его личности» [Вирт, 2005]. Таким образом, новый фрагментированный личностный тип получал особую способность: открыться внешнему и найти в самом себе часть Другого.

Искусство преследования

Таким образом, большому городу оказывается присущ новый тип личности – фрагментированной, но одновременно предельно восприимчивой к внешнему окружению. Такой горожанин обретает большую свободу в самовыражении и поведении, поскольку перестает безраздельно принадлежать одной культуре и уже не ограничен ее инертностью. Так Зиммель обнаруживает в Чужаке склонность к экстравагантности, внешней причудливости, радикальному, но уже безопасному отлечию от Другого. Поскольку социальный контакт с незнакомцем в динамичном городском пространстве краток, то возникает необходимость или «соблазн предъявить себя в подчеркнутом, концентрированном, максимально характерном виде» [Зиммель, 2018]. Эта экстравагантность и концентрированность образа совпадали с логикой моды, которая как социальный феномен как раз активно формировалась в эпоху зиммелевского анализа Чужака. Прогуливаясь по городу, модник искал в толпе Другого, чтобы увидеть его

и мгновенно быть увиденным в ответ. Это был способ добавить в кратковременные и рационализированные отношения безопасное количество эмоций и социальной близости.

Рядом с модником располагается другая хорошо знакомая исследователям города фигура – фланер. Как и модник, он – часть толпы, однако противопоставляет ей свою индивидуальность иным способом. В новелле Эдгара Аллана По «Человек толпы» главный герой, оставаясь невидимым наблюдателем, пристально изучает внешнее – пеструю толпу, пытаясь угадать род занятий прохожих и классифицировать их. Его внимание внезапно приковывает старик с невероятно странным, исполненным внутренних противоречий лицом, чью историю он не может прочесть с первого взгляда. Охваченный чувством любопытства, рассказчик начинает преследовать незнакомца и проходит длинный путь по городу. Так и не сумев разгадать его загадку, герой приходит к горькому заключению: «Этот старик – прообраз и воплощение тягчайших преступлений. Он не может остаться наедине с самим собой. Это человек толпы» [По, 1976]. Рассказчик становится одержим стариком, в котором он пытается найти отражение собственной неординарности – и, не найдя его, испытывает глубокое разочарование.

Для фланера фигура Другого становится объектом наблюдения и преследования, а наличие в нем загадки возбуждает чувства и мотивирует двигаться в поисках разгадки. Одновременно с артикуляцией дистанции и разочарования фланер обнаруживает наслаждение в слиянии с толпой. Об этом пишет другой теоретик городской толпы и фланерства Шарль Бодлер: «Бескорыстно любознательный человек, ненасытный наблюдатель испытывает огромное наслаждение, смешиваясь и сживаясь с людской массой, с ее суетой, движением, летучей изменчивостью и бесконечностью» [Бодлер, 1986]. Такая практика наблюдения предполагает парадоксальность расположения фланера по отношению к толпе: он является ее критиком, но при этом слит с ней, одобрен человеку толпы. На это амбивалентное положение бодлеровского фланера указывает и Вальтер Беньямин: «Он позволяет своим отношениям с ней [с толпой] заходить достаточно далеко, чтобы внезапно, одним презрительным взглядом, обратить ее в ничто» [Беньямин, 2015, с. 140]. Такая критика изнутри, своего рода самокритика, означает, что фланер обнаруживает загадку в самой ситуации, а не отправляется на поиски заведомо определенного.

К альтернативной мотивации, несвойственной простой прогулке, обращается теория ситуационистского дрейфа. Ги Дебор пишет, что дрейф «представляет собой свободное движение в сочетании с его необходимой противоположностью – управлением психогеографической динамикой за счет осознания и учета предоставляемых ею возможностей» [Дебор, 2017, с. 20]. В процессе дрейфа между случайностью и выбором возникают противо-

речия, которые разрешаются благодаря рефлексии и вниманию к «возможностям». В предоставленных Дебором отчетах дрейфующие были мотивированы бредом, странностями, совпадениями или узнаванием уже случившихся в прошлом или в воображении ситуаций. Такая прогулка становилась не просто методом городского исследования, но критикой рутинного поведения и потребительского отношения к городу. Цель дрейфа – обнаружить «различные сочетания атмосфер», которые, в свою очередь, «способны вызывать такие же сложные и многообразные чувства» [Дебор, 2017, с. 16]. Дрейф выступает политическим действием сопротивления установленным, рутинным порядкам, он преобразует наблюдателя в активного участника городской жизни.

Модник, фланер, дрейфующий искали взгляда Другого, преследовали человека из толпы, критически оценивали ситуацию. Однако, прежде чем действовать, им всем приходилось ждать – мимолетного выражения лица в толпе, случайной встречи, внезапного озарения. В пьесе Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо» ожидание представлено на первый взгляд пассивной, бессмысленной, абсурдной практикой. Но ожидание, о котором говорит автор, включает в себе и императив возможности: Годо может появиться в любой момент. Кажется, что смысл ожидания возникнет только в момент появления Годо, а само ожидание представляет собой пустую трату времени – простую подготовку к последующему действию. Однако подлинное значение этого состояния раскрывается лишь при условии отказа от определенности расписания, от четких координат пространства и времени. Эту мысль Беккет вкладывает в уста одного из героев, который высказывает раздражение в адрес тех, кто жаждет точного знания: «Вы не перестаете травить меня вашими историями про время? Это неслыханно! Когда! Когда!.. В один прекрасный день мы станем глухими, в один прекрасный день мы родились, в один прекрасный день мы умрем» [Беккет, 2010]. Такая практика ожидания видит в Другом ориентир, но оставляет его в принципиальной неопределенности, делая сам процесс ожидания главным событием.

Невозможное возвращение

Неопределенность ожидаемого, его принципиальная расположенность вне координат времени и пространства наиболее ярко воплощаются в фигуре возвращающегося домой. Альфред Шюц в эссе «Возвращающийся домой» указывает, что путешественники, эмигранты, ветераны войн проделывают обратный путь в надежде увидеть свой дом неизменным – таким, каким они его помнят. Однако дом обнаруживает свое «непривычное лицо». При этом для домочадцев сам возвращающийся также оказывается Чужаком, представая перед ними в незнакомом обличье. Если «маргинальный человек» Парка готов к неопределенности, то возвращающийся на-

деется встретить знакомое и привычное. Как пишет Шюц, ключевое отличие в том, что «ищущий близости чужой должен более или менее формальным образом предвосхитить то, что он обнаружит, вернувшись же должен всего лишь обратиться к воспоминаниям прошлого» [Шюц, 2003]. Именно поэтому ожидания возвращающегося оказываются иллюзией, плодом воображения. Ждать чего-то и не получить – вот тот важнейший и трагический урок, который должен усвоить Одиссей, вступая на порог родного дома в надежде на покой и умиротворение. Возвращение домой оказывается не возвращением к привычному, а встречей с невозможностью такого возвращения.

Шюц описывает дом как «нулевую точку системы координат» – место, откуда человек начинает свой путь и куда стремится вернуться. Однако в действительности этот дом оказывается не реальной отправной и конечной точкой, а скорее воображаемым конструктом, проекцией «тоски по дому». Подобно образу любимого человека в сознании разлученного с ним, дом утрачивает свою целостность. Он расщепляется на актуальность и воспоминание, между которыми уже невозможно установить корреляцию: «Личность Другого более недоступна как единство; она разбилась на части. Не существует больше тотального переживания любимого человека, его жестов, его манеры ходить, говорить и слушать; остаются только воспоминания, фотографии, рукописные строки» [Шюц, 2003]. Именно это представление о целостности – и дома, и личности Другого – становится для возвращающегося ключевым и самым сильным эмоциональным мотивом его поисков и ожидания. Однако тоска по дому неизбежно впадает в парадокс, присущий всякой ностальгии. Как отмечает Энтони Видлер, ее суть состоит в «осознании того, что, несмотря на тоску по конкретному месту и времени, объект желания не там и не здесь, не присутствует и не отсутствует, сейчас или тогда» [Видлер, 2025, с. 111].

Другой известный феноменолог, Гастон Башляр, также обращается к теме дома как к ключевому пространственному образу целостности, приобретающему особую значимость для жителя мегаполиса. Дом у Башляра является воображаемым – вернуться в «страну незыблемого детства» можно лишь в собственных грезах, тогда как в реальности он остается принципиально недостижимым. И тем не менее грезить о доме необходимо, полагает Башляр, но для этого нужна особая установка – доверие. Здесь впервые возникает фигура птицы, который феноменолог приводит в качестве примера такого безосновательного доверия: «Разве птица свила бы гнездо, если бы у нее не было инстинктивного доверия к окружающему миру? Если мы слышим этот сигнал, если такое хрупкое сооружение, как гнездо, представляется нам надежнейшим из убежищ – парадокс, конечно, но такова сила нашего окрыленного воображения, – значит, мы возвращаемся к корням, из которых вырос дом мечты» [Башляр, 2020]. Таким об-

разом, дом как целостность становится возможным, если он укоренен не в прошлом и не в будущем, а в пространстве доверия к неопределенности. Такое доверие позволяет воображению конструировать целостность там, где реальность обнаруживает лишь уязвимость.

Для всех рассмотренных разновидностей Чужака — от «маргинального человека» до фигуры «возвращающегося домой» — общей чертой является расположенность между «вне» и «внутри». Именно эта промежуточность делает их уязвимыми, но вместе с тем наделяет свободой, открывая путь к разнообразным городским практикам — от наблюдения и преследования до дрейфа и ожидания. Исторически подобные практики возникли гораздо раньше, однако именно в пространстве большого города они обрели узнаваемые формы. Анализ этих фигур и практик — от зиммелевского Чужака до беккетовского ожидания — позволяет увидеть городскую реальность как непрерывный и двойственный процесс, в котором равнодушие, недоверие, страх и непонимание порождают свои противоположности: открытость, чуткость и доверие. Именно эту концептуальную логику — способность феномена при внимательном рассмотрении обнаруживать свои скрытые, парадоксальные стороны — мы намерены применить к иному, «нечеловеческому» измерению.

Птицы в городе

Голубиный взгляд

Переход к обсуждению птиц представляет собой важный шаг в переосмыслении классических социологических концепций. Он позволит проверить, в какой мере предложенные описательные модели и практики работают за пределами антропоцентрического поля, а также способны ли эти подходы открыть новые способы сосуществования с нечеловеческими животными, которые, являясь полноправными обитателями городов, остаются за рамками традиционного социального анализа. В данном разделе мы обратимся к «птичьим» фигурам, которые до сих пор практически отсутствовали в дискурсивном поле городских исследований. Как и фигуры «человеческие», они возникают в различных типах текстов: художественной литературе, полевых записях и дневниках натуралистов, а также в работах гуманитарных исследований животных и природы. Мы попытаемся придать этим подчас поэтическим образам теоретическую значимость, сопоставимую с той, которую приобрели в городских исследованиях размышления о Чужаке, фланере и возвращающемся домой. Одновременно мы попытаемся выделить в них нечто новое, что проблематизирует и подрывает саму идею человеческой исключительности.

Ярким примером Чужака, нарушающего границу между внешним и внутренним, выступает голубь

из повести Патрика Зюскинда «Голубка» (1987). Птица буквально вторгается в интимное пространство, трансформируя безопасный домашний мир героя в чуждую и угрожающую среду. Ионатан Ноэль долгое время находится в поисках уютного места, где он мог бы спокойно и незаметно для внешнего мира прожить свою жизнь. В результате своих длительных поисков он находит небольшую комнату — пространство, «которое защищало бы его от неприятных сюрпризов жизни и из которого его никто бы не мог больше выгнать». Но в один момент на двери в коридоре появляется голубь, который смотрит на героя своим левым глазом: «он (глаз) походил на пуговицу, пришитую к головному оперенью; без ресниц, без бровей, совершенно голый, он был бесстыдно обращен вовне и жутко открыт; но в то же время в нем была какая-то сдержанная закрытость; и все же он не казался ни открытым, ни закрытым, а просто безжизненным, как линза фотоаппарата, поглощающая весь внешний свет и не выпускающая изнутри ни единого луча» [Зюскинд, 2020]. Эта «чудовищная открытость» взгляда делает невозможным прежнее, спокойное и замкнутое на себе существование героя, нарушает его привычный распорядок дня, а вызванная этим паническая реакция оказывается настолько сильной, что доводит его до мыслей о самоубийстве.

Материальное вторжение Чужака оказывается столь же значимым, как и его взгляд: голубь разбросал по коридору перья и помет. Если раньше комната казалась безусловным и надежным убежищем, то теперь герой понимает, что больше никогда не сможет в нее вернуться. Преодолев себя, он отправляется на работу в банк, где во время обеда сталкивается с новым испытанием — видит клошара (фр. *clochard* — нищий, бродяга), испражняющегося у всех на виду. Между этими двумя встречами герой обнаруживает сходство. Как и в случае с голубем, при виде клошара он испытывает отвращение из-за физической близости и полной обозримости интимного, телесного, непристойного. И голубь, и клошар безразличны к собственной уязвимости и открытости для взгляда Другого. Однако герой боится не просто оказаться на их месте — он страшится поймать на себе встречный взгляд, ведь этот взгляд способен разоблачить его собственное отвращение к ним. «Чудовищно открытый» глаз голубя, подобно объективу кинокамеры в фильме Дзиги Вертова «Человек с киноаппаратом», функционирует как зеркало, в котором герой сталкивается с собственным взглядом — и оказывается не в силах справиться с осознанием своей уязвимости.

«Голубка», с одной стороны, демонстрирует уже обозначенные признаки Чужака — социальную отдаленность и физическую близость, — но также добавляет новые аспекты. Орнитофобия героя оказывается не страхом перед птицей как таковой, а страхом перед разоблачающим взглядом Другого. Пугает не столько неопределенность поведения Чужака, сколько определенность и направленность его

взгляда. Голубиный глаз обнаруживает способность пронизывать все на своем пути, разрушая устойчивые границы между внешним и внутренним, опасным и безопасным, человеческим и животным, «я» и Другим. Пронзительность этого взгляда производит на героя гораздо более разрушительный эффект, чем нарушение его физического пространства, а единственным способом укрыться от него видится самоубийство, о котором он помышляет с самого начала. Эмиль Дюркгейм рассматривал самоубийство как социальный феномен, свойственный мегаполисам, и называл одной из причин суицидов желание «избежать воображаемой опасности или позора» [Дюркгейм, 1994]. Самоубийство или агрессия, направленная на самого себя, предстает как радикальный способ избежать позора наготы и абсолютной видимости.

В ожидании сапсана

Встречи с птицами в городе могут носить и менее драматичный характер, не приводящий к подобным экстремальным последствиям. Практика наблюдения за птицами, или бердинг, представляет собой безопасный способ встречи с Чужаком. Подобно фланеру, бердер сливается с природой и отстраненным взглядом стремится в ней отыскать своего «загадочного старика». Однако ключевым в этом занятии становится не слияние и последующая критика, а ожидание птицы, которое предполагает пребывание в состоянии открытости к «неожиданной встрече». Кио Маклир в своей книге «Птицы, искусство, жизнь» (2017) отмечает, что главное, чему должен научиться бердер, — это ждать. Она описывает этот процесс как ожидание без требования взаимности, сродни взгляду влюбленного, который не стремится поймать на себе встречный взгляд, но и не страшится быть им обнаруженным: «Если ты надеешься увидеть что-то или кого-то, особенно если они славятся своей неуловимостью, ты научишься ждать так, как ждут набожные верующие или оптимистичные влюбленные» [Маклир, 2020]. Бердинг способен трансформировать зиммелевские равнодушие и ненависть в этическую практику внимания и уважения к Другому.

Подобная практика ожидания дается городскому жителю с трудом. Причина в том, что ритмы городской жизни радикально не совпадают с жизненными ритмами птиц. Писатель Джон Алек Бейкер, автор книги «Сапсан» (1964), стремился преодолеть этот разрыв. Он много лет наблюдал за самыми быстрыми птицами на земле, ожидая встречи с ними и подчиняясь гипнотической силе их движений: «Приятно наблюдать за этими ритмичными уклонениями от атак; вы дышите в такт с соколом; эффект создается гипнотический» [Бейкер, 2025]. В конце концов само повествование текста синхронизируется с ритмом соколиного мира — одно движение сапсана медленно и настойчиво сменяет другое, один простой сюжет спокойно следует за другим. Даже сцены на-

силия не нарушают этого размеренного ритма, органично встраиваясь в открытый, незавершенный нарратив: «Чайка не была к этому готова. Она не увернулась, а только попыталась набрать высоту, бросилась прямо вверх. Сокол схватил ее за грудь и унес на остров. Ее голова свисала и глядела назад» [Бейкер, 2025]. Текст Бейкера становится критикой линейных, навязанных ритмов производства и потребления, которые, по мнению Лефевра, зачастую вступают в конфронтацию с ритмами жизненными, телесными, природными [Lefebvre, 2004].

Такая сонастройка ритмов представляет собой дрейф, однако спровоцированный и поддержанный нечеловеческим существом, которое, находясь вне городского образа жизни и его ритмов, при этом оказывается в физической близости. Однако, в отличие от преследования «человеком толпы», поиск и наблюдение за сапсанами не заканчиваются зеркальным разочарованием. Напротив, настройка на птичьи ритмы позволяет бесконфликтно приблизиться к Другому и, в определенном смысле, стать им, не утрачивая различий. Обнаружение в себе Чужака, своей уязвимости перед взглядом Другого, своей несовершенной и изменчивой природы трансформирует качество направленных друг на друга взглядов — теперь различия не пугают, но успокаивают и примиряют. Завершая свою погоню за сапсаном, Бейкер пишет: «Его огромные глаза встречаются с моими. <...> Расстояние движется по смутным очертаниям вязов, и подступает ближе, и сгущается за спиной темного сокола. Теперь я знаю, что он не улетит. Я перелезаю через дамбу и встаю перед ним. А он спит» [Бейкер, 2025].

Искусство наблюдения за птицами может показаться простым развлечением для скушающих городских жителей, которое можно заменить другими прогулками по разнообразным городским ландшафтам. Однако, как подчеркивает Маклир, бердинг «не приглашает взглянуть на природный мир сентиментальными глазами или увильнуть от активной гражданской позиции <...> бердинг часто — полная противоположность сентиментам и аполитичности» [Маклир, 2020]. Бейкер ведет свой дневник не только из личного интереса, но и в надежде спасти сапсанов от вымирания, а также чтобы зафиксировать ускользающие воспоминания об исчезающей птице. Его тексты пронизаны любовью и состраданием: «Многие сапсаны умирают, лежа навзничь, иссохшие и сожженные отвратительной коварной пылью сельскохозяйственных химикатов. В предсмертных судорогах они отчаянно цепляются за небо» [Бейкер, 2025]. Тем самым автор включается в политическую борьбу, сопротивляясь исчезновению вида. Однако главным героем в его повествовании становится сам ландшафт бердинга — место обитания сапсана. Писатель убежден: чтобы снова встретиться с птицей взглядом, чтобы ожидание не оказалось напрасным, необходимо сохранить береговую линию Эссекса, от Шоберинесса до Хариджа, — иными словами, уберечь сам дом сапсана.

Утраченный дом пингвинов

Наблюдение за птицей невозможно без места, куда она могла бы вернуться, где могла бы построить гнездо. Одни виды приспособились к суровой жизни в городах и чувствуют там себя как дома, другие сталкиваются с разочарованием — подобно ветеранам, вернувшимся с войны, они не находят дом таким, каким его покинули. В своей книге «Пути полета» (2014) в главе «Городские пингвины: истории потерянных мест» Том Ван Дорен рассказывает историю утраты дома и невозможности возвращения. Узкая полоса скалистого берега в Мэнли, прямо в устье Сиднейской гавани, активно застраивается жилыми домами, а малые пингвины (*Eudyptula minor*), которые раньше здесь строили свои гнезда, оказались не к месту. Автор выражает трагедию утраты при помощи яркого образа: «Меня не отпускает один образ, одновременно завораживающий и тревожный, и эта глава — мой отклик на него. Это образ пингвина, который возвращается к своей норе, к месту, где он выводил птенцов, но этого места больше нет — оно исчезло или изменилось настолько, что жить там невозможно. Это картина домов и бассейнов, теснящихся на берегу гавани: люди тянутся к “природе”, но своим присутствием делают жизнь пингвинов и прочих обитателей этих вод невозможной» [Van Dooren, 2014].

Малые пингвины связаны особыми отношениями с сушей — с теми немногими участками побережья, куда они ежегодно выходят, чтобы продолжить род. Они пользуются одними и теми же местами для гнездования из поколения в поколение. Однако если часть популяции находит убежище на охраняемой территории национального парка Сидней-Харбор, то другие птицы вынуждены обитать на узкой полоске берега, которая активно застраивается жилыми домами и заселяется людьми, стремящимися к «соединению с природой». Подобное соседство «природы» и «культуры» оказывается для пингвинов губительным: искусственное освещение, шум, ограждения, а также нападения домашних животных и людей ведут к быстрому сокращению популяции. И тем не менее пингвины, сохраняя память о доме, продолжают искать возможность вернуться. Их можно встретить гнездящимися в самых неожиданных местах: в темных и сухих пространствах — под жилыми постройками, сараями, лодками. Такое филопатричное (греч. *philos* — «любящий», *patris* — «родина») поведение указывает на то, что пингвины обитают в своих собственных, наполненных смыслами и «легендами» мирах. А наша, как заключает Ван Дорен, «неспособность или нежелание признать связь пингвинов с конкретными местами как значимую и жизненно важную позволяет нам беспечно изгонять их с береговой линии» [Van Dooren, 2014].

Эта история вымирания напрямую противоречит распространенному убеждению о том, что ландшафты лишены истории, пока человек не наделит их смыслом, что птицы не имеют дома, в который

они могли бы стремиться вернуться и который могли бы вспоминать. Австралийские пингвины, подобно множеству других нечеловеческих видов, демонстрируют привязанность к месту своего обитания и гнездования — конкретному месту. Как подчеркивает Донна Харауэй, пингвины Ван Дорена через свои жизненные практики придают местам иной, неантропоцентричный, природо-культурный смысл: «Утверждение реальности и яркой самобытности мест, о которых рассказывают пингвины, — это главное материально-семиотическое достижение» [Харауэй, 2020]. Несмотря на это «достижение», конец истории трагичен. Пингвины оказываются гостями в своем собственном доме, Чужаками на освоенной и осмысленной людьми территории. Ван Дорен показывает, как ярлык «гостя», применяемый к возвращающимся домой пингвинам, функционирует как машина стирания прошлого и утверждения прекарного будущего. Такое отношение, как отмечает автор, сближает судьбу пингвинов с судьбой коренного населения Австралии, которое также было объявлено «гостем» на родной земле и которому было отказано в собственной истории и праве на возвращение.

Пингвины лишаются возможности вернуться в свои норы и оставить потомство, что ставит их на грань вымирания. Однако гибель угрожает им не только потому, что места их гнездования заняты красивыми домами с высокими заборами, но и потому, что антропоцентричная система лишает их воспоминаний об этой утрате. В другой главе, посвященной гавайским воронам (*Corvus hawaiiensis*), Ван Дорен показывает: оплакивать утрату дома, сородичей и привычного образа жизни способны не только люди — птицы также помнят о потере социального единства. Харауэй, прибегая к лингвистической игре, показывает, что вспоминать (англ. *to remember*) прошлое, наделяя его смыслом, — это также, буквально, вос-соединяться (англ. *to re-member*) с членами своей группы. Она подчеркивает, что скорбь об утрате — это активный процесс восстановления: «Вос-поминать, со-вспоминать — значит активно воспроизводить, возрождать, возвращать, восстанавливать (*To re-member, to com-memorate, is actively to reprise, revive, retake, recuperate*)» [Харауэй, 2020]. Пингвины, тоскуя об утраченном доме и храня о нем память, стремятся вернуться на свои прежние места обитания. Однако сама возможность воспоминания, восстановления и возвращения требует — ввиду ее заведомой обреченности — слепой веры в оправданность ожиданий, доверия Другому. Именно этот урок мог бы усвоить для себя Одиссей, если бы обратился к птицам.

Заключение

Классические социальные теории города, сосредоточенные на фигуре Чужака и его дуальной позиции — расположенностью между «вне» и «внутри», оказываются продуктивными для осмысления

не только человеческих отношений, но и нашего соседства с нечеловеческими животными — в частности, с птицами. Более того, обращение к «птичьим» фигурам позволяет не просто расширить, но и пересмотреть саму идею Чужака и родственные ей концепции. Поведение птиц — их взгляд, ритмы, упрямая верность месту, практики скорби и восстановления — представляет собой альтернативу антропоцентрическому городскому образу жизни. Подобная перспектива ставит под сомнение традиционную оптику городских исследований, открывая возможность увидеть город как пространство многовидового соседства. В свою очередь, классические городские практики анализа, движения и критики также обнаруживают альтернативные формы: ожидание, бердинг, сонастройка с птичьими ритмами, сопротивление разрушению мест обитания и другие. Все они становятся безопасными способами встречи с Другим, позволяющими обнаружить инаковость в самом себе.

Представленные в статье рассуждения о птицах помогают не только заново увидеть этих прекрасных созданий рядом с нами, но также удержаться от соблазна поместить их в золотые клетки наших антропоцентричных классификаций. В мире, где взгляд голубя вызывает страх и отвращение, сапсанов в голубом небе становится меньше, а пингвины не могут вернуться домой, особенно важно начать искать иной тип многовидовой этики и урбанистики, основанный на осмысленном ожидании, открытом взгляде и безосновательном доверии. Такая этика может начинаться с признания, что городское пространство никогда не было исключительно человеческим, что пути исследования и понимания города должны включать концептуальные фигуры птиц. В свою очередь, практики наблюдения за птицами, поиска, внимательного к ним отношения, сонастройки и заботы способны трансформировать наше отношение к городскому разнообразию. В конечном счете наше отношение к птицам отражает нашу способность выстраивать этическое взаимодействие с другими людьми, нечеловеческими животными, с планетой в целом.

Источники

- Агамбен, Дж. (2012). *Открытое*. Москва: РГГУ.
- Башляр, Г. (2020). *Поэтика пространства*. Москва: Ad Marginem.
- Бейкер, Дж. А. (2025). *Сапсан*. Москва: Individuum; Эксмо.
- Беккет, С. (2010). *В ожидании Годо*. Москва: Текст.
- Беньямин, В. (2015). *Бодлер*. Москва: Ad Marginem.
- Бодлер, Ш. (1986). Поэт современной жизни. В Ш. Бодлер, Об искусстве (с. 283–315). Москва: Искусство.
- Видлер, Э. (2025). *Архитектурное жуткое: Опыты о современной бесприютности*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Вирт, Л. (2005). Урбанизм как образ жизни. В Л. Вирт, Избранные работы по социологии (с. 93–118). Москва: Институт социологии РАН.
- Дебор, Г.-Э. (2017). *Психогеография*. Москва: Ad Marginem Press.
- Дюркгейм, Э. (1994). *Самоубийство. Социологический этюд*. Москва: Мысль.
- Зиммель, Г. (2008). Экскурс о чужаке. В *Социологическая теория: история, современность, перспективы* (с. 333–339). Санкт-Петербург: Владимир Даль.
- Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. Москва: Strelka Press.
- Зюскинд, П. (2022). *Голубка. Три истории и одно наблюдение*. Санкт-Петербург: Азбука.
- Маклир, К. (2020). *Птицы, искусство, жизнь: год наблюдений*. Москва: Ad Marginem.
- Парк, Р.Э. (1998). Человеческая миграция и маргинальный человек. Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. *Социология*, (3), 167–176.
- По, Э. (1976). Человек толпы. В *Собрание сочинений: в 2 т.* (Т. 2, с. 345–358). Москва: Художественная литература.
- Фуко, М. (1994). *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: А-скад.
- Шютц, А. (2003). Возвращающийся домой. В *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* (с. 207–222). Москва: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Харауэй, Д. (2020). *Оставаясь со смутой. Заводить сорочек в Хтулуцене*. Москва: Hyle Press.
- Bauman, Z. (2019). *Modernity and Ambivalence*. Cambridge: Polity Press.
- Brenner, N. (2014). Introduction: Urban theory without an outside. In N. Brenner (Ed.), *Implosions/explosions: Towards a study of planetary urbanization* (pp. 14–36). Berlin: jovis Verlag.
- Devokaitis, M. (2024). A third of American adults are birdwatchers, according to nationwide survey. *All About Birds*. <https://www.allaboutbirds.org/news/a-third-of-american-adults-are-birdwatchers-according-to-nationwide-survey/>.
- Lefebvre, H. (2004). *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Bloomsbury Academic.
- van Dooren, T. (2014). *Flight Ways: Life and Loss at the Edge of Extinction*. New York: Columbia University Press.

BIRDS IN THE CITY: ARRIVING TODAY, STAYING TOMORROW

Marat R. Nevlyutov, PhD in Architecture, MA in Sociology; Associate Professor, Moscow Architectural School (MARCH); Senior Researcher, Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG), Branch of the Federal State Budgetary Institution "Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction of Russia" (TSNIIP Minstroy of Russia); Moscow, Russian Federation. E-mail: mnevlyutov@gmail.com

This article proposes a synthesis of urban theory and the humanities-oriented study of animals through a revision of the concept of the Stranger. The first part of the article draws on the classical sociological interpretations of the Stranger (Georg Simmel, Robert Park, Alfred Schütz) and practices of urban observation (pursuit, flânerie, dérive), showing how the duality of being positioned "outside" and "inside" characterizes the relations that take shape between people in the metropolis. This ambivalence generates indifference, fear, and hatred, but offers new forms of attentiveness, critical vision, and trust. In the second part, this analytical framework is applied to birds as non-human inhabitants of the city. The consideration of examples from essays and scholarly research, in which birds appear as the Stranger (from the pigeon in Patrick Süskind's novella *The Pigeon* to the little penguins in Sydney Harbour in Thom van Dooren's work *Flight Ways: Life and Loss at the Edge of Extinction*), reveals the limitations of an anthropocentric view of the relations among the inhabitants of large cities. The article introduces into urban discourse the phenomena of ornithophobia, birding, and habitat loss, showing how birds' gazes, alternative avian rhythms, and their capacity for remembering and reconnecting problematize human exceptionalism and point to the need for an ethics of multi-species coexistence in cities.

Keywords: stranger; ornithophobia; anthropocentrism; multi-species ethics; habitat loss; Georg Simmel

Citation: Nevlyutov, M. (2026). Birds in the City: Arriving Today, Staying Tomorrow. *Urban Studies and Practices*, 11(2), 14–22. <https://doi.org/10.17323/usp112202614-22>

References

- Agamben, G. (2012). *Otkrytoye* [The open]. Moscow: RGGU (in Russian).
- Bachelard, G. (2020). *Poetika prostanstva* [The poetics of space]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Baker, J.A. [Bejker Dzh. A.] (2025). *Sapsan* [The peregrine]. Moscow: Individuum; Eksmo (in Russian).
- Baudelaire, Ch. (1986). Poet sovremennoy zhizni [The painter of modern life]. In Ch. Baudelaire, *Ob iskusstve* [On art] (pp. 283–315). Moscow: Iskustvo (in Russian).
- Bauman, Z. (2019). *Modernity and ambivalence*. Cambridge: Polity Press.
- Beckett, S. (2010). *V ozhidanii Godo* [Waiting for Godot]. Moscow: Tekst (in Russian).
- Benjamin, W. (2015). *Bodler* [Baudelaire]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Brenner, N. (2014). Introduction: Urban theory without an outside. In N. Brenner (Ed.), *Implosions / explosions: Towards a study of planetary urbanization* (pp. 14–36). Berlin: jovis Verlag.
- Debord, G.-E. (2017). *Psikhogeografiya* [Psychogeography]. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Devokaitis, M. (2024). A third of American adults are birdwatchers, according to nationwide survey. *All About Birds*. <https://www.allaboutbirds.org/news/a-third-of-american-adults-are-birdwatchers-according-to-nationwide-survey/>
- Durkheim, E. (1994). *Samoubiystvo. A Study in Sociology*. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Foucault, M. (1994). *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The order of things: An archaeology of the human sciences]. St. Petersburg: A-cad (in Russian).
- Haraway, D. (2020). *Ostavayas' so smutoy. Zavodit' sorodichey v Khtulutsene* [Staying with the trouble: Making kin in the Chthulucene]. Moscow: Hyle Press (in Russian).
- Lefebvre, H. (2004). *Rhythmanalysis: Space, time and everyday life*. London: Bloomsbury Academic.
- Maclear, K. (2020). *Ptitsy, iskustvo, zhizn': god nablyudeniy* [Birds, art, life: A year of observation]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Park, R.E. (1998). *Chelovecheskaya migratsiya i marginal'nyy chelovek* [Human migration and the marginal man]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Seriya 11. Sotsiologiya* [Social sciences and humanities. Series 11. Sociology], (3), 167–176 (in Russian).
- Poe, E.A. (1976). *Chelovek tolpy* [The man of the crowd]. In *Sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Collected works: In 2 vols.] (Vol. 2, pp. 345–358). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
- Schutz, A. (2003). *Vozvrashchayushchiysya domoy* [The homemaker]. In *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The meaningful structure of the everyday world: Essays in phenomenological sociology] (pp. 207–222). Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoye mneniye" (in Russian).
- Simmel, G. (2008). *Ekskurs o chuzhake* [Excursus on the stranger]. In *Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Sociological theory: History, modernity, prospects] (pp. 333–339). St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).
- Simmel, G. (2018). *Bol'shiye goroda i dukhovnaya zhizn'* [The metropolis and mental life]. Moscow: Strelka Press (in Russian).
- Süskind, P. (2022). *Golubka. Tri istorii i odno nablyudenie* [The pigeon. Three stories and one observation]. St. Petersburg: Azbuka (in Russian).
- van Dooren, T. (2014). *Flight ways: Life and loss at the edge of extinction*. New York: Columbia University Press.
- Vidler, E. (2025). *Arkhitekturnoye zhutkoye: Opyty o sovremennoy bespriyutnosti* [The architectural uncanny: Essays on the modern unhomely]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).
- Wirth, L. (2005). *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a way of life]. In L. Wirth, *Izbrannyye raboty po sotsiologii* [Selected works in sociology] (pp. 93–118). Moscow: Institut sotsiologii RAN (in Russian).

Определить, спасти и сохранить: зачем люди упоминают города, когда публикуют посты в онлайн- сообществах любителей птиц

Мария Казакова

Введение

Встреча с птицей не похожа на встречу с человеком: мы редко сталкиваемся с ней лицом к лицу. Скорее, мы узнаем о близости птицы, следуя порой едва заметным подсказкам. Оброненное перо или легкая пушинка, звук звонкой позывки или залиистой песни, силуэт в небе или на водной глади — все это побуждает замереть и задуматься: с кем мы встретились? в чьи владения вошли?

Чтобы определить синицу, нет нужды держать ее в руках. Подобно тому, как Иосиф Бродский задавался вопросом «Зачем вся дева, раз есть колено?» [Бродский, 1971], опытные орнитологи могли бы спросить «Зачем вся птица, раз есть перо?». Действительно, для определения вида экспертам зачастую достаточно пера, аудиозаписи голоса, сведений об ареале обитания и характерном для птицы биотопе, а порой и размытого силуэта на фото или видео.

Вот только для непрофессионалов — обычных горожан — перо без понимания того, кому оно принадлежит, остается лишь загадочным пыльноватым предметом. Щебет в кронах деревьев без понимания того, кто его издает, остается лишь невнятным фоновым шумом. Раненая птица в руках без понимания того, как ее лечить, остается лишь беспомощным теплым комочком.

Казакова Мария Петровна, дата-журналист; приглашённый преподаватель, Институт медиа, Факультет креативных индустрий; Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Москва, Российская Федерация. E-mail: marikasakowa@gmail.com

Статья посвящена анализу мотивов, по которым орнитологи-любители упоминают города в публикациях российского онлайн-сообщества «ВКонтакте» «Любители птиц». Междисциплинарный обзор литературы позволил выделить четыре возможных мотива: научный, социальный, медийный и урбанистический. Анализ коллекции из 42,5 тыс. публикаций методами компьютерной лингвистики показал, какие виды птиц, города и темы упоминаются чаще всего. Результаты демонстрируют, что при указании конкретного города ключевым является социальный мотив. Он проявляется в прагматическом стремлении организовать помощь птицам: пользователи ищут центры помощи диким животным и контакты ветеринаров и добровольцев, формируя социальные связи и локальные сети взаимопомощи. Анализ выявил типовые запросы: определение вида птицы по фото, голосу или найденному перу, а также поиск советов по выхаживанию попавших в беду особей. Зафиксирован и эффект присоединения к большинству: участники считают указание геолокации как негласное правило сообщества и воспроизводят эту практику. Цифровые следы — тексты, фотографии, аудиозаписи — фиксируют не только факты о птицах, но и личные переживания авторов, способствуя формированию у них новой идентичности бердвотчера или фотографа-натуралиста. Исследование вносит вклад в понимание динамики онлайн-сообществ орнитологов-любителей и демонстрирует, как пользователи документируют городскую природу в цифровом пространстве. Подобные данные могут помочь при проектировании экологических и рекреационных каркасов городов, однако неструктурированная фиксация мест обитания, обусловленная неравномерным распределением волонтерских усилий, не отражает биоразнообразие местности во всей полноте.

Ключевые слова: онлайн-сообщества; любительская орнитология; определение птиц; топонимы; урбанистика

Цитирование: Казакова, М. П. (2026). Определить, спасти и сохранить: зачем

Большинству из нас не хватает знаний, чтобы, изучив рисунок на найденном перье, с уверенностью заявить: «Здесь был дрозд-рябинник». Потому многие обращаются к другим людям – а в цифровую эпоху это приводит к появлению онлайн-сообществ любителей птиц.

Однако между опытом в реальной жизни и описанием опыта в цифровом формате есть зазор. Чтобы передать переживания и впечатления другому, автор публикации сам выбирает модальность и средства выразительности, неизбежно преломляя реальное событие через призму своего восприятия. Пост может содержать текст, аудиозапись, фото или видео. Так, опыт встречи превращается в цифровой след, который говорит нам не только и не столько о птицах, сколько об авторе публикации.

За каждым публичным действием в социальных сетях стоит мотивация. Нам, как исследователям на стыке медиа, урбанистики и дата-аналитики, стало интересно: зачем на самом деле люди фиксируют свои встречи с птицами в онлайн-сообществах? Какова самая распространенная мотивация? И в каких случаях авторы публикаций упоминают города?

Чтобы ответить на эти исследовательские вопросы, мы превратили цифровые следы в данные. Для этого мы собрали коллекцию текстов из 42,5 тыс. постов, опубликованных в онлайн-сообществе «Любители птиц»¹ в социальной сети «ВКонтакте». Это одно из крупнейших сообществ орнитологов-любителей в русскоязычных социальных сетях: оно насчитывает 63 тыс. подписчиков. Участники сообщества вместе определяют биологический вид по характерным признакам, делятся наблюдениями и спасают попавших в беду птиц. Собранные данные мы проанализировали с помощью методов компьютерной лингвистики.

Объект исследования – онлайн-сообщества любителей птиц, предмет исследования – особенности публикаций с упоминанием конкретных городов в русскоязычном онлайн-сообществе «Любители птиц» в социальной сети «ВКонтакте».

Цель исследования – определить особенности публикаций с упоминанием конкретных городов в русскоязычном онлайн-сообществе орнитологов-любителей. В рамках исследования перед нами стояли следующие задачи:

1. Проанализировать теоретическую и научную литературу и понять, почему люди указывают города, когда публикуют записи о птицах в онлайн-сообществах орнитологов-любителей.
2. Собрать коллекцию публикаций в онлайн-сообществе «Любители птиц» за доступный период.
3. Проанализировать тексты собранной коллекции с помощью методов компьютерной лингвистики.
4. Определить, в каком контексте в таких публикациях упоминаются города.
5. Узнать, какие города в сообществе упоминаются чаще всего и почему.

Обзор литературы: мотивы упоминания городов в публикациях о птицах

В онлайн-сообществах орнитологов-любителей пользователи часто публикуют сделанные ими фотографии, указывая при этом их вид, а также город или область, где был сделан снимок. Однако зачем они это делают? Простое действие продиктовано целым рядом возможных мотивов:

- научный;
- социальный;

1. Любители птиц (б. д.). [Сообщество «ВКонтакте»]. <https://vk.com/birdslovers>.

- медийный;
- урбанистический.

Рассмотрим эти типы мотивов по порядку.

Научный мотив

Гражданская наука – это «практика участия добровольцев, не имеющих специального образования, в научно-исследовательских проектах» [Газоян, 2020]. Хотя публикации в онлайн-сообществе не считаются полноценным исследовательским проектом, материалы все же фиксируют биоразнообразие.

Сведения о месте и времени наблюдения за птицей входят в перечень минимальных требований к фиксации наблюдений в Глобальной информационной системе по биоразнообразию (Global Biodiversity Information Facility, GBIF)². В датасетах с зафиксированными наблюдениями (*occurrence data*) должны отражаться «доказательства наличия вида в определенном месте в указанную дату» [GBIF, “Data quality requirements: Occurrence datasets”, n.d.]. Система придерживается международного стандарта данных Darwin Core. Стандарт регламентирует указание как полных этикеточных данных о находке (один вид / особь, обнаруженная в одной точке, в одну дату, в одно время, одним методом), так и информацию о самой записи³.

К датасетам, которые пополняют базу данных Глобальной информационной системы по биоразнообразию, относятся и данные eBird⁴ – проекта по сбору наблюдений орнитологов-любителей Лаборатории орнитологии Корнеллского университета. На основе eBird работают приложения для автоматического определения птиц по фотографии или голосу, такие как Merlin Bird ID⁵. Приложение Merlin Bird ID переведено на русский язык, широко используется в России и на основе геолокации подсказывает пользователю, каких птиц он с большой вероятностью может встретить в конкретной локации. Когда пользователь подтверждает наблюдение, фиксируются вид птицы, дата, время и точные координаты.

Информация о фиксации птицы в том или ином месте в конкретном месяце может использоваться в научных целях, чтобы:

- повышать вероятность определения вида птицы по ее признакам: перу, записи голоса, силуэту и т.д.;
- уточнять ареалы обитания птиц, в том числе редких видов, и осуществлять мониторинг их изменений;
- отслеживать миграцию – понимать, как, где и в какие периоды совершают перелеты определенные виды;

- выявлять зимующие виды – например, фиксировать ослабление миграционного инстинкта у уток, обусловленное доступностью незамерзающих водоемов и обилием корма [Шиллер, 2019].

Так, в публикации онлайн-издания «Вслух.ru» любительница птиц из Тюмени Елена Полякова рассказывает, как зимние наблюдения за скворцом, обычно мигрирующим видом, легли в основу научной публикации: «В соцсетях наткнулась на группу “Большой год в Тюменской области”, где просили показать фото птиц, встреченных на территории нашего региона. <...> Загружая фото, нужно было указать дату и место съемки. И по отзывам я поняла, что среди моих наблюдений есть довольно неожиданные для орнитологов встречи. <...> Однажды в начале января я заметила птицу на школьном заборе. Сначала подумала, что залетела в город лесная жительница кедровка, а это оказался скворец в зимнем оперении. <...> Наблюдала за ним и я, и со мной – все интересующиеся. Скворушка благополучно дождался весны в компании дрозда-рябинника. Эта встреча вошла в научную публикацию тюменского орнитолога. Да, есть некоторая гордость за помощь специалистам» [Вслух.ru, 2021].

Важно отметить, что оценочные суждения любителей не всегда совпадают с оценками профессиональных орнитологов. Утверждения вроде «эта птица – редкий гость в городе» могут быть субъективной оценкой автора вследствие недостатка знаний и ограниченного опыта наблюдений, а не достоверным фактом.

Социальный мотив

Нередко срабатывает эффект присоединения к большинству: пользователи видят, что другие участники сообщества указывают город или область в публикациях, считывают это как негласное правило сообщества и поступают аналогичным образом.

Онлайн-сообщества – это одновременно площадки для коллективного производства знаний и накопления социального капитала. Свои публикации подписчики воспринимают как вклад в развитие и поддержание сообщества. Поддерживая активность на общей странице «ВКонтакте», они устанавливают друг с другом доверительные и честные отношения, что способствует дальнейшему общению, вдохновлению, обмену знаниями, взаимодействию и созданию локальных сетей взаимопомощи. Участники оказывают друг другу поддержку, делятся эмоциями и разделяют переживания.

Такое поведение в онлайн-сообществах любителей птиц подтверждается и зарубежными исследованиями. Например, новозеландские ученые рас-

2. Global Biodiversity Information Facility. (n. d.). GBIF.org. <https://www.gbif.org>.

3. Открытые данные о биоразнообразии. (n. d.). Стандарт данных Darwin Core. https://biodiversitydata.info/data_standards/darwincore.

4. eBird. (n. d.). Cornell Lab of Ornithology. <https://ebird.org>.

5. Merlin. (n. d.). Cornell Lab of Ornithology. <https://merlin.allaboutbirds.org>.

смаатривают социальные сети как площадку для поддержания связей активного сообщества: «Хотя “Исследование садовых птиц Новой Зеландии” ежегодно проводится лишь в течение девяти дней в июне–июле, группа [в социальной сети] активна и привлекает новых участников в течение всего года. За первый год группа выросла до 1275 участников, которые осуществили почти 75 000 взаимодействий (постов, комментариев, лайков и репостов). Группа использовалась для взаимного вдохновения, обмена идеями и знаниями о садовых птицах Новой Зеландии. Участники продемонстрировали широкий спектр знаний об орнитологии – в сообществе есть как новички, так и эксперты. Взаимодействие в группе включает общие интересы, обмен историями участников и коллективное обучение» [Liberatore et al., 2018].

Медийный мотив

Подобно Шарику в мультфильме «Каникулы в Простоквашино», любители птиц хвастаются результатами фотоохоты – и надеются на обратную связь и вознаграждение за хороший фото-, видео- или аудиоматериал в виде лайков, репостов и комментариев. Опубликованные записи потенциально повышают экспертность и узнаваемость автора в глазах других участников сообщества. Точные подписи демонстрируют компетентность и добросовестность наблюдателя, а геометки и хештеги с названием города способствуют распространению и повышают видимость поста в соцсетях.

Автор публикаций, в свою очередь, может обрести новую идентичность – любителя птиц, бердвотчера, фотографа-натуралиста и т. д. Фотографии могут становиться не просто свидетельством встречи с птицей, но художественным высказыванием автора, приобретающим эстетическую ценность.

При этом гонконгские ученые, изучившие мотивы любителей птиц в социальных сетях с помощью теории использования и удовлетворения, предупреждают: погоня за материалами, которые могут повысить статус участника, – например, съемка редких видов, гнезд или брачных ритуалов птиц, – может негативно сказываться на популяциях животных [Anson et al., 2021]. Птицы, испытав сильный стресс от вторжения человека, прекращают брачное взаимодействие, покидают места гнездования и т. д. Риск исчезновения редких видов нечеловеческих животных из-за стремления человеческих животных делиться фотографиями в социальных сетях подтверждают и австралийские ученые [Davis et al., 2024].

Поэтому, несмотря на то что по международным стандартам при внесении места наблюдения в базу данных нужно указывать конкретное место фиксации, в публичном поле нежелательно публиковать точные координаты встречи с редким видом. Авторы портала iNaturalist подчеркивают: как пользователи имеют право на приватность и могут скрыть из открытого доступа координаты своих домов, от-

куда проводились наблюдения, так и редкие виды имеют право на конфиденциальность и защиту мест обитания [What is geoprivacy?..., 2023]. В то время как в базах данных гражданской науки координаты редких видов размываются автоматически, в онлайн-сообществах ответственность за бережное информирование ложится на плечи самих участников и модераторов сообщества.

Урбанистический мотив

Упоминание городов и определенных мест (парков, речных пойм и т. д.) в них – это своего рода волонтерская инвентаризация городского биоразнообразия и фиксация экологического каркаса города в публичном поле. Когда пользователь указывает в публикации не только город, но и конкретный парк – например, «Царицыно, Москва», – он подчеркивает значимость этого парка в городской экосистеме. Так постепенно накапливаются аргументы для защиты зеленых зон в случаях, когда они оказываются под угрозой: к примеру, когда деревья хотят вырубить ради нового жилищного комплекса или новой дороги. Стейкхолдеры склонны прислушиваться к общественному мнению, а публикации доказывают, что в этих местах есть жизнь, которую нужно охранять.

Пользовательские данные о наблюдениях за птицами уже применяются в городском планировании, проектировании экологических коридоров и оценке рекреационного потенциала территорий [Planillo, 2021]. Вместе с тем базы данных вроде eBird обеспечивают большую точность, чем публикации в онлайн-сообществах. Однако порог входа для использования подобных баз данных выше: зачастую требуются регистрация, навыки работы с картами и геоданными, а также освоение непривычного интерфейса. Поэтому поиск по публикациям в социальных сетях – это более доступный для широкого круга урбанистов инструмент.

Также упоминание конкретного места в публичном поле может повышать экологическую грамотность горожан и мотивировать их выходить на улицу, замечать природу в «бетонных джунглях» и участвовать в локальных инициативах по сохранению биоразнообразия.

Наблюдение за птицами побуждает горожан по-новому взглянуть на знакомые городские ландшафты и присматриваться, как нити дикой природы вплетаются в рукотворную урбанистическую ткань. Рутинные прогулки превращаются в увлекательную исследовательскую практику, жители переоткрывают для себя город и учатся видеть природу на каждом шагу. Они обнаруживают, что город – это не просто совокупность улиц и зданий, а живой, сложный, подвижный и порой непредсказуемый организм. Он скрывает немало секретов от невнимательных прохожих – и раскрывается тем, кто готов неторопливо, терпеливо и вдумчиво вглядываться и прислушиваться. Если нарастающая урбаниза-

ция — это расколдовывание мира, где, как говорил социолог Макс Вебер, «интеллектуализация подавляет веру в магию», то наблюдение за птицами вновь превращает пространство в «великий зачарованный сад» [Weber, 1971].

Методология

Сбор данных

На первом этапе мы собрали данные с помощью API VK — программного интерфейса, позволяющего взаимодействовать с платформой «ВКонтакте» с помощью кода на языке программирования Python. В результате была сформирована коллекция из 42,5 тыс. публикаций, размещенных в сообществе «Любители птиц». Коллекция охватывает период с 13 июля 2012 года, когда была опубликована первая доступная запись, по 19 августа 2025 года — всего более 13 лет. В датасете зафиксированы дата и время публикации, число лайков, репостов, просмотров и текст публикации.

Важно, что в коллекцию попали лишь публикации, размещенные самим сообществом. Записи, оставленные на стене участниками сообщества (в случае если такие когда-либо были), и комментарии не попали в выборку.

Анализ данных: вычленение топонимов и названий птиц из текста

Методы компьютерной лингвистики зарекомендовали себя как надежный инструмент для исследования публикаций в социальных сетях, в том числе для анализа материалов о городской среде, природе и биоразнообразии [Toivonen et al., 2019].

Для определения того, в каких публикациях в собранной коллекции публикаций упоминались города, была использована Natasha — библиотека на Python, которая позволяет выявлять в тексте упомянутые сущности. Помимо топонимов, Natasha способна определять имена людей и названия организаций.

Оказалось, что топонимы упоминались примерно в 17 тыс. публикаций, что составляет порядка 40% от их общего числа. Данное значение является приблизительным, поскольку некоторые виды птиц, такие как бекас и ласточки-береговушки, Natasha ошибочно отнесла к топонимам. С помощью кода, сгенерированного чат-ботом ChatGPT, нам удалось найти в списке топонимов большую часть названий птиц и исключить их из выборки, однако этот подход все же не гарантирует абсолютной чистоты датасета.

Для извлечения названий птиц ChatGPT использовал список основ слов, ассоциирующихся с видами птиц, например: «сова», «совка», «совята», «неясыт», «филин», «сыч», «орлан», «ястреб», «коршун». Далее с помощью регулярных выражений алгоритм искал в тексте названия птиц, ошибочно отнесенные к топонимам. Тем не менее при таком подходе неко-

торые слова были пропущены. Например, хотя слово «трясогузка» было успешно выявлено, словосочетание «слеток трясогузки» осталось незамеченным и было добавлено в список исключений вручную. После данного этапа фильтрации в датасете осталось 16 957 строк.

Далее с помощью чат-бота DeepSeek топонимы были классифицированы по типам: город, страна, регион и т. д. Также для реализации данной задачи была протестирована модель Claude, однако от ее использования пришлось отказаться ввиду неточности результатов. Так, эта нейросеть порой не могла определить, относится ли слово к топонимам или к видам птиц — например, является ли «Орел» городом или птицей. Кроме того, она давала вариативные, но при этом некорректные определения — например, классифицировала Пржевальское как «село/город», в то время как в действительности это поселок городского типа. DeepSeek в таких случаях давал корректный ответ.

Двойственность словоформ топонимов затрудняла анализ и в дальнейшем. Так, запрос «Уфа» в обычном поиске по публикациям сообщества в интерфейсе «ВКонтакте» возвращал публикации с междометием «уф» и с сокращениями слова «ультрафиолет», например: УФ-лампа, УФ-свет.

Для подсчета частотности видов птиц использовался упомянутый выше код, написанный ChatGPT. Найденные по «птичьим» основам слова лемматизировались, то есть приводились к словарной форме, с помощью Python-библиотек `py morphology3` и `NTLK`, а затем сортировались по частотности.

Затем было проведено тематическое моделирование как для всей коллекции публикаций, так и для отфильтрованного датасета, содержащего топонимы. Это позволило выяснить, существуют ли определенные темы, которые чаще упоминаются именно вместе с топонимами. Для этого использовалась Python-библиотека `BERTopic`.

Результаты анализа публикаций в онлайн-сообществе «Любители птиц»

Какие города упоминаются чаще всего

Топ-30 названий городов, которые чаще всего упоминаются в публикациях сообщества «Любители птиц» в «ВКонтакте», выглядит так: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Воронеж, Томск, Екатеринбург, Магнитогорск, Красноярск, Пермь, Великий Новгород, СПб, Нижний Новгород, Минск, Казань, Череповец, Сочи, Петербург, Лондон, Краснодар, Мозырь, Тверь, Учалы, Уфа, Рязань, Архангельск, Тюмень, Железногорск (Курской области и Красноярского края), Омск, Нью-Йорк, Владивосток.

Анализ частотности показывает, что чаще всего в публикациях упоминаются две столицы России — города федерального значения Москва (13,27 млн жителей) и Санкт-Петербург (5,65 млн жителей). На Москву приходится 4% постов — это более

1710 публикаций, если учитывать различные написания названия города.

В случае с Санкт-Петербургом часто используется как полное название города, так и его сокращенные, неформальные версии – Петербург, СПб, Питер, С-Петербург и другие. Вариативность написания подчеркивает, что для авторов научный мотив, требующий точности при описании наблюдения, далеко не первичен (см. блок «Научный мотив» выше). В общей сложности от лица сообщества опубликовано более 620 записей с упоминанием Санкт-Петербурга – это около 1,5% от всех публикаций.

На третьем месте по частоте упоминаний находится третий по численности населения город России – Новосибирск (1,64 млн жителей). Он упоминается примерно в 0,35% всех публикаций.

Однако далее строгое соответствие между частотой упоминаний и рейтингом по численности населения нарушается. Воронеж занимает 4-е место по частоте упоминаний в публикациях – однако в рейтинге городов России по численности населения он находится лишь на 14-м месте. Томск располагается на 5-м месте, но при этом не является городом-миллионником: в рейтинге по численности населения он занимает лишь 31-е место.

Самара, напротив, находится на 11-м месте в рейтинге городов по численности населения, однако в список 40 наиболее упоминаемых в сообществе городов не вошла.

Более того, в списке наиболее упоминаемых присутствуют города, которые не являются административными центрами регионов: Магнитогорск (Челябинская область), Череповец (Вологодская область), Сочи (Краснодарский край) и Учалы (Республика Башкортостан). Учалы – малый город, в котором проживает около 36 тыс. человек.

Таким образом, мы видим, что нет безусловной связи между числом жителей в городе и числом публикаций в сообществе «Любители птиц». При этом корреляцию для 30 наиболее упоминаемых городов все же нельзя назвать слабой: 0,68 – коэффициент корреляции Пирсона между числом упоминаний в публикациях сообщества и численностью населения; 0,56 – между общим числом упоминаний в публикациях и комментариях и численностью населения.

Кроме того, опираясь на данную выборку, нельзя однозначно утверждать, что в какой-то части России птиц любят больше – если судить об этом по числу публикаций в сообществе. Нельзя выявить закономерность, согласно которой, к примеру, на юге России птиц замечают чаще, чем на севере, или что жители горных районов обсуждают птиц в сети чаще, чем жители равнин.

Некоторые города значительно чаще упоминаются в комментариях, нежели в публикациях от лица сообщества. Например, Уфа упоминается лишь в 53 подобных записях, но встречается около 400 раз с учетом комментариев – почти в 8 раз чаще.

Можно предположить, что уфимцы предпочитают обсуждать птиц в комментариях, а не делиться фо-

тографиями в отдельных публикациях, однако в действительности причина в другом. В сообществе «Любители птиц» часто используется памятка «Центры помощи диким животным», изначально опубликованная в группе «Необычные животные | Анималистика» в 2018 году. В этой памятке перечислены «центры помощи, волонтеры и компетентные ветеринары, к которым можно обратиться за консультацией или передать попавшее в беду животное». Для удобства навигации центры помощи рассортированы по странам, регионам и городам. Каждый раз, когда кто-то из подписчиков спрашивает у других членов сообщества, что сделать с найденной больной птицей, администраторы отправляют в комментарии ссылку на эту памятку. Поэтому многие крупные города упоминаются в комментариях гораздо чаще, чем в основных публикациях. Так активизируется социальный капитал сообщества и создаются локальные сети взаимопомощи (см. раздел «Социальный мотив» выше).

К городам, которые часто упоминаются в публикациях, однако практически не встречаются в комментариях, относятся в основном зарубежные населенные пункты: Мозырь (Беларусь), Лондон (Великобритания), Нью-Йорк (США). При этом среди них в топе наименее обсуждаемых – Учалы, российский город в Республике Башкортостан.

Учалы упоминаются в публикациях так часто потому, что в этом городе живет активистка Рази́фа Митю́шина, которая нередко делилась в сообществе фотографиями замеченных ею птиц. Город Учалы (56 публикаций) встречается в публикациях в 1,5 раза чаще, чем Калининград (37 публикаций), хотя численность населения в Калининграде в 13,6 раза больше, чем в Учалах.

Таким образом, в рамках онлайн-сообществ один человек, увлекающийся птицами, способен внести большой вклад в накопление знаний о биоразнообразии конкретной территории, чем сотни тысяч жителей города, являющегося административным центром субъекта Федерации.

Какие птицы упоминаются чаще всего

Феномен неравномерного распределения волонтерских усилий при неструктурированной фиксации мест обитания птиц и других животных описан в ряде научных исследований, таких как «Моделирование пространственных смещений в наблюдениях гражданской науки на материале базы данных eBird» [Tang et al., 2021] и «Пространственно-временные паттерны в активности добровольцев по внесению данных: исследование на примере eBird» [Zhang, 2020].

Авторы отмечают, что стоит принимать во внимание не только неравномерные усилия волонтеров, но и их неравномерное территориальное распределение относительно мест обитания птиц. Так, если какой-либо вид птиц сторонится людей и избегает городов, он будет фиксироваться значительно

реже – и это вовсе не означает, что вид находится на грани вымирания: он просто реже встречается наблюдателям. Кроме того, волонтеры преимущественно ведут наблюдения днем, поэтому дневные птицы будут встречаться в публикациях чаще, чем ночные. Согласно исследованию «Крупные птицы избыточно представлены в неструктурированных данных гражданской науки» [Callaghan et al., 2021], крупных и стайных птиц замечают чаще, чем мелких и живущих поодиночке.

По этим причинам исследователям не следует рассматривать публикации в онлайн-сообществах о птицах и записи в волонтерских базах данных как исчерпывающий источник о биоразнообразии. Так, если птица упоминается в конкретном месте, это действительно свидетельствует об обитании вида в этой области. Однако если в подобных волонтерских публикациях не встречается упоминание определенного вида в этой местности, это совершенно не означает, что этот вид там не обитает. Это лишь значит, что птица не попала в поле зрения.

Эти выводы подтверждаются нашими данными: чаще всего в сообществе «Любители птиц» упоминаются пингины, синицы, голуби, утки, дрозды, вороны, воробьи, чайки, лебеди, аисты, журавли и скворцы. За исключением пингинов, это птицы, которые более заметны для наблюдателей по следующим причинам:

- они многочисленны;
- отличаются крупными размерами;
- селятся рядом с человеком, зачастую в черте города;
- ведут дневной образ жизни.

Пингины стоят особняком: они часто упоминаются в связи с их особым экологическим статусом – некоторые виды находятся под угрозой исчезновения. В сообществе публикуются записи в честь Всемирного дня пингинов, а также забавные видео и фото с этими птицами. Исследования подтверждают, что пользователи соцсетей охотнее делятся фотографиями и видеозаписями ярких, «харизматичных» [Lundquist et al., 2025] или «эмоциональных» [Thömmes & Hayn-Leichenring, 2021] птиц, поэтому забавные фото и видео с пингинами неизменно встречают теплый отклик у аудитории.

Анализ наиболее популярных постов с упоминанием топонимов по числу лайков, репостов и просмотров (табл. 1) подтверждает популярность забавных, милых или эффектных фото и видео с птицами, а также трогательных рассказов о взаимодействии людей и природы. Например, в топ несколько раз попали фото ополовников – маленьких милых птиц, которые выглядят как белый пуховый шарик с глазками-пуговками и крохотным клювом. В сообществе есть отдельная рубрика – #Придумай_подпись@birdslovers, в рамках которой подписчикам предлагается остроумно описать фотографию забавной птицы. В собранной коллекции насчитывается 699 таких постов.

Особняком стоит публикация с высокими показателями во всех трех категориях, который начинается со слов «Человек очень занят» и повествует о незаметной для спешащих людей битве птиц за еду и территорию. Популярность этой публикации отражает стремление подписчиков переоткрыть и «зачаровать» город (см. раздел «Урбанистический мотив» выше).

Автор завершает текст фразой: «Вот мой ответ: дождитесь следующего поста». Тем самым он позиционирует себя как автономного городского storytellera – автора серии публикаций, который не просто наблюдает за природой и запечатлевает ее, но и осмысляет происходящее, оформляя художественное высказывание в виде натуралистических историй и эстетичных фотографий (см. блок «Медийная мотивация» выше).

Какие темы встречаются чаще всего

Рассмотрим с помощью тематического моделирования, какие темы встречаются в постах чаще всего.

При анализе всех публикаций сообщества получается выделить 514 топиков – групп постов на схожую тему. Если же сосредотачиваться исключительно на публикациях, где упоминаются конкретные топонимы (не только города), Python-библиотека BERTopic выделяет 210 топиков. Топ-10 топиков в обеих выборках представлены в табл. 2.

Таблица 2 подтверждает выводы из раздела «Какие города упоминаются чаще всего»: преобладают записи о птицах Москвы и Московской области, хотя сообщество и не посвящено исключительно птицам Московского региона. При этом часто упоминаются конкретные парки Москвы, например «Царицыно» (см. раздел «Урбанистическая мотивация» выше).

Второе место отражает уже не столь предсказуемые результаты. Если рассматривать все публикации сообщества, то второй по популярности темой оказывается определение птиц по фото. Если же анализировать публикации с упоминанием топонимов, то на 2-м месте – обращения к сообществу с просьбой дать совет, как помочь попавшей в беду птице. Просьбы определить вид птицы по фото в рейтинге топиков с упоминанием топонимов занимают лишь 6-е место.

Это свидетельствует о том, что пользователям чаще кажется, что для определения вида птицы достаточно ее внешних признаков; ареал обитания и место фиксации не так значимы. Напротив, если птица попала в беду, авторы чаще упоминают свой город. Порой это продиктовано надеждой, что кто-то подскажет конкретный центр помощи диким животным или ветеринаров, к которым можно обратиться за помощью. В других случаях пользователи пытаются найти добровольца, готового забрать и выводить птицу. Часто нашедшие признаются, что не умеют выхаживать больных птиц или выкармливать птенцов, и поэтому ищут более компетентных людей поблизости. Такие публикации размещаются под хештегом #Помощь@birdslovers.

Таблица 1. Топ-5 самых популярных постов с упоминанием топонимов по числу лайков, просмотров и репостов

Источник: данные автора, полученные на основе публикаций в онлайн-сообществе «Любители птиц».

Номер	Посты с упоминанием топонимов		
	Лайки	Репосты	Просмотры
1	Текст поста: Птичья беседа за завтраком. Пермь. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_344602	Текст поста: Ополовнички в ботаническом саду. Москва. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_298692	Текст поста: Генри «Бобби» Пирс (Henry «Booby» Pearce) <...> в Амстердаме. В соревнованиях по одиночной гребле Генри обошел большинство соперников, когда на его пути оказалась утка с утятами. Спортсмен тут же перестал грести, чтобы дать птицам спокойно проплыть. <...> #Факты@birdslovers Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_141100
2	Текст поста: Большая синица прогоняет ополовника с территории. Москва. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_346123	Текст поста: Большая синица прогоняет ополовника с территории. Москва. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_346123	Текст поста: Срочно! Доброго всем дня. Сегодня в подъезде муж нашел воробья. <...> К сожалению, в нашем городе (#Барнаул) с орнитологами очень туго <...> #Помощь@birdslovers #воробей Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_141396
3	Текст поста: Человек очень занят. <...> Он пропускает момент развернувшейся драмы, что принято называть битвой не на жизнь, а на смерть. <...> Вы спросите – каков же конец этой безусловно эпической драмы? Вот мой ответ: дождитесь следующего поста. Самка снегирия и лазоревка 15.03.2024 Магнитогорск #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_348392	Текст поста: Молодая кукабарра навестила дом женщины, которая живет в Квинсленде, Австралия. Птица, видимо, была в очень хорошем настроении, поэтому оно решило завязать разговор, полный «птичьего» смеха! <...> #Видео@birdslovers #Австралия #кукабарра #птицы Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_317724	Текст поста: Надо потерять, чтобы начать ценить. В начале 60-х прошлого столетия Китай запросил у СССР и Канады живых воробьев. <...> #Факты@birdslovers Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_140884
4	Текст поста: Ополовнички в ботаническом саду. Москва. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_298692	Текст поста: Случается, что маленьких мигрирующих птиц может унести в море сильным ветром <...> Одна из птиц так устала, что проплыла с людьми 50 миль через океан до самого конца путешествия. Кепка капитана стала ее любимым местом. <...> #Видео@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_332223	Текст поста: Очковый #цветоед (лат. <i>Dicaeum dayakorum</i>) – НОВЫЙ ВИД птиц с острова #Борнео. <...> #Найка@birdslovers #Новости@birdslovers Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_141486
5	Текст поста: Свиристели едят прошлогодние яблоки. Подмосковье, 24.03.24 #Видео@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_350078	Текст поста: Человек очень занят. <...> Он пропускает момент развернувшейся драмы, что принято называть битвой не на жизнь, а на смерть. <...> Вы спросите – каков же конец этой безусловно эпической драмы? Вот мой ответ: дождитесь следующего поста. Самка снегирия и лазоревка 15.03.2024 Магнитогорск #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_348392	Текст поста: Человек очень занят. <...> Он пропускает момент развернувшейся драмы, что принято называть битвой не на жизнь, а на смерть. <...> Вы спросите – каков же конец этой безусловно эпической драмы? Вот мой ответ: дождитесь следующего поста. Самка снегирия и лазоревка 15.03.2024 Магнитогорск #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы Ссылка: https://vk.com/wall-1610020_348392

Таблица 2. Топ-10 топики, выявленных в публикациях онлайн-сообщества «Любители птиц» с помощью тематического моделирования

Источник: данные автора, полученные на основе публикаций в онлайн-сообществе «Любители птиц».

Номер	Топики на основе всей коллекции публикаций			Топики на основе коллекции публикаций с топонимами		
	Тема	Типичные слова	Пример публикации	Тема	Типичные слова	Пример публикации
1	Фотографии птиц Москвы и Подмосковья	Москва, Московская, область, Подмосковье, Царицыно, #Нам_прислали, #Фото	Зеленушка. Царицыно. Москва. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы	Фотографии птиц Москвы, Подмосковья и Владимирской области	Москва, Московская, Владимирская, область, Подмосковье, Царицыно, #Нам_прислали, #Фото	Скворец. Москва. Царицыно. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы
2	Обращение к сообществу с просьбой помочь определить вид птицы по фотографии	Подскажите, пожалуйста, что за птичка, птица, здравствуйте, добрый, спасибо, #Определение	Подскажите, пожалуйста, что это за птичка. #Определение@birdslovers	Обращение к сообществу с просьбой дать совет, как помочь попавшей в беду птице	Помощь, помочь, делать, не, может, здравствуйте, кто, нет, крыло	Муж подобрал птенца, выпавшего из гнезда, так как рядом бегали собаки. Птенец не летает, возможно что-то с крылом, явных следов нет. Г. Москва. Подскажите, что за вид? Как ухаживать? Чем кормить? Как помочь птенцу? Можно ли его выпустить? В птицах мы совсем не профи. #Помощь@birdslovers #помощь
3	Зимние фотографии снегири в снегу	Снегирь, снег, зима, зимние, #Нам_прислали	Снегирь. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы #природа	Энциклопедически подробное описание отдельных видов птиц	Длина, тела, от, до, см, цвета, клюв, семейства, обитает, оперение	Изумрудный #голубь / Common emerald #dove (лат. Chalcophaps indica) – птица семейства голубиных. Изумрудный голубь достигает длины 26 см и весит от 80 до 100 г. <...> Изумрудный голубь широко распространен в Юго-Восточной Азии, а также в Австралии. <...>
4	Энциклопедически подробное описание отдельных видов птиц	Длина, тела, до, см, цвета, обитает, клюв, крылья, темно, вес	Изумрудный #голубь / Common emerald #dove (лат. Chalcophaps indica) – птица семейства голубиных. Изумрудный голубь достигает длины 26 см и весит от 80 до 100 г. Половой диморфизм выражен слабо <...>	Фотографии ястребов, сов, ястребиных сов, ястребиных славков и других птиц	Область, ястребиная, сова, ястреб, перепелятник, #Нам_прислали, #Фото, #птицы, #природа	Ястребиная сова. Свердловская область. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы #природа

5	Фотографии молодых птиц и родителей с птенцами	Молодой, малый, мама, малыш, мальчик, соенок, #Нам_прислали	Молодая сорока и молодой черны́й дрозд. #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers	Различные публикации о снегирях: энциклопедически подробное описание вида; рассказ о причинах, по которым люди стали реже видеть снегирей; фото	Снегирь, снег, pyrrhula. #Нам_прислали, #Фото	Снеги́рь, или обыкновенный #снегирь / (лат. Pyrrhula pyrrhula) – певчая птица рода снегирей (Pyrrhula), семейства вьюрковых. <...> Снегири населяют всю Европу, Переднюю Азию, Восточную Азию, включая Сибирь, Камчатку, а также Японию. <...> #Виды_птиц@birdslovers #Pyrrhula #Fringillidae
6	Обращение к сообществу с просьбой помочь определить вид птицы по ее перу	Перо, #перо, #перья, кто, чье, это, здравствуйте, подскажите, пожалуйста, #Определение	Здравствуйте! Подскажите, пожалуйста, чье это перо? #Определение@birdslovers #перья #перо	Обращение к сообществу с просьбой помочь определить вид птицы по фотографии	Подскажите, пожалуйста, помогите, определить, что за, птичка, птица, здравствуйте, добрый, #Определение	Подскажите, пожалуйста, что это за птица. г. Сочи. #Определение@birdslovers
7	Смешные видео с птицами, особенно с попугаями	Видео, какаду, попугай, Харли, обниматься, сало, тыр, #Нам_прислали	#Видео@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers	Подборки с аудиозаписями пения и позывок птиц	Песня, поет, голос, свирители, #Нам_прислали, #Голоса_птиц, #Фото	Василий Вишневский: Какие птицы поют зимой и в марте? #ГолосаПтиц <...> 0:00 Снегирь поет брачную песенку для самки <...> 17:13 Свирители – свист стайки <...> #Видео@birdslovers #Полезное@birdslovers #РепортажВишневого #орнитология #птицы
8	Фотографии птиц без подробной подписи. Иногда с указанием места съемки или вида птицы, но чаще содержащие только хештеги	#природа, #птицы, #Нам_прислали, #Фото	#Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #природа #птицы	Подробные рассказы о заповедных территориях и о научных орнитологических экспедициях с цитатами самих ученых-орнитологов	Орнитологи, территории, заповедника, птиц, по, области, для, редких, видов	В Хабаровском крае появится новая природоохранная территория. На южном побережье Охотского моря ученые планируют создать несколько «территорий покоя», на которых будут сохраняться редкие виды приморских птиц. <...> #Новости@birdslovers #Хабаровск
9	Обращение к сообществу с просьбой помочь определить вид птицы по аудиозаписи ее пения или позывок	Поет, запись, голос, звук, пение, определить, помогите, #Определение	Здравствуйте. Помогите определить, что это за птичка поет? #Определение@birdslovers	Фотографии птиц с указанием конкретного периода наблюдений	Январь, март, апрель, 2021, 2023, 2024, 2025, #Нам_прислали, #Фото	Зяблик, апрель 2024 год, г. Москва #Фото@birdslovers #Нам_прислали@birdslovers #птицы

10	Публикации о пингвинах, в том числе приуроченные ко Всемирному дню пингвинов	Пингвины, Адели, императорские, колонии, Антарктида, penguin	25 апреля отмечается Всемирный день пингвина (#WorldPenguinDay). Это ежегодный экологический #праздник, посвященный одной из самых необычных птиц в мире. <...> Вопреки распространённому заблуждению, они живут не только в Антарктике. <...> #Новости@birdslovers #деньистории #дата	Фотографии различных видов птиц в российских городах	Кунгур, Софрино, Ессентуки, Удмуртия, неясить, длиннохвостая, дятел #Нам_прислали, #Фото	Седой #дятел (г. Кунгур) #Нам_прислали@birdslovers' #Фото@birdslovers'
----	--	--	--	--	--	--

Публикации, в которых одни подписчики обращаются за советом или помощью к другим, можно разделить на четыре основных типа:

- просьба определить вид птицы по фотографии (#Определение);
- просьба дать совет, что делать с птицей, попавшей в беду (#Помощь);
- просьба определить вид птицы по фотографии пера (#Определение);
- просьба определить вид птицы по аудиозаписи ее пения или позывок (#Определение).

Интересно, что в публикациях с фотографиями перьев авторы часто указывают не только и не столько место, сколько местность: например, уточняют, что нашли перо «в сквере, рядом со школой, г. Нижний Новгород»; «прямо у дома, Ленинградская область, пригород Питера»; «в деревне в Ростовской области»; «в Иркутской области, по берегу низовья реки Ока»; «на берегу озера»; «в сосновом лесу, у моря»; «в районе Анапы на холмах»; «на полевой дороге»; «на рыбалке»; «возле нарзана, горы, поляны». Вероятно, пользователи исходят из предположения, что описание биотопа скажет о птице больше, чем место фиксации и ареал обитания.

Подавляющее большинство публикаций в сообществе – это фотографии и видео птиц, сделанные самими подписчиками. Они размещаются под хештегами #Нам_прислали, #Фото и #Видео. Также нередко публикации с энциклопедически подробным описанием отдельных видов птиц. Отдельная рубрика – аудио- и видеозаписи пения и позывок, которые публикуются под хештегом #Голоса_птиц и часто содержат упоминания мест, где были сделаны записи.

В списке топигов с упоминанием топонимов есть тема, которая не вышла на первый план при анализе всей коллекции публикаций, – это подробные рассказы о заповедных территориях и научных орнитологических экспедициях с цитатами самих орнитологов. В них упоминаются конкретные локации, где работают ученые, а информация излагается довольно подробно и сопровождается значимыми статистическими данными. Такие записи публикуются под хештегами #Наука и #Новости.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что в онлайн-сообществе «Любители птиц» конкретные города чаще всего упоминаются в публикациях следующих типов:

- просьбы о помощи в определении вида или выхаживании птицы;
- фотографии, видео- и аудиозаписи птиц;
- энциклопедические описания определенного вида;
- рассказы о заповедных территориях и научных орнитологических экспедициях.

Участники сообщества зачастую полагают, что для определения вида птицы достаточно ее внешнего вида или записи голоса, а также краткого описания местности. Если же птица попала в беду, то пользователи чаще упоминают свой город, чтобы найти специалистов или волонтеров, которым можно показать или передать птицу.

Между числом жителей в городе и количеством публикаций в сообществе не прослеживается прямой зависимости. Один увлеченный наблюдатель способен внести более значимый вклад в изучение биоразнообразия определенной территории, чем сотни тысяч жителей административного центра.

Чаще всего в сообществе упоминаются заметные птицы, которые либо многочисленны, либо отличаются крупными размерами, а также селятся рядом с человеком в черте города и ведут дневной образ жизни. К ним относятся синицы, голуби, утки, дрозды, вороны, воробьи, чайки, лебеди, аисты, журавли и скворцы.

Для членов сообщества научная мотивация при создании публикаций далеко не первична, что заметно как по количеству записей, в которых упоминаются города или иные топонимы (40% – меньше половины), так и по написанию названий городов в сокращенном или неформальном варианте («СПб» вместо «Санкт-Петербург»). Отсутствие точной локации не позволяет учитывать публикацию в сообществе как достоверную фиксацию наблюдения за птицей; следовательно, если участники не указывают

город в своих текстах, они не стремятся придать им научную ценность. Исключением являются подробные публикации о заповедных территориях и орнитологических экспедициях.

Медийная мотивация не прослеживается явно: в сообществе почти нет публикаций, открыто призывающих поставить лайк или оформить подписку. При этом авторы публикаций ощущают потенциальную виральность контента: подбирают к забавным фотографиям птиц остроумные подписи или предлагают другим подписчикам пофантазировать самим, тем самым стимулируя общение в сообществе.

Как и медийный мотив, урбанистический мотив «зачаровать» город и публично подчеркнуть ценность его зеленых территорий может ощущаться участниками сообщества, но не выражаться ими открыто и прямо. В будущем развить данную тему можно было бы посредством подробного социологического исследования.

Ключевым же, на наш взгляд, является социальный мотив. Члены сообщества приходят на помощь друг другу, определяя вид птицы по ее внешним признакам и давая советы по выхаживанию больных особей; обмениваются впечатлениями; разделяют друг с другом эмоции — причем как смех и радость от изображений забавных птиц, так и грусть и негодование из-за исчезновения редких видов и ухудшения экологической обстановки; обсуждают научные открытия и делятся художественными высказываниями. Город в публикациях зачастую указывают потому, что так делают другие — срабатывает эффект присоединения к большинству. Социальный капитал активизируется в том числе путем создания локальных сетей взаимопомощи и распространения памятки «Центры помощи диким животным», в которой перечислены центры помощи, волонтеры и компетентные ветеринары по городам и областям.

Между онлайн-сообществами и пользовательскими базами данных для фиксации наблюдений за птицами, такими как eBird, есть ключевое различие. В онлайн-сообществе можно спросить совета, найти специалиста и передать пострадавшую птицу другому человеку. В базу данных же возможно лишь внести факт наблюдения за птицей в конкретном месте и в конкретное время. В то же время на основе базы данных разрабатываются приложения для автоматического определения птицы по ее голосу или внешнему виду — например, Merlin Bird ID. В онлайн-сообществах же определение вида птицы зависит от человеческого фактора: опыта, насмотренности и отзывчивости других членов сообщества.

Поэтому, несмотря на схожесть тематики, для исследователей онлайн-сообщества любителей птиц и базы данных о наблюдениях за птицами представляют разный интерес и дают различный материал для изучения. Если будущим исследователям потребуется изучить биоразнообразие какого-либо

города или места, стоит в первую очередь обратиться к базам данных. Онлайн-сообщества в таком случае будут вторичны, так как не все пользователи, делясь фотографиями птиц, указывают точное место съемки. Если же перед исследователями встанет задача найти локальных «птичьих знатоков» — людей, которые разбираются в птицах, умеют их выхаживать и знают, где встретить разные виды в конкретном городе, то нет лучше места для поиска опытных любителей птиц и экспертов-орнитологов, чем онлайн-сообщества.

Источники

- Бродский, И. А. (1971). «Я всегда твердил, что судьба — игра...». *Культура.рф*. <https://www.culture.ru/poems/30445/ya-vsegda-tverdil-chto-sudba-igra>.
- Вслух.ру. (2021, 14 сентября). В погоне за пернатыми: зачем тюменские бердвотчеры считают птиц. https://vsluh.ru/novosti/obzor/v-pogone-za-pernatymi-kak-tyumenskie-berdvotchery-schitayut-ptits_368608.
- Газоян, А. Г. (2020). Гражданская наука как инструмент научной коммуникации: анализ российской практики. *Но-тохетика: Философия. Социология. Право* (4). <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-nauka-kak-instrument-nauchnoy-kommunikatsii-analiz-rossiyskoy-praktiki>.
- Любители птиц. (б. д.). Сообщество «ВКонтакте». <https://vk.com/birdslovers>.
- Национальный статистический комитет Республики Беларусь. (2024). *Беларусь в цифрах, 2024* (с. 13). Минск. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_95662.
- Национальный статистический комитет Республики Беларусь. (б. д.). Численность населения на 1 января 2025 г. по областям и г. Минску. *Официальная статистика*. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan_poobl.
- Необычные животные | Анималистика. (б. д.). Центры помощи диким животным. Памятка сообществ «Любители птиц» и «Необычные животные | Анималистика». <https://vk.com/@strangeanimals-centry-pomoschi-dikim-zhivotnym>.
- Открытые данные о биоразнообразии. (б. д.). Стандарт данных Darwin Core. https://biodiversitydata.info/data_standards/darwincore.
- Росс(Росстат). (б. д.). Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2025 года. *Росстат*. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1his1_M0_01-01-2025.xlsx.
- Шиллер, А. (2019, 21 декабря). Ученый объяснил, почему утки остаются на зимовку в Екатеринбурге. *Российская газета*. <https://rg.ru/2019/12/21/uchenyj-obiasnil-pochemu-utki-ostaiutsia-na-zimovku-v-ekaterinburge.html>.
- Callaghan, C. T., Poore, A. G. B., Hofmann, M., et al. (2021). Large-bodied birds are over-represented in unstructured citizen science data. *Scientific Reports*, 11, Art. 19073. <https://www.nature.com/articles/s41598-021-98584-7>.
- Davis, R. A., Greenwell, C., Davis, B. J., & Bateman, P. W. (2024). Liked to death: the impacts of social media and photography on biodiversity. *Science of The Total Environment*, 949, 174736. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0048969724052562>.

- eBird. (n. d.). Cornell Lab of Ornithology. <https://ebird.org>.
- Global Biodiversity Information Facility. (n. d.). Data quality requirements: Occurrence datasets. *GBIF.org*. <https://www.gbif.org/data-quality-requirements-occurrences>.
- Global Biodiversity Information Facility. (n. d.). Data-set classes. *GBIF.org*. <https://www.gbif.org/data-set-classes>.
- Global Biodiversity Information Facility. (n. d.). *GBIF.org*. <https://www.gbif.org>.
- Liberatore, A., Bowkett, E., Macleod, C.J., Spurr, E., & Longnecker, N. (2018). Social Media as a Platform for a Citizen Science Community of Practice. *Citizen Science: Theory and Practice*, 3(1), 3. <https://theoryandpractice.citizenscienceassociation.org/articles/10.5334/cstp.108>.
- Lundquist, E., Peterson, J., Truong, M.-X., Gumucio, G., & Van der Wal, R. (2025). Birdwatching in the digital age: how technologies shape relationships to birds. *BioScience*, 75(7), 534–544. <https://academic.oup.com/bioscience/article/75/7/534/8131808>.
- Ma, A.T.H., Ng, S.L., Cheung, L.T.O., & Lam, T.W.L. (2021). How do uses of and gratifications from social media platforms drive responsible birdwatching behavior? *Global Ecology and Conservation*, 27, e01584. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2351989421001645>.
- Merlin. (n. d.). Cornell Lab of Ornithology. <https://merlin.allaboutbirds.org>.
- NYC Department of City Planning, Population Division. (2025, May). New York City's Population Estimates and Trends. *NYC Department of City Planning*. https://www.nyc.gov/assets/planning/downloads/pdf/our-work/reports/new-york-city-population-estimates-and-trends_may-2025.pdf.
- Planillo, A., Fiechter, L., Sturm, U., Voigt-Heucke, S., & Kramer-Schadt, S. (2021). Citizen science data for urban planning: comparing different sampling schemes for modelling urban bird distribution. *Landscape and Urban Planning*, 211, 104093. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S016920462100061X>.
- Tang, B., et al. (2021). Modeling spatially biased citizen science effort through the eBird database. *NSF Public Access Repository*. <https://par.nsf.gov/servlets/purl/10331495>.
- Thömmes, K., & Hayn-Leichsenring, G.U. (2021). What Instagram Can Teach Us About Bird Photography: The Most Photogenic Bird and Color Preferences. *I-Perception*, 12(2). <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/20416695211003585>.
- Toivonen, T., Heikinheimo, V., Fink, C., Hausmann, A., Hiippala, T., Järvi, O., Tenkanen, H., & Di Minin, E. (2019). Social media data for conservation science: a methodological overview. *Biological Conservation*, 233, 298–315. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0006320718317609>.
- Trust for London. (n. d.). London's geography and population. <https://trustforlondon.org.uk/data/geography-population/>.
- VK для разработчиков. (n. d.). VK Developers. <https://dev.vk.com/>.
- Weber, M. (1971). *The Sociology of Religion* (p. 125, 270). Boston: Beacon Press. https://ia802908.us.archive.org/11/items/in.ernet.dli.2015.191237/2015.191237.The-Sociology-Of-Religion_text.pdf.
- What is geoprivacy? What does it mean for an observation to be obscured? (2023, 30 ноября). *iNatHelp*. <https://help.inaturalist.org/en/support/solutions/articles/151000169938-what-is-geoprivacy-what-does-it-mean-for-an-observation-to-be-obscured->.
- Zhang, G. (2020). Spatial and temporal patterns in volunteer data contribution activities: A case study of eBird. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 9(10), 597. <https://www.mdpi.com/2220-9964/9/10/597>.

IDENTIFY, RESCUE, AND PRESERVE: WHY PEOPLE MENTION CITIES WHEN POSTING IN ONLINE BIRDWATCHING COMMUNITIES

Maria P. Kazakova, Data Journalist, Guest Lecturer, Institute of Media and Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; Russia, Moscow.
E-mail: marikasakowa@gmail.com

This article examines the motivations behind references to cities in posts published by amateur ornithologists in the Russian online community "Bird Lovers" on the social network VKontakte. An interdisciplinary literature review identifies four key motivations underlying this practice: scientific, social, media-related, and urban. The empirical analysis is based on a corpus of 42,500 posts processed using computational linguistics methods. The study identifies the bird species, cities, and thematic patterns most frequently mentioned. The findings show that when a specific city is indicated, the dominant driver is social motivation. This is primarily expressed through a pragmatic orientation toward organizing assistance for birds: users seek information about wildlife rehabilitation centers, veterinary services, and volunteers, thereby contributing to the formation of social ties and localized networks of mutual aid. The analysis also reveals recurring types of user requests, including species identification based on photographs, vocalizations, or feathers, and appeals for advice on caring for injured or distressed birds. In addition, a "bandwagon effect" is observed: participants interpret the inclusion of geolocation as an implicit community norm and reproduce this practice in their own posts. Digital traces—texts, images, and audio recordings—not only document observations of birds but also capture the authors' personal experiences, fostering the emergence of new identities such as birdwatchers or nature photographers. The study contributes to a deeper understanding of interaction dynamics within online communities of amateur ornithologists and demonstrates how urban nature is documented and mediated in digital environments. The findings also suggest potential applications for urban planning, particularly in terms of ecology and recreation. However, the unstructured nature of geolocated observa-

tions, shaped by uneven distributions of volunteer activity, limits the representativeness of such data and prevents them from fully reflecting local biodiversity.

Keywords: online communities; amateur ornithology; bird identification; toponyms; urban studies

Citation: Kazakova, M. (2026). Identify, Rescue, and Preserve: Why People Mention Cities When Posting in Online Birdwatching Communities. *Urban Studies and Practices*, 11(2), 23–37. <https://doi.org/10.17323/usp112202623-37>

References

- Brodskiy, I.A. (1971). "Ya vseгда tverdil, chto sud'ba—igra..." ["I always said that fate is a game..."]. *Kul'tura.rf*. <https://www.culture.ru/poems/30445/ya-vsegda-tverdil-chto-sudba-igra> (in Russian)
- Callaghan, C.T., Poore, A.G.B., Hofmann, M., et al. (2021). Large-bodied birds are over-represented in unstructured citizen science data. *Scientific Reports*, 11, Art. 19073. <https://www.nature.com/articles/s41598-021-98584-7>.
- Davis, R.A., Greenwell, C., Davis, B.J., & Bateman, P.W. (2024). Liked to death: the impacts of social media and photography on biodiversity. *Science of The Total Environment*, 949, 174736. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0048969724052562>.
- eBird. (n.d.). Cornell Lab of Ornithology. <https://ebird.org>.
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat) [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. (n.d.). Chislennost' postoyannogo naseleniya Rossiyskoy Federatsii po munitsipal'nyy obrazovaniyam na 1 yanvarya 2025 goda [Resident population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2025]. *Rosstat*. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1hisl_MO_01-01-2025.xlsx (in Russian).
- Gazoyan, A.G. (2020). Grazhdanskaya nauka kak instrument nauchnoy kommunikatsii: analiz rossiyskoy praktiki [Citizen science as a tool of scientific communication: An analysis of Russian practice]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law], (4). <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-nauka-kak-instrument-nauchnoy-kommunikatsii-analiz-rossiyskoy-praktiki> (in Russian).
- Global Biodiversity Information Facility. (n.d.). Data quality requirements: Occurrence datasets. *GBIF.org*. <https://www.gbif.org/data-quality-requirements-occurrences>.
- Global Biodiversity Information Facility. (n.d.). Dataset classes. *GBIF.org*. <https://www.gbif.org/dataset-classes>.
- Liberatore, A., Bowkett, E., MacLeod, C.J., Spurr, E., & Global Biodiversity Information Facility. (n.d.). *GBIF.org*. <https://www.gbif.org>.
- Longnecker, N. (2018). Social Media as a Platform for a Citizen Science Community of Practice. *Citizen Science: Theory and Practice*, 3(1), 3. <https://theoryandpractice.citizenscienceassociation.org/articles/10.5334/cstp.108>.
- Lundquist, E., Peterson, J., Truong, M.-X., Gumucio, G., & Van der Wal, R. (2025). Birdwatching in the digital age: how technologies shape relationships to birds. *BioScience*, 75(7), 534–544. <https://academic.oup.com/bioscience/article/75/7/534/8131808>.
- Lyubiteli ptits [Bird lovers]. (n.d.). Soobshchestvo "VKontakte" [VKontakte community]. <https://vk.com/birdslovers>.
- Ma, A.T. H., Ng, S.L., Cheung, L.T.O., & Lam, T.W. L. (2021). How do uses of and gratifications from social media platforms drive responsible birdwatching behavior? *Global Ecology and Conservation*, 27, e01584. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2351989421001645>.
- Merlin. (n.d.). Cornell Lab of Ornithology. <https://merlin.allaboutbirds.org>.
- Natsional'nyy statisticheskiy komitet Respubliki Belarus' [National Statistical Committee of the Republic of Belarus]. (2024). *Belarus' v tsifrakh, 2024* [Belarus in figures, 2024] (p. 13). Minsk. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_95662 (in Russian).
- Natsional'nyy statisticheskiy komitet Respubliki Belarus' [National Statistical Committee of the Republic of Belarus]. (n.d.). Chislennost' naseleniya na 1 yanvarya 2025 g. po oblastyam i g. Minsku [Population as of January 1, 2025, by regions and the city of Minsk]. *Ofitsial'naya statistika*

- [Official statistics]. https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan_poobl (in Russian).
- Neobychnyye zhivotnyye | Animalistika [Unusual animals | Animalistics]. (n.d.). Tsentry pomoshchi dikim zhivotnym. Pamyatka soobshchestv "Lyubiteli ptits" i "Neobychnyye zhivotnyye | Animalistika" [Wildlife rescue centers. A memo from the "Bird lovers" and "Unusual animals | Animalistics" communities]. <https://vk.com/@strangeanimals-centry-pomoschi-dikim-zhivotnym> (in Russian).
- NYC Department of City Planning, Population Division. (2025, May). New York City's Population Estimates and Trends. *NYC Department of City Planning*. https://www.nyc.gov/assets/planning/downloads/pdf/our-work/reports/new-york-city-population-estimates-and-trends_may-2025.pdf.
- Otkrytyye dannyye o bioraznoobrazii [Open biodiversity data]. (n.d.). Standart dannykh Darwin Core [Darwin Core data standard]. https://biodiversitydata.info/data_standards/darwincore.
- Planillo, A., Fiechter, L., Sturm, U., Voigt-Heucke, S., & Kramer-Schadt, S. (2021). Citizen science data for urban planning: comparing different sampling schemes for modelling urban bird distribution. *Landscape and Urban Planning*, 211, 104093. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S016920462100061X>.
- Shiller, A. (2019, December 21). Uchenyy ob"yasnil, pochemu utki ostayutsya na zimovku v Yekaterinburge [The scientist explained why ducks stay for the winter in Yekaterinburg]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette]. <https://rg.ru/2019/12/21/uchenyj-obiasnil-pochemu-utki-ostaiutsia-na-zimovku-v-ekaterinburge.html> (in Russian).
- Tang, B., et al. (2021). Modeling spatially biased citizen science effort through the eBird database. *NSF Public Access Repository*. <https://par.nsf.gov/servlets/purl/10331495>.
- Thömmes, K., & Hayn-Leichsenring, G.U. (2021). What Instagram Can Teach Us About Bird Photography: The Most Photogenic Bird and Color Preferences. *I-Perception*, 12(2). <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/20416695211003585>.
- Toivonen, T., Heikinheimo, V., Fink, C., Hausmann, A., Hiippala, T., Järv, O., Tenkanen, H., & Di Minin, E. (2019). Social media data for conservation science: a methodological overview. *Biological Conservation*, 233, 298-315. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0006320718317609>.
- Trust for London. (n.d.). London's geography and population. <https://trustforlondon.org.uk/data/geography-population/>.
- VK dlya razrabotchikov [VK for developers]. (n.d.). VK Developers. <https://dev.vk.com/> (in Russian).
- Vslukh.ru. (2021, September 14). V pogone za pernatymi: zachem tyumenskiye berdvotchery schitayut ptits [In pursuit of birds: Why Tyumen birdwatchers count birds]. https://vsluh.ru/novosti/obzor/v-pogone-za-pernatymi-kak-tyumenskie-berdvotchery-schitayut-ptits_368608 (in Russian).
- Weber, M. (1971). *The Sociology of Religion* (pp. 125, 270). Boston: Beacon Press. https://ia802908.us.archive.org/11/items/in.ernet.dli.2015.191237/2015.191237.The-Sociology-Of-Religion_text.pdf.
- What is geoprivacy? What does it mean for an observation to be obscured? (2023, November 30). iNaturalist Help. <https://help.inaturalist.org/en/support/solutions/articles/151000169938-what-is-geoprivacy-what-does-it-mean-for-an-observation-to-be-observed->.
- Zhang, G. (2020). Spatial and temporal patterns in volunteer data contribution activities: A case study of eBird. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 9(10), 597. <https://www.mdpi.com/2220-9964/9/10/597>.

Город и птица: репрезентация чаек в визуальной культуре Санкт- Петербурга

Вероника Гулина

Визуальные исследования города

Город — это всегда больше, чем его архитектура и планировка. Он живет в образах, взглядах, знаках, практиках горожан. Визуальные исследования города, утвердившиеся на стыке социологии, урбанистики и культурной антропологии, акцентируют внимание именно на тех образах, символах и визуальных практиках, через которые происходит осмысление и эмоциональное присвоение жителями городского пространства. Так, исследования в данной сфере предлагают рассматривать визуальные элементы города не как нейтральное отражение действительности, а как социально и культурно обусловленные формы, участвующие в формировании восприятия, опыта и структуры городской жизни. Если говорить о теоретико-методологической рамке, то визуальные исследования города разделяются на два подхода — визуальную социологию, изучающую уже существующие визуальные материалы (фотографии, открытки, рекламные плакаты и т. д.), и визуальную этнографию, в которой визуальный контент производится исследователем, который одновременно с этим является участником наблюдаемых ситуаций [Желнина, 2004]. Город в данном контексте может рассматриваться не только как физическое место, но и как визуальная сцена, где воспоминания, образы и повседневные практики встречаются и переплетаются во множестве слоев значений и смыслов [Zukin, 1989]. В этом контексте визуальные репрезентации элементов природы, таких как птицы и деревья, становятся важными маркерами, способными связывать природное и городское. Однако, несмотря на явную насыщенность городской визуальной среды образами нечеловеческих животных, их репрезентации редко становятся объектом системного социологического анализа в контексте визуальных исследований города. Существенная часть существующих исследований сосредоточена либо на экологическо-биологических аспектах взаимодействия человеческих животных и природы в городе, либо на анализе городской символики в отрыве от нечеловеческих животных как куль-

Гулина Вероника Денисовна, студент, кафедра социологии культуры и коммуникаций, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: veronick2018.gul@gmail.com

В статье рассматривается репрезентация чаек в визуальной культуре Санкт-Петербурга на пересечении городских и социокультурных исследований. Проблема заключается в том, что, несмотря на широкое распространение образов нечеловеческих животных в городской среде, их системный анализ в рамках социологии города остается ограниченным. Цель работы — исследовать, каким образом образы чаек формируют культурный и символический ландшафт Петербурга. Методологическая основа исследования сочетает подходы визуальной социологии и визуальной этнографии: проведен качественный контент-анализ изображений из трех источников: пользовательских публикаций в Pinterest, сувенирной продукции и авторской фотосъемки. Анализ показал, что визуальные репрезентации различаются по степени институционализированности и символической нагрузке. Так, изображения в Pinterest закрепляют романтизированный образ города, где чайка функционирует как эстетический элемент пейзажа. В сувенирной продукции птица редуцируется до устойчивого символа брендинга города, встроенного в коммерческую логику массового производства. В то же время этнографическая фотосъемка демонстрирует амбивалентность образа: чайки оказываются ситуативными участниками городской жизни, связанными с конкуренцией за пищевые ресурсы, бытовыми практиками и «экологиями отходов». Сопоставление разных уровней визуальных репрезентаций позволяет выявить противоречие между «переживаемым» и «представляемым» пространством (по Анри Лефевру). Визуальная культура города формирует двойственный образ чайки — от романтического символа «северной Венеции» до проблемного актора повседневной среды. Таким образом, работа расширяет поле визуальных исследований города, демонстрируя значимость образов нечеловеческих животных для понимания социокультурной специфики городского ландшафта.

Ключевые слова: город; чайки; визуальная социология; птицы

турных акторов. Между тем именно визуальные образы нечеловеческих животных в городской среде способны обнажить противоречия между «естественным» и «искусственным», нормативным и маргинальным, обыденным и фантазийным внутри города. Их исследование позволяет по-новому взглянуть на город как на пространство, в которое природа встраивается через различные визуальные формы.

Цитирование: Гулина, В.Д. (2026). «Город и птица»: репрезентация чаек в визуальной культуре Санкт-Петербурга, *Городские исследования и практики*, 11(2), 38–45. <https://doi.org/10.17323/usp112202638-45>

Нечеловеческие животные как часть города

Нечеловеческие животные как объект социальных наук прошли долгий путь. Фундаментальные антропологические труды Эдварда Тайлора и Эмиля Дюркгейма, исследовавшие анимистические основания религиозных верований в примитивных обществах, положили начало социальному анализу нечеловеческих животных. Классическое для антропологии понимание нечеловеческих животных и их отличительных черт как элементов системы духовных и метафизических представлений из изучаемого сообщества сохраняется и сейчас. В рамках этого подхода проводятся исследования современного, городского и традиционного фольклора, анализируются образы нечеловеческих животных в массовой культуре и искусстве [Lévi-Strauss, 1962; Douglas, 1966]. Так или иначе, культурная антропология рассматривает нечеловеческих животных как существ, пусть не лишенных субъектности, но и не являющихся полноправными участниками социальных отношений. Это антропологическое понимание нечеловеческих животных коренится в семиотическом содержании животного и приписываемых ему магических свойствах.

Почти параллельно начало развиваться этнозоологическое направление, у истоков которого стоял Отис Тафтон Мэйсон, фокусирующее на комплексной роли нечеловеческих животных в «традиционных» сообществах и в их системах хозяйствования [Воробьев, 2018]. Этнозоологическое направление предполагает изучение нечеловеческих животных, как одомашненных, так и диких, во всей полноте представлений членов изучаемого сообщества, то есть не только духовных представлений, но и представлений повседневных – об охоте, животноводстве, о принципах их классификации.

Тему нечеловеческих животных в городе уместно рассматривать в рамках этнозоологического подхода, поскольку она опирается на комплекс представлений участников городского сообщества о нечеловеческих животных. Эти представления охватывают как семиотическое, так и вполне бытовое измерение – от городской символики и образов до проблем благоустройства и сбалансированного сосуществования нечеловеческих и человеческих животных в городе.

Таким образом, цель данной работы – исследовать, как образы чаек встраиваются в культурный и символический ландшафт Санкт-Петербурга. Задача исследования состоит в анализе символики и образов чаек, а также в выявлении связанных с ними смыслов в культурной, социальной и городской жизни Петербурга.

Обзор литературы

Исследования города традиционно занимают особое место в социологии. Первые работы, посвященные этой тематике, были написаны представителями Чикагской школы в начале XX века. Центральной фигурой и, по сути, идейным вдохновителем Чикагской школы был Роберт Парк – автор концептуальной программы, в рамках которой город становился объектом эмпирического и теоретического анализа как «природный феномен» – продукт взаимодействия социальных групп, ресурсов и пространства. В своей работе *The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment* Парк утверждает, что город – это не просто механическое скопление людей и зда-

ний, а продукт роста, обусловленный законами, аналогичными законам естественного отбора [Park, Burgess, & McKenzie, 1925]. Такой подход позволил социологам интерпретировать город как живую социальную экосистему, подверженную внутренним процессам дифференциации, конкуренции и адаптации.

Работы Чикагской школы подчеркивали значение пространства для социальных процессов. Однако уже во второй половине XX века, на фоне растущего интереса к макроуровневым структурам и критическому переосмыслению роли города в социальных трансформациях, исследовательский фокус начал смещаться. Вместо объяснений, основанных только на локальных взаимодействиях, исследователи стали учитывать влияние более широких факторов: экономических, политических, институциональных.

В этом контексте обозначились два крупных подхода – функционалистский и структуралистский. Несмотря на различия в теоретических установках и методологических стратегиях, оба направления стремились к более широкому и сложному пониманию городской жизни. При этом если функционалистский подход рассматривал город как систему институтов и практик, обеспечивающих социальную интеграцию и адаптацию жителей, то структуралистское направление сместило фокус на то, как городское пространство структурируется извне – через механизмы власти, социально-экономического неравенства и идеологического контроля. Именно эти подходы впоследствии позволили расширить рамки и способы анализа городской среды и включить в исследовательское поле культурные и визуальные аспекты восприятия, присвоения и конструирования городского пространства.

В рамках функционалистского подхода городская жизнь может быть рассмотрена как система, в которой различные элементы выполняют определенные функции для поддержания стабильности, порядка и гармонии в рамках более широкой социальной структуры [Rusu, 2020]. В свою очередь, институты, социальные роли, нормы и формы пространственной организации выступают как механизмы, способствующие сохранению равновесия и интеграции городских сообществ. Такой взгляд позволяет интерпретировать, например, транспортные сети, жилые районы или административные центры не только как физические объекты, но и как функциональные узлы, обеспечивающие воспроизводство социальной жизни и предотвращающие дезорганизацию. В функционализме особое внимание уделяется согласованности и взаимодополнительности элементов городской структуры: каждый из них – от соседских сообществ до экономических зон – рассматривается с точки зрения того, как он способствует поддержанию порядка и социальной гармонии. При этом конфликты и неравенство часто трактуются не как некое естественное состояние общества, а скорее как временные противоречия,

которые система в состоянии переработать. Такой подход, несмотря на критику за излишне статичную картину мира, в середине XX века способствовал формированию комплексных моделей городского развития и обоснованию градостроительных решений, направленных на достижение «баланса» между функциями жилых, промышленных и общественных зон.

Структурализм, напротив, исходит из того, что городские практики и формы организации пространства детерминированы глубинными, относительно стабильными структурами – экономическими, политическими, культурными и символическими, – которые формируют рамки для организации пространства и распределения ресурсов. В этом подходе город понимается как результат воздействия внешних «третьих» сил, а такие явления, как зонирование, пространственная сегрегация или планировка, рассматриваются в контексте власти, извлечения выгоды и культурных кодов [Кастельс, 2020; Harvey, 1973].

Именно с этим взглядом, наряду с функционалистским видением города, полемизирует Анри Лефевр. В своей работе «Производство общественного пространства» Лефевр впервые вводит понятие социального производства пространства, которое становится краеугольным камнем для переосмысления городских форм жизни [Лефевр, 2002]. Противопоставляя свою теорию как функционалистским, так и структуралистским подходам к осмыслению городского пространства, Лефевр утверждает, что пространство не является априорной, объективной и пассивной ареной, на которой разворачиваются социальные отношения, а, наоборот, служит результатом и продуктом социальных процессов и преобразований.

В своей работе Лефевр развивает тезис о том, что пространство представляет собой не столько фон социальных взаимодействий, сколько форму их выражений. Ключевым элементом его теории выступает триада пространства, в которой каждое измерение – воспринимаемое, представляемое и переживаемое – образует специфическую форму продуцирования и восприятия городской реальности. Воспринимаемое пространство – это материальная среда и способы ее использования, заданное (представляемое) пространство – формируемая институциями идеологическая и архитектурная модель, а переживаемое пространство, в свою очередь, представляет собой сферу символической, личного опыта и коллективной памяти.

Такой подход усилил интерес к визуальным аспектам городской среды: к тому, как город видится, кем он видится и что становится видимым или исключается из поля зрения. В этом контексте особое место занимает изучение образа города – категории, описывающей совокупность пространственных, символических и эмоциональных характеристик, воспринимаемых и воспроизводимых различными группами. Понятие получило развитие в классиче-

ских и современных работах по социологии города, культурной географии и визуальным исследованиям. Одним из наиболее влиятельных теоретических вкладов стала работа Кевина Линча *The Image of the City*, в которой городская среда рассматривается как структурированная система элементов, определяющих ее «читаемость» и, как следствие, комфорт восприятия и степень присвоения пространства жителями. Линч показал, что физическая форма города напрямую связана с тем, как он запоминается, интерпретируется и используется в повседневных практиках [Lynch, 1960].

Как показывает Анна Желнина, в условиях визуализации современной культуры образы города все чаще формируются и транслируются через визуальные медиа – от исторической городской фотографии до туристических альбомов, где каждый сюжет становится частью самопрезентации мегаполиса [Желнина, 2004]. Эти визуальные репрезентации не только фиксируют пространство, но и создают его социальный смысл, становясь инструментом идентификации как для внешней аудитории, так и для самих горожан.

Именно в этой теоретической перспективе укрепляется интерес к визуальным аспектам городской среды – к тому, как город видится, кем он видится и что в нем становится видимым или, напротив, исключенным из поля зрения. Визуальные исследования города формируются как направление. Образы, фотографии, архитектурные коды, муралы, вывески, туристические открытки и граффити – все это оказывается не только отражением городской жизни, но и способом ее организации и структурирования. В этой логике становится возможным анализировать не только «официальные» визуальные коды города, но и спонтанные, маргинальные, неинституционализированные формы, включая в том числе образы природы, нечеловеческих животных и «немолчаливых акторов», существующих в рамках визуальных репрезентаций в городе.

Говоря о визуальных исследованиях города, следует отметить, что они опираются на два различных подхода – визуальную социологию и визуальную этнографию.

Визуальная социология представляет собой направление, в рамках которого визуальные материалы рассматриваются как самостоятельные источники знаний об обществе, а также как инструменты его производства [Margolis & Pauwels, 2011]. Она объединяет исследования, направленные как на изучение уже созданного визуального материала (фотографий, граффити и т.д.), так и на создание исследователем собственных визуальных данных (фото- и видеосъемка, картографирование) [Prosser, 1998]. При этом визуальный материал здесь выступает не только иллюстрацией к текстовому описанию, но и особой формой репрезентации социальной реальности, позволяющей зафиксировать ее многослойность, символические коды и пространственные контексты.

Визуальная этнография, в свою очередь, является методологическим подходом, происходящим из антропологической традиции, в рамках которого визуальные средства используются для погруженного изучения культуры. В отличие от визуальной социологии, где визуальное может выступать исключительно в качестве анализируемого материала, визуальная этнография предполагает, что фото- и видеосъемка являются частью самого процесса полевого исследования [Pink, Kürti, & Afonso, 2008]. Здесь визуальные материалы – не только форма фиксации, но и инструмент включенного наблюдения, позволяющий исследователю быть сопричастным в контексте и улавливать тонкие аспекты невербальной коммуникации, телесных практик, пространственного поведения [Collier & Collier, 1986]. В рамках городских исследований визуальная этнография используется при изучении локальных сообществ, субкультур, микрорайонных практик. Данный подход способствует не только накоплению эмпирических данных, но и совместному конструированию знания: участники могут интерпретировать и обсуждать визуальные материалы вместе с исследователем, уточняя контекст и значения изображенного.

Методология

В рамках данного исследования будут применены метод визуального анализа данных, опирающийся на традицию визуальной социологии и частично использующий инструменты визуальной этнографии. Такой выбор обусловлен тем, что визуальная социология позволяет изучать уже существующие изображения – в данном случае коммерчески тиражируемые образы города на сувенирной продукции и пользовательские публикации в Pinterest – как самостоятельные источники знаний о социальной реальности. Выбор именно Pinterest обусловлен спецификой платформы: визуальный контент здесь структурируется в тематические подборки и сохраняется длительное время, что облегчает поиск и систематизацию изображений по заданной теме. Кроме того, алгоритмы Pinterest формируют выборку по визуальной схожести, что позволяет выявлять повторяющиеся мотивы и композиционные приемы в репрезентациях чаек. Элемент визуальной этнографии реализован через авторскую фотосъемку, при которой исследователь становится непосредственным производителем визуального контента и участником наблюдаемых ситуаций, фиксируя образы чаек в их реальном пространственном и социальном контексте.

Выборка исследования составила 150 изображений, полученных из трех источников: сувенирной продукции с видами Санкт-Петербурга (магниты, открытки, постеры), социальной сети Pinterest и авторской фотосъемки исследователя – по 50 фотографий в каждой категории. Сувенирная продукция выбрана для анализа, поскольку она представляет

собой коммерциализированный и институционально закреплённый визуальный образ города, в котором чайка становится элементом городской символики. Pinterest, в свою очередь, отражает более спонтанный и креативный уровень визуальной культуры, где образы формируются и распространяются самими горожанами и/или туристами. Авторская фотосъёмка позволяет включать сюжеты, которые отсутствуют в коммерческом и пользовательском сегментах, и фиксировать визуальные проявления, воспринимаемые в моменте.

Отбор материалов осуществлялся в период с 2020 по 2024 год, что позволило учесть актуальные особенности визуальной культуры города. Критериями включения в выборку являлись наличие чётко различимого изображения чайки, контекст городской среды Санкт-Петербурга (архитектура, набережные, крыши, знаковые локации), отсутствие чрезмерной графической обработки и достаточное качество изображения для анализа деталей.

Отобранные материалы были проанализированы методом качественного контент-анализа визуальных данных, при котором каждое изображение кодировалось по параметрам: пространственный контекст, взаимодействие с человеческим животным, символическая нагрузка, эмоциональный тон, тип изображения и фокус на чайке. Такой подход соответствует логике визуальных исследований города, где образы рассматриваются не как нейтральное отражение действительности, а как культурно и социально обусловленные формы, участвующие в формировании восприятия и символического ландшафта.

Практическая часть исследования

Анализ материалов из Pinterest выявил особую модель включения чаек в символическое пространство Санкт-Петербурга. Как правило, на таких изображениях птицы зафиксированы на фоне «визуальных икон» города – Исаакиевского собора, Адмиралтейства, Невы, разводных мостов. Чайка в этих композициях редко выступает центральным объектом, однако её присутствие функционально значимо: она становится своеобразным посредником между архитектурой и природной стихией (небом и водой), добавляя динамику и элемент «живого» в репрезентацию статичного городского ландшафта. Стоит отметить, что на фотографиях, где чайка выступает центральным объектом, особое внимание уделяется эстетике её позы. Создается впечатление, что птица намеренно позирует фотографу, становясь живым украшением пейзажа.

Такая визуальная конструкция напрямую соотносится с рамкой визуальных исследований города, в которой изображения понимаются не как «зеркала» действительности, а как культурно и социально обусловленные формы, участвующие в конструировании образа городской среды. Следуя логике Анри Лefевра, здесь можно говорить о репрезентации

«переживаемого пространства»: чайка оказывается не частью повседневного биологического присутствия, а элементом символической сцены, через которую осуществляется эмоциональное присвоение Петербурга. Она не только «украшает» городской пейзаж, но и маркирует его как пространство, связанное с водой, архитектурой и значимыми местами – чертами, которые в массовом сознании усиливают мифологему Петербурга как «северной Венеции».

Примечательно также, что в этих изображениях отсутствует проблемная или конфликтная сторона сосуществования человеческих животных и птиц. На фотографиях чайки не проявляют агрессию, не контактируют с мусором и не конкурируют с другими птицами за еду, хотя в реальных городских практиках подобные ситуации типичны. Таким образом, визуальные репрезентации, транслируемые в Pinterest, отфильтрованы: из множества возможных аспектов городской жизни выбираются лишь те, которые соответствуют эстетизированному и туристически привлекательному образу города. В терминах визуальной социологии это пример того, как вторичный визуальный материал (фотографии, открытки, плакаты) участвует в поддержании нормативного порядка символических кодов: город предстает как гармоничное пространство, где природное и культурное соединены, образуя визуально целостный образ.

Таким образом, анализ Pinterest-изображений демонстрирует, что чайка в них функционирует как семиотический маркер – элемент культурного ландшафта города. Её образ, вырванный из повседневных контекстов, закрепляется в качестве «узнаваемого» визуального кода, который поддерживает процессы идентификации Петербурга как города романтизированного, европейского и эстетичного.

Если фотографии из Pinterest фиксируют чайку в пространстве Петербурга как часть повседневного визуального опыта – будь то птица как фоновая деталь архитектурного пейзажа или объект туристического кадра, – то сувенирная продукция представляет следующий уровень репрезентации: здесь птица перестаёт быть ситуативным элементом городской сцены и превращается в устойчивый символ, встроенный в систему культурного «брендинга» города.

Анализ сувенирной продукции

В отличие от «живых» изображений, где сохраняется контекст городской среды и присутствует элемент случайности встречи, сувенирные практики окончательно закрепляют чайку в статусе знака, подчинённого логике массового производства и потребления. Это отражает тенденцию перехода от «переживаемого пространства» с его многозначностью образов к «представляемому пространству» – оформленному и идеологически закреплённому.

Сувенирные изображения демонстрируют тенденцию к упрощению и стилизации: чайка предстает в форме графического силуэта, мультяшного персонажа или декоративного элемента, соседствующего с привычными туристическими маркерами (мостами, шпилями, соборами). Таким образом, птица редуцируется до «знака Петербурга» наравне с разводными мостами или Медным всадником.

Можно говорить о том, что сувенирные изображения производят «представляемое пространство» — они являют собой концентрат того, каким «должен» видаться город. В отличие от «переживаемого пространства» (где чайка может ассоциироваться с шумом, агрессивностью, борьбой за еду), здесь закрепляется исключительно позитивный, «удобный», редуцированный образ. Это пример того, как образ города упаковывается в товарную форму, доступную для массового потребления и воспроизводства.

При этом сувенирная репрезентация чаек выполняет еще одну функцию: она делает возможным перенос городской идентичности за пределы Петербурга. Через магнит или кружку с изображением птицы «образ города» встраивается в бытовое пространство потребителя, превращая чайку в медиатора между туристическим опытом и его повседневностью.

Таким образом, если в Pinterest мы видим визуальные практики горожан и туристов, фиксирующих птицу в «естественных» городских ситуациях, то в сувенирной продукции наблюдаем результат институционализированного отбора и символического закрепления. Это демонстрирует фундаментальное противоречие между живым двояким опытом взаимодействия с птицами и их репрезентацией в культурной индустрии, где они превращаются в упрощенный и позитивный код городской идентичности.

Визуальная этнография чайки в городском пространстве

В отличие от анализа изображений, найденных в Pinterest и представленных в сувенирной продукции, визуальная этнография, осуществленная в ходе самостоятельных съемок, открывает иной слой существования чайки в пространстве Петербурга. Здесь речь идет уже не о вторичных репрезентациях, созданных в логике туристического взгляда и коммерческой привлекательности, а о непосредственной фиксации птицы в ее «переживаемом» и «воспринимаемом» пространстве [Лефевр, 2002].

Эмпирический материал позволяет зафиксировать то, что чайка оказывается далеко не универсальным символом повседневной городской среды. На фотографиях, сделанных автором исследования, птицы не всегда ассоциированы с туристически нагруженными локациями — Невским проспектом, Дворцовой площадью или акваторией Невы. Напротив, они появляются ситуативно, и чаще всего их появление связано с конкретными практиками

городской жизни: потреблением еды, утилизацией отходов и процессом межвидового сосуществования в городе.

Так, зафиксированы сцены, когда чайки роются в мусорных контейнерах, борются с голубями и утками за крошки хлеба в Таврическом саду или выпрашивают еду у посетителей уличных кафе. Эти визуальные сюжеты подчеркивают конкуренцию и напряженность, возникающие на стыке «естественного» и «городского». Если в сувенирной продукции птица предстает как «чистый знак» Петербурга, то в этнографической съемке она оказывается вpleтенной в нарративы отходов, шума, борьбы за ресурсы и маргинализированные практики городской жизни.

Важно отметить, что чайки все же встречаются и в более «туристических» контекстах: в подборку входят кадры с ними на фоне набережных или вблизи известных городских локаций. Однако даже в этих случаях их роль отличается от символического центра изображения, характерного для Pinterest или сувенирной продукции. В «живых» кадрах чайка чаще оказывается не самостоятельным объектом, а фоном, спутником или случайным участником сцены. Такой статус отражает двойственность ее присутствия: с одной стороны, птица «привычна» для городского пейзажа, с другой — не всегда наделяется особой семиотической нагрузкой.

Сравнение полученных фотографий с визуальными репрезентациями из Pinterest и сувенирной продукции позволяет увидеть разрыв между «репрезентируемым» и «переживаемым» пространством (по Лефевру). Если в первом случае чайка романтизируется и закрепляется как элемент городского воображаемого, то во втором она предстает в том числе и как проблемный актор городской среды, ассоциируемый с мусором, навязчивым поведением и борьбой за ресурсы.

Таким образом, визуальная этнография демонстрирует двойственный статус чайки: она одновременно является частью образа Петербурга и природным элементом города, связанным с отходами и неформальными практиками. Это подтверждает ключевую установку визуальных исследований города: образы нечеловеческих животных не могут рассматриваться как нейтральные или «естественные» — напротив, их смысл определяется контекстом репрезентации и конкретными социальными практиками, в которые они вовлечены.

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассмотреть репрезентацию чаек в визуальной культуре Санкт-Петербурга как многослойный и противоречивый феномен, демонстрирующий взаимодействие разных уровней производства городского пространства.

Во-первых, анализ изображений из Pinterest показал, что в пользовательских и туристических фото-

графиях чайка выполняет функцию своеобразного посредника между архитектурой и природной стихией. Она оживляет статичный пейзаж, добавляя в него элемент движения и «воздушности». В этой логике птица включается в производство «переживаемого пространства», становясь частью эмоционального присвоения Петербурга и усиливая мифологему города как «северной Венеции». Однако эти изображения селективны: они исключают конфликтные и повседневные стороны сосуществования человеческих животных и птиц, транслируя эстетизированный и гармоничный образ.

Во-вторых, сувенирная продукция демонстрирует другой уровень репрезентации — «представляемое пространство». Здесь чайка редуцируется до упрощенного символа, сопоставимого по статусу с разводными мостами или шпилем Адмиралтейства. Она становится элементом символического «брендинга» города, тиражируемого в массовой культуре и переносимого за пределы Петербурга через предметы потребления. Таким образом, из амбивалентного участника городской среды чайка превращается в нормативный и позитивный код, встроенный в институционализированную систему знаков.

Наконец, визуальная этнография открывает третий слой анализа — «воспринимаемое пространство», фиксирующее непосредственные сцены из повседневной жизни города. Здесь чайки оказываются неотъемлемой частью городской экологии отходов, конфликтов и ситуативных практик: они роются в мусорных контейнерах, борются с голубями за еду, вмешиваются в процесс кормления уток в Таврическом саду, появляются у уличных кафе в поисках пищи. В этих сюжетах птица перестает быть романтизированным образом и предстает как амбивалентный актер городской среды: привычный, но порой навязчивый и проблемный.

Сравнение трех источников визуальных материалов демонстрирует разрыв между «репрезентируемым» и «переживаемым» пространством города [Лефевр, 2002]. Если в туристических и коммерческих репрезентациях чайка романтизируется и закрепляется в качестве узнаваемого символа, то в этнографических наблюдениях она предстает как элемент повседневной городской экологии, включенный в сложные отношения конкуренции и обмена между людьми и животными.

Таким образом, репрезентация чаек в визуальной культуре Петербурга подтверждает ключевую установку визуальных исследований города: образы не отражают действительность напрямую, а формируются и закрепляются в зависимости от контекста их производства и потребления [Lynch, 1960; Harvey, 2003; Желнина, 2004]. В этом смысле чайка оказывается не просто птицей, но культурным маркером, через который можно проследить противоречия между эстетизированным образом города, транслируемым вовне, и повседневным опытом горожан.

Именно в этой двойственности — между символом и практикой, между туристическим знаком и экологическим актором — проявляется то, что можно назвать «городом и птицей» как особой формой социокультурной репрезентации. Исследование таких визуальных образов открывает возможность для более глубокого понимания того, как городские пространства производятся и переживаются в динамике взаимодействия людей, нечеловеческих животных и символических кодов.

Источники

- Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-Пресс-Ц.
- Воробьев, Д. В. (2018). Этнозоология или взаимодействие человека с миром фауны? (Введение). *Этнографическое обозрение*, (4), 5–12.
- Желнина, А. А. (2004). Образ города и визуальные методы социологического исследования. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, (6), 42–44.
- Кастельс, М. (2020). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Власть идентичности*. Москва: ГУ ВШЭ.
- Лефевр, А. (2002). Производство пространства. *Социологическое обозрение*, 2(3), 5–15.
- Douglas, M. (1966). *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge.
- Harvey, D. (1973). *Social Justice and the City*. Athens: University of Georgia Press.
- Lévi-Strauss, C. (1962). *Totemism*. Boston: Beacon Press.
- Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Prosser, J. (Ed.). (1998). *Image-Based Research: A Sourcebook for Qualitative Researchers*. London: Falmer Press.
- Zukin, S. (1989). *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

THE CITY AND THE BIRD: REPRESENTATIONS OF SEAGULLS IN THE VISUAL CULTURE OF ST. PETERSBURG

Veronika D. Gulina, Student,
Department of Sociology of Culture
and Communication, Faculty of
Sociology, St. Petersburg State
University (SPbSU); St. Petersburg,
Russian Federation.
E-mail: veronick2018.gul@gmail.com

This article explores the representations of seagulls in the visual culture of St. Petersburg at the intersection of urban and sociocultural studies. Despite the abundance of non-human animal imagery in the urban environment, its systematic analysis within urban sociology remains limited. This study examines how seagull imagery shapes the cultural and symbolic landscape of St. Petersburg. Methodologically, the research combines visual sociology and visual ethnography: a qualitative content analysis was conducted on images from three sources—user-generated content on Pinterest, souvenir products, and the author's field photography. The analysis revealed that visual representations differ in terms of institutionalization and symbolic function. Pinterest images tend to construct a romanticized vision of the city, where seagulls act as aesthetic elements of the urban landscape. Souvenir products reduce the seagull to an emblem of the city's branding, embedded in the commercial logic of mass production. Ethnographic photography uncovers the ambivalence of the image: seagulls appear as situational participants in urban life,

associated with competition for food resources, everyday practices, and "waste ecologies." Comparing these layers of representation highlights the contradiction between "lived" and "conceived" space (following Henri Lefebvre). The city's visual culture thus produces a dual image of the seagull—from a romantic symbol of the "Northern Venice" to a problematic actor of the everyday urban environment. This research broadens the scope of visual urban studies by demonstrating the relevance of non-human animal imagery for understanding the sociocultural specificity of the urban landscape.

Keywords: city; seagulls; visual sociology; birds

Citation: Gulina, V. (2026). The City and the Bird: Representations of Seagulls in the Visual Culture of St. Petersburg. *Urban Studies and Practices*, 11(2), 38–45. <https://doi.org/10.17323/usp112202638-45>

References

- Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kanon-Press-Ts. (in Russian)
- Douglas, M. (1966). *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge.
- Harvey, D. (1973). *Social Justice and the City*. Athens: University of Georgia Press.
- Lefebvre, A. (2002). Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2(3), pp. 5–15. (in Russian)
- Levi-Strauss, C. (1962). *Totemism*. Boston: Beacon Press.
- Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Prosser J. (ed.) (1998) *Image-Based Research: A Sourcebook for Qualitative Researchers*. London: Falmer Press.
- Vorob'ev, D.V. (2018). Etnozoologiya ili vzaimodeystvie cheloveka s mirovom fauny? (Vvedenie) [Ethnozoology or the Interaction of Humans with the World of Fauna? (Introduction)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], (4), pp. 5–12. (in Russian)
- Zheltnina, A.A. (2004). Obraz goroda i vizual'nye metody sotsiologicheskogo issledovaniya [The Image of the City and Visual Methods of Sociological Research]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], (6), pp. 42–44. (in Russian)
- Zheltnina, A.A. (2019). Vizual'nye issledovaniya goroda: obrazy i simvoly v povsednevnykh praktikakh [Visual Studies of the City: Images and Symbols in Everyday Practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (6), pp. 45–55. (in Russian)
- Zukin, S. (1989). *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change*. New Brunswick: Rutgers University Press.

Исследование влияния антропогенного шума на вокализацию птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в контексте создания художественного проекта

Дарья Кривая

Технологический прогресс и глобальная индустриализация запустили необратимый процесс урбанизации во всем мире. Рост урбанизации территориально гетерогенен и неоднороден в темпах распространения. Индустриализация и социальные аспекты, связанные с комфортом, здоровьем и безопасностью, привлекают людей. Однако за возможностью жить в городском комфорте и достатке скрывается ряд проблем. К таковым относится перегруженность инфраструктуры, которая, в свою очередь, может привести к транспортным коллапсам, социальным конфликтам, снижению доступности жилья, потере сельскохозяйственных земель, утрате культурного наследия и самобытности; ухудшению со-

Кривая Дарья Викторовна, менеджер, Центр искусства и науки, Университет ИТМО; Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: angerburg29dcrr@mail.ru

Шумовое загрязнение в современном мире отражается не только на состоянии человека в городской среде, но и оказывает воздействие на других представителей фауны, в том числе и на птиц. В работе исследуется влияние антропогенного шума на параметры вокализации птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Изучаемые виды – большая синица (*Parus major*) и зяблик (*Fringilla coelebs*). В качестве основных параметров сравнительного анализа выбраны разнообразие песенного репертуара, частотные характеристики и длительность пауз. В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. Вокализация большой синицы демонстрирует большую чувствительность к городскому шуму как в частотном диапазоне, так и в максимальной частоте, чем вокализация зяблика.
2. По мере увеличения частоты пения зяблики удлиняют паузы, в то время как при более высоком уровне шума длительность пауз уменьшается.
3. В исследуемом фрагменте вокальной сессии у большой синицы с повышением частоты вокализации количество песен уменьшается.
4. У больших синиц наблюдается более слабая корреляция между частотой пения и длительностью пауз по сравнению с зябликами.

Полевые записи и результаты анализа легли в основу художественной интерпретации исследования в формате аудиоинсталляции «Zgotot. Что же птицы?», созданной в рамках выставки «Байты и бабочки» (галерея AIR, Санкт-Петербург, 2024 г.) с целью привлечения внимания общественности к проблеме шумового загрязнения. Работа также вносит вклад в исследования в области биоакустики и орнитологии в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Ключевые слова: шумовое загрязнение; вокализация птиц; синантропизация; биоакустика

Цитирование: Кривая, Д. В. (2026). Исследование влияния антропогенного шума на вокализацию птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в контексте создания художественного проекта, *Городские исследования и практики*, 11(2), 46–58. <https://doi.org/10.17323/usp112202646-58>

стояния окружающей среды (в частности, к вырубке лесов, загрязнению окружающей среды, утрате биоразнообразия). В данной работе внимание читателя обращено именно на последствия технологизации, отражающиеся на состоянии окружающей среды. Современный человек довольно хорошо знаком с темами экоповестки, касающимися загрязнения воздуха, воды и почвы, но существует и другая, менее очевидная, но не менее серьезная проблема – шумовое загрязнение. Уличное транспортное движение, звуковая уличная реклама, многочисленные строительные площадки и перенасыщенность электронными устройствами создают определенный фоновый шум в городе, негативно влияющий на людей и животный мир. Длительное воздействие шума является фактором стресса; оно может привести к гипертонии, тревожности, снижению концентрации внимания, нарушить ощущение безопасности и комфорта. Городской шум может ухудшить качество среды обитания и повлиять на поведение, коммуникацию и способность к размножению животных, что приведет к сокращению численности и оскудению биоразнообразия. Фактор шумового загрязнения учитывается в современных городах при реализации природоохранных стратегий и инициатив в области городского планирования, в том числе на административном уровне. Во многих странах действует запрет на превышение допустимого уровня шума в ночное время и в выходные дни. В Европе, например, существуют различные методы регулирования уровня шума в городах, один из них – внедрение национальных индексов и стандартов шума для автомобильного и железнодорожного движения [Nijland, van Wee, 2005].

В данной работе рассмотрено влияние шумового загрязнения на птиц, в частности на их вокализацию. Автор фокусируется на изменениях частоты, длительности вокальных сессий в ответ на повышенный уровень шума в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. На основании полученных данных было определено влияние городского шума в выбранном регионе на примере некоторых видов, которые обитают как в городской, так и в природной среде. Исследования вокализации птиц актуальны и проводятся в различных частях мира; данные, полученные в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, дополняют региональные исследования в области биоакустики и орнитологии. Городские птицы могут адаптировать свои

песни или позывки к условиям городской среды таким образом, чтобы их было слышно на фоне общего шума (повышение частоты исполняемого фрагмента или изменение песенного репертуара). Однако они также могут исключать территории с повышенным шумовым загрязнением из мест своего обитания. Это может привести к изменениям состава птичьих сообществ в городских условиях.

Настоящая работа носит междисциплинарный характер. Полевые записи и результаты сравнительного анализа параметров вокализации птиц были использованы для создания аудиоинсталляции «Zgomot. Что же птицы?» в рамках выставки «Байты и бабочки» (галерея AIR, Санкт-Петербург, 2024 г.) с целью привлечения внимания общественности к проблеме шумового загрязнения (рис. 1). Звуковая часть работы представляет собой композицию из полевых записей вокализации птиц в городской среде и лесных массивах. Интерактивная составляющая инсталляции создает чувственный опыт, в котором природа и технологии воспринимаются как единая, взаимосвязанная система. С помощью электромагнитных датчиков, фиксирующих С помощью датчиков, фиксирующих электромагнитные сигналы городских сетей и преобразующих их в низкочастотный звук в слышимом для человека диапазоне аудиоспектра, посетитель может в реальном времени воздействовать на создаваемую звуковую среду. В ответ на это звуковой ландшафт инсталляции трансформируется: звуки лесной среды уступают место полевым записям, сделанным в городской акустике, подчеркивая влияние технологической среды на био-звуковое пространство.

Шумовое загрязнение

Шумовое загрязнение, как было упомянуто ранее, является следствием технического прогресса и одной из неочевидных, но серьезных проблем в современном мире. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), постоянное воздействие шума уровнем 70 дБ и выше потенциально может повредить слух. После 65–70 дБ повышается частота сердечных сокращений, кровяное давление и уровень стресс-ассоциированных гормонов [Lindsay, 2012]. Люди регулярно подвергаются воздействию шума, особенно в больших городах. Помимо ухудшения слуха, шум может оказывать прямое воздействие на здоровье человека, в том числе вызы-

Рис. 1. «Zgomot. Что же птицы?», AIR, Санкт-Петербург

Источник: личный архив автора.

вая связанные со стрессом физические симптомы. В тексте «Случайный анализ данных, собранных после 11 сентября, показал связь между уровнем шума и стрессом китов» [Lindsay, 2012] отмечается, что за неделю тишины после теракта 9/11 природа на короткое время избавилась от шума, в результате чего у некоторых видов снизился уровень смертности и стресса из-за сокращения авиасообщения и морских перевозок. Аналогичные результаты наблюдались и во время пандемии COVID-19, когда по всему миру на городских улицах стали появляться различные представители фауны, в том числе птицы [Derryberry et al., 2020]. Низкий уровень шума в городе можно рассматривать как индикатор благоприятного состояния городской среды и успешного городского планирования. В городе существуют как низкочастотные, так и высокочастотные источники шума. Низкочастотный звук с большой длиной волны обладает высокой проникающей способностью и может легко преодолевать препятствия, распространяясь на большие расстояния. Низкочастотные источники шума встречаются в системах вентиляции зданий, в том числе в компьютерах, сотовых телефонах и других устройствах. Транспорт также способствует шумовому загрязнению, охватывая диапазоны как низких, так и высоких частот. Например, низкочастотные шумы на морских судах исходят от гребных винтов, систем вентиляции и кондиционирования воздуха судна [Зинкин и др., 2012]. Источниками высокочастотного шума в городских районах являются самолеты во время взлета и посадки, поезда, городские строительные площадки и автомобильные пробки. Это может привести к из-

менениям в поведении птиц, их вокализации и уровне стресса. О влиянии техногенного шума на вокализацию птиц в России известно не так уж много; авторы исследования, проведенного в Москве, И. Кисляков и В. Иваницкий отмечают увеличение минимальной частоты пения вьюрков при уровне шума 50 дБ и выше [Kislyakov & Ivanitskii, 2019].

Птицы в городской среде

Слуховая система птиц более чувствительна к раздражителям, чем человеческая. Диапазон слышимых частот зависит от конкретных характеристик среды обитания птицы и частоты издаваемых птицей звуков, а также от анатомических особенностей строения особей. Птиц можно разделить на различные отряды и группы (к примеру, отряд воробьиных; группа зерноядных птиц из отряда воробьиных, питающихся семенами; курообразные; из других групп можно выделить, например, хищных птиц, среди которых, как правило, преобладают крупные виды и т. д.). Певчие птицы составляют самый многочисленный таксон птиц, чьи слуховые способности были изучены. Помимо певчих птиц, которые в основном относятся к воробьиным, в Санкт-Петербурге можно встретить морских птиц, например европейскую серебристую чайку (*Larus argentatus*) и представителей семейства голубиных. Эти птицы способны слышать низкочастотные звуки и, следовательно, подвержены воздействию низкочастотного шума. Существуют естественные и искусственные источники низкочастотных звуков. Природные источники низкочастотных звуков многочисленны и могут включать метеорологические звуки, вызванные атмосферными факторами. Землетрясения также могут излучать низкочастотный звук, поскольку колебания поверхности земли происходят на больших площадях и имеют линейные размеры, намного превышающие длину волны звука в воздухе. Таким образом, инфразвуковые сигналы в природе могут использоваться в качестве сигналов опасности для животных. Кроме того, низкочастотный звук может помочь животным ориентироваться в пространстве благодаря его способности преодолевать большие расстояния при низком поглощении в атмосфере. Однако в современном мире существует огромное количество источников низкочастотных шумов искусственного происхождения. Птицы могут использовать низкочастотные источники

шума в качестве ориентира при поиске своего «дома», и обилие таких источников в городах может привести к тому, что птицы сбиваются с намеченных маршрутов. Исследуя способность слышать более низкие частоты, ученые в последние годы проявили особый интерес к способности голубей слышать звуки частотой ниже 20 герц. По результатам исследований [Звонов, 2020] было выявлено учащенное сердцебиение, подавленное состояние и изменения в поведении.

Влияние шумового загрязнения на вокализацию птиц

Птицы способны адаптироваться ко многим антропогенным изменениям. В шумной городской среде они повышают частоту звука таким образом, чтобы она не совпадала с частотами шумов городского происхождения. Повышение частоты приводит к сокращению расстояния распространения звука, и, как следствие, песня или важный сигнал может не дойти до другой птицы. Высокая частота нередко означает, что к пению сложнее добавить трели (высокочастотный компонент), в результате чего песня становится менее насыщенной звуками; в связи с тем, что исполнение на таких частотах требует больших усилий, длительность песни сокращается. Поиск партнера может усложниться в городской среде, потому как самки часто предпочитают самцов с более низким тембром — это признак высоких репродуктивных характеристик. В городских условиях у птиц возрастает доля времени, затрачиваемого на оценку окружающей обстановки, и сокращается время на поиск пищи [Slabbekoorn, Ripmeester, 2008]. Песни самцов с более низким качеством вокализации менее заметны в конкурентных взаимодействиях, которые возникают, когда самцы защищают территории [Phillips, Derryberry, 2017]. В условиях пониженного уровня шума птицы издают звуки меньшей амплитуды и частоты. Влияние дорожного движения на луговых птиц хорошо задокументировано в научной литературе [Reijnen et al., 1996]. Исследование проводилось на сельскохозяйственных пастбищах Нидерландов и показало, что численность птиц на удалении от дорог снизилась с 56 до 12%. Шум антропогенного происхождения, по-видимому, вызывает устойчивые изменения в структуре пения краснокрылых дроздов (*Agelaius phoeniceus*). В более поздних исследованиях, проведенных в 2011 году, была продемонстрирована вы-

сокая акустическая пластичность этого вида птиц, поскольку особи реагировали на дорожный шум повышением тональности сигнала [Hanna et al., 2011]. В болотистой местности, по обочинам дорог с интенсивным движением краснокрылые дрозды поддерживают более высокие тональности, когда местность временно не подвержена транспортному шуму. Этот факт демонстрирует, что антропогенный шум влияет на структуру пения птиц, по крайней мере у этого вида. Городские птицы могут изменять структуру своего пения, используя более простые структуры по сравнению с птицами, обитающими в лесных массивах [Fagerlund, 2003]. Параметры вокализации также могут меняться в зависимости от ситуации, в которой самец птицы находится, — общения или конфликта с другим самцом. Звуки птиц можно разделить на песни (многокомпонентные вокальные сессии, используемые чаще всего для охраны территории и в брачный период для привлечения партнера), и позывки (короткие простые звуки, используемые для обозначения тревоги, призыва к кормлению, поддержания контакта между особями). [Ораев, 2022]. Поют только певчие птицы, но они составляют лишь около половины от общего числа видов птиц. Не певчие птицы также используют звуки для общения, но у певчих больше возможностей контролировать свой вокал и механизм звукоизвлечения, и их звуки более сложны. В работах [Slabbekoorn, Ripmeester, 2007]; [Phillips, Derryberry, 2017] авторы отмечают интересную деталь: несмотря на то что наблюдается общее сокращение популяции всех видов птиц, в локальном масштабе урбанизация не всегда приводит к снижению видового разнообразия, поскольку неоднородная городская среда обитания предоставляет довольно разнообразные ниши. Однако в более широком масштабе урбанизация приводит к гомогенизации и снижению разнообразия, так как типичные городские виды оказываются одинаковыми повсюду, независимо от первоначальной фауны.

Синантропизация. Птицы Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Особенностью городской фауны является ее синантропизация (от греч. *syn* — «вместе» и *anthropos* — «процесс приспособления животных (в том числе птиц) к жизни в антропогенно измененных условиях и ландшафтах» [Резанов, 2023]). Это дли-

тельный, неоднородный исторический процесс, который формирует устойчивые взаимоотношения между животными и человеком. Синантропизация не может происходить без антропополютерантности, то есть устойчивости и терпимости к воздействию антропогенных факторов. Существуют разные степени антропополютерантности, наивысшей из них является прямой контакт с человеком (кормление с рук или нахождение на любой части его тела) [Резанов, 2023].

Процесс синантропизации восходит к ранним этапам взаимодействия человека и животных, в частности к периоду освоения человеком пещер (палеолит) [Головань и др., 2011]. Вполне вероятно, что черные стрижи (*Apus apus*) и ласточки (*Delichon urbica*) были одними из первых птиц, поселившихся в этих пещерах. Галки (*Corvus monedula*), домашние воробьи (*Passer domesticus*), сизые голуби (*Columba livia*) и другие птицы также долгое время жили в пещерах. Обитая в пещерах, эти птицы получили защиту от хищников и источник пищи в виде насекомых и отходов жизнедеятельности человека. Что происходит в современном мире? Городской флоре и фауне свойственна адаптация к условиям среды, измененной технологизацией. Не-человеческие животные выбирают территории, способные предоставить им кормовую базу и место для укрытия. Говоря о городской орнитофауне, плотная застройка и вертикальные стены зданий с выступами, зеленые насаждения могут создать благоприятный микроклимат для обитания птиц в городской среде. Руины из строительного мусора и городские мусорные свалки также могут использоваться в качестве имитаций природных ландшафтов, подходящих для гнездования и местобитания. Изобилие источников пищи, в том числе на городских мусорных свалках, обеспечивает большие площади кормовой базы, что является одним из основных факторов при выборе места обитания. Особям с морфологическими аномалиями или отклонениями легче выжить в городе из-за обилия доступной пищи и подкормки, предоставляемой людьми, включая корм из кормушек на деревьях.

Разнообразие биотопов в Санкт-Петербурге определяется его географическим положением на побережье Балтийского моря и на границе тайги и зоны смешанных лесов [Головань и др., 2011]. Городская среда неоднородна: есть зеленые зоны, застроенные территории, портовые зоны у моря и пустыри. В дополнение к паркам

и скверам зелеными зонами также являются кладбища, для которых характерен низкий уровень шумового загрязнения. В центральной части города чаще встречаются закрытые дворы и дворы-колодцы; птицы выбирают их неохотно из-за отсутствия укрытий, зеленых насаждений и мест для отдыха. Орнитофауна Санкт-Петербурга и Ленинградской области представлена множеством сообществ птиц, среди которых птицы лесных массивов, околородные птицы, птицы сельскохозяйственных угодий, птицы городов и виды, обитающие в охраняемых зеленых зонах [Головань и др., 2011]. Особой средой обитания птиц в Санкт-Петербурге являются промышленные здания и строительные площадки. Предприятия пищевой промышленности привлекают птиц большим количеством доступных кормов. В черте города есть стоянки водоплавающих и перелетных птиц. Однако за последние 40 лет облик приморской части Санкт-Петербурга – территории, традиционно служившей местом массовых стоянок перелетных уток и лебедей, – существенно изменился [Головань и др., 2011]. Строительство «Морского фасада» – проекта расширения территории Санкт-Петербурга на Васильевском острове в устье Невы, – а также расширение Пассажирского порта Санкт-Петербурга в этом районе привели к изменениям орнитофауны и утрате зоны массовой стоянки водоплавающих птиц [Головань и др., 2011].

Сбор аудиоданных и их анализ

Для создания аудиоинсталляции «Zgomot. Что же птицы?», представленной в рамках выставки «Байты и бабочки» (галерея AIR, Санкт-Петербург, 2024), были использованы полевые записи пения двух видов птиц в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Изучаемые виды – большая синица (*Parus major*) и зяблик (*Fringilla coelebs*). Выбор птиц обусловлен тем, что оба вида обитают как в городе, так и в Ленинградской области.

Большая синица – многочисленный, гнездящийся и зимующий вид. Период интенсивного пения начинается в марте и длится 2–3 месяца. Песня большой синицы звонкая, обычно представляет собой многократное ритмическое повторение одних и тех же фраз, состоящих из 2–3 элементов. Известны также случаи вариативности, когда самец может использовать до 7 вариантов песни. Большая синица обитает на территориях

Рис. 2. Локации для сбора данных в лесных массивах
 Источник: Google Maps. Map data © 2025 Google

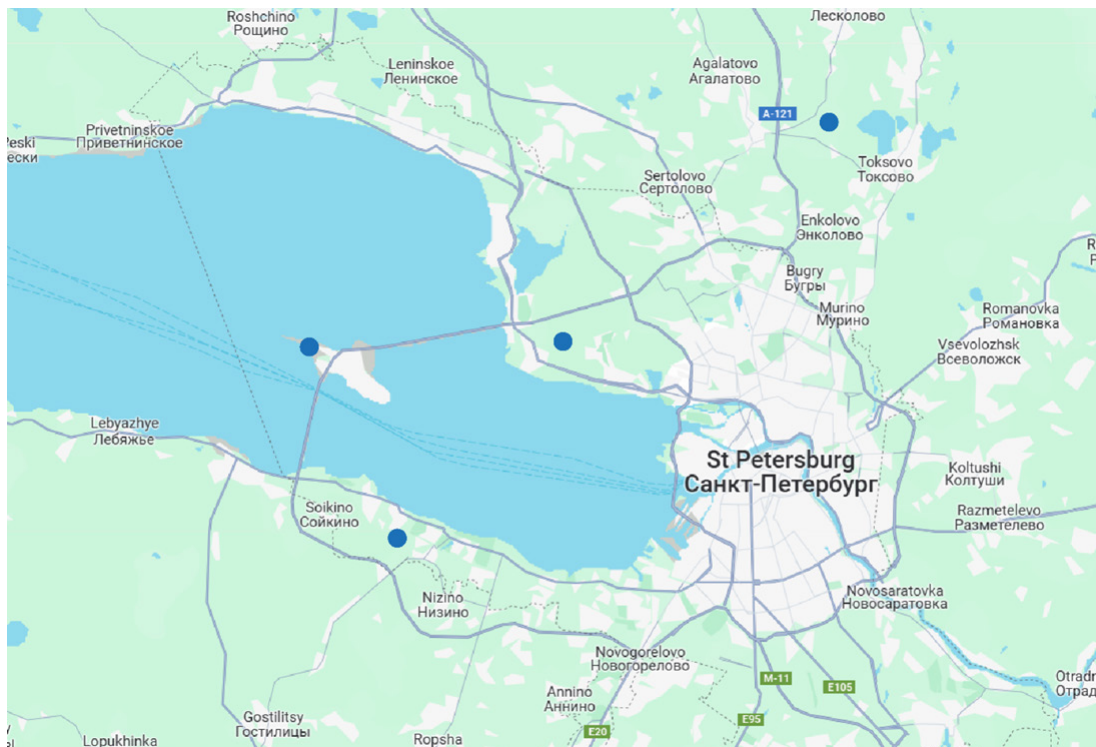
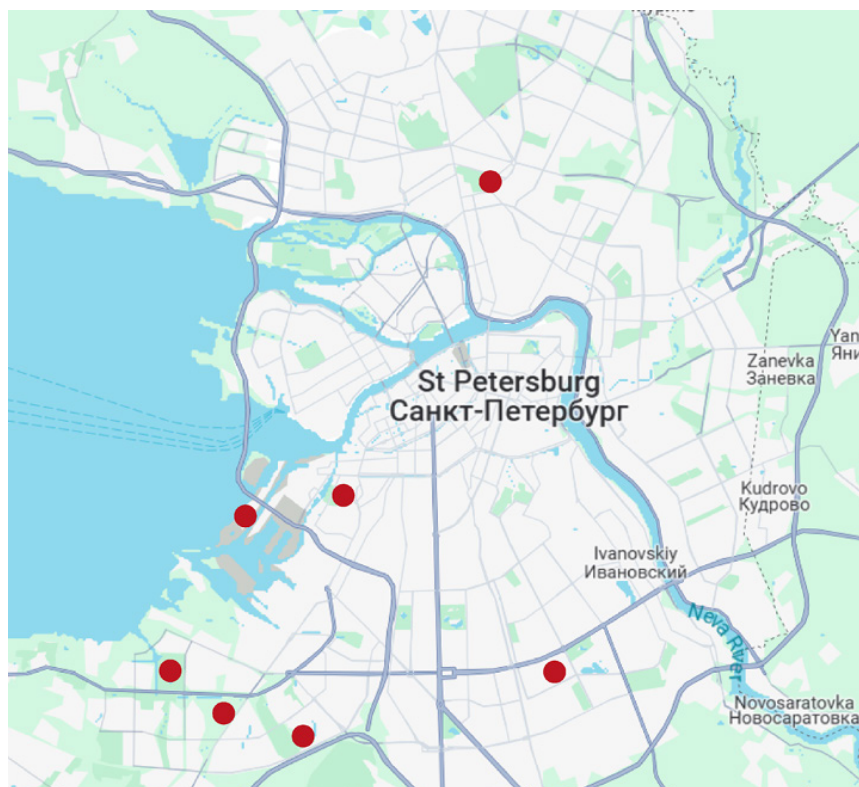

Рис. 3. Локации для сбора данных в городской среде
 Источник: Google Maps. Map data © 2025 Google

от Западной Европы до Дальнего Востока в лесах различных типов, предпочитая гнездиться в дуплах деревьев и покинутых дуплах дятлов. В городских условиях птицы могут селиться в полых металлических трубах и на фонарных столбах. Летом основу рациона больших синиц составляют преимущественно насекомые, зимой

их рацион пополняется за счет семян растений. В холодное время года они стараются селиться поближе к человеку, который обеспечивает птиц кормовой базой (кормушки в парках; мусорные баки) [Головань и др., 2011].

Зяблик – самая многочисленная птица в Европе; зимуют зяблики преимущественно

Рис. 4. Спектрограммы фрагментов вокальной сессии большой синицы

Источник: AviSoft-SASLab Lite, 2024 год.

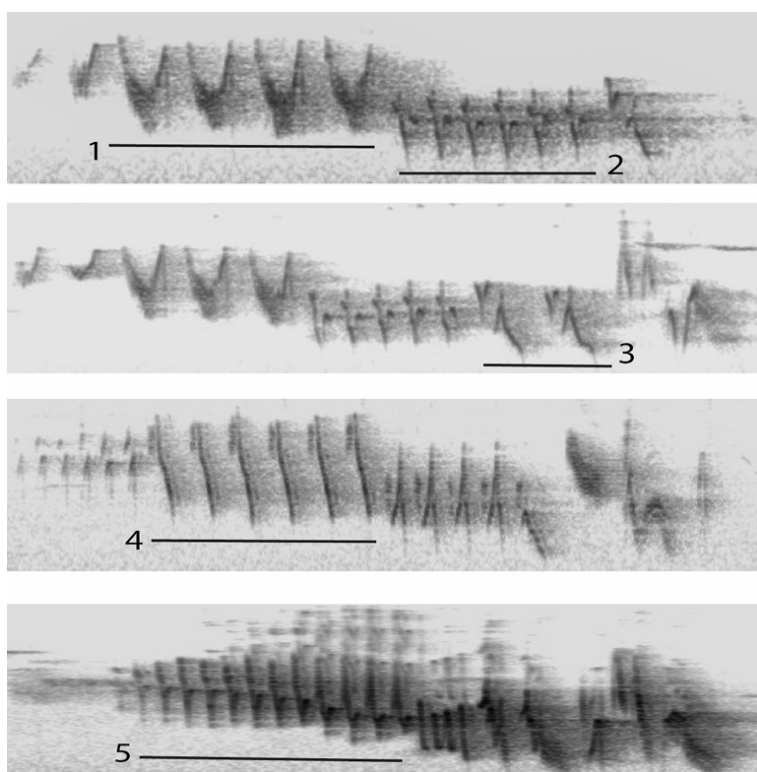
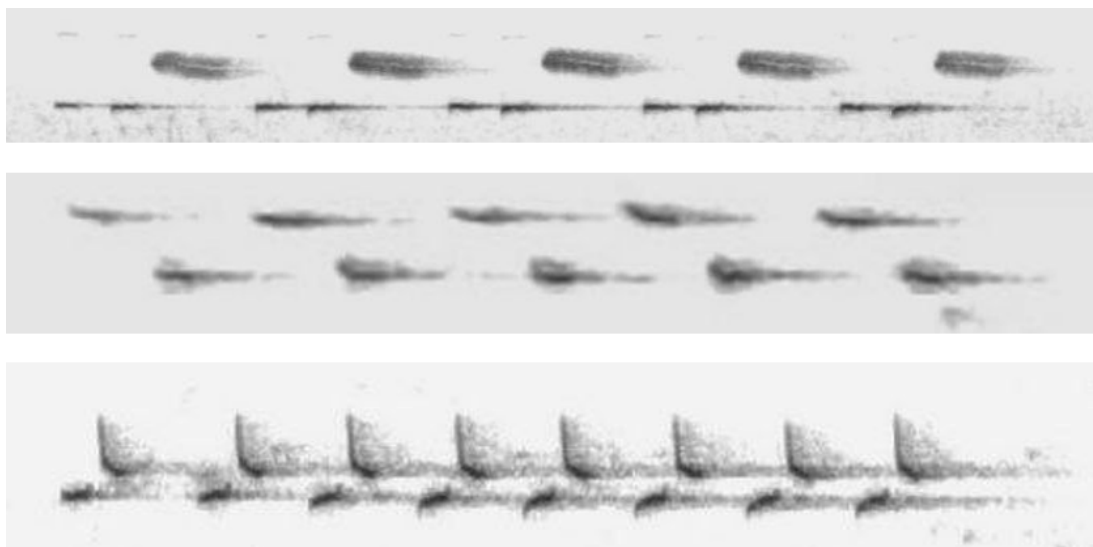

Рис. 5. Спектрограммы фрагментов вокальной сессии зябликов с различными типами фраз (1–5)

Источник: AviSoft-SASLab Lite, 2024 год.

но в Западной Европе, что обусловлено доступностью корма. В Санкт-Петербурге птицы прилетают в конце марта, сезон пения обычно начинается в апреле, гнездование – в мае [Головань и др., 2011]. Репертуар каждого самца включает в среднем от 1 до 6 различных вариантов песни. Песня зяблика – яркий пример географических и индивидуальных вариаций в вокальных сессиях [Астахова, 2010].

Основным критерием выбора птиц для наблюдения в рамках исследования является то, что вид обитает как за пределами города, так и в его окрестностях (леса, природные парки и т. д.), что позволяет

провести сравнительный анализ параметров вокализации. При выборе птиц также учитывались погодные и сезонные условия. Сравнительный анализ аудиоданных был проведен с использованием записей, сделанных в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Локации, используемые для анализа, представлены на рис. 2 и 3.

Фрагменты аудиозаписей для анализа были выбраны случайным образом, что позволило снизить риск псевдорепликации (то есть влияния структуры одного звука на следующий звук). Поскольку пение большой синицы и зяблика дискретно, визуально разделить акустические сигналы на спектрограмме не составляло особой сложности. Каждая аудиозапись представляла собой фрагмент пения одного самца (продолжительность записи варьируется от 40 до 180 секунд). Опиравшись на методические подходы, разработанные в ряде исследований [Ораев, 2022; Иваницкий, 2008; Иваницкий и др., 2012], я определила несколько параметров для анализа вокализации:

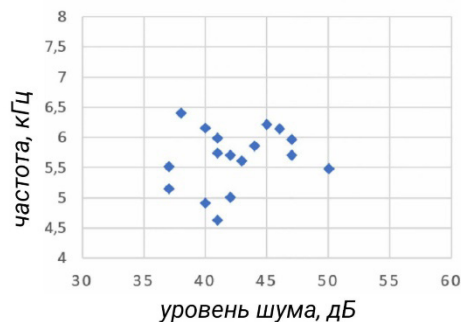
- общее количество типов фраз за отрывок песни в 60 секунд;
- средние минимальная и максимальная частота пения;
- средняя длительности фраз за отрывок песни в 60 секунд;
- средняя длительность пауз.

Для сбора данных использовался рекордер ZOOM H4n с парой конденсаторных микрофонов, расположенных в X/Y-стереоконфигурации, а также приложение BirdNET, распознающее видовую принадлежность птиц по их вокализациям. Обработка файлов и количественный ана-

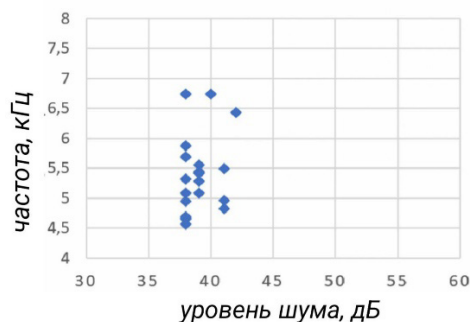
Рис. 6. Зависимость между уровнем фонового шума и максимальной частотой для больших синиц:

а) Санкт-Петербург; б) Ленинградская область

Источник: составлено автором.

а)

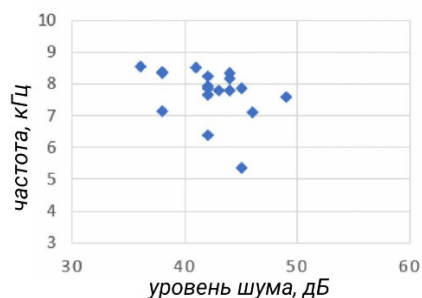

б)

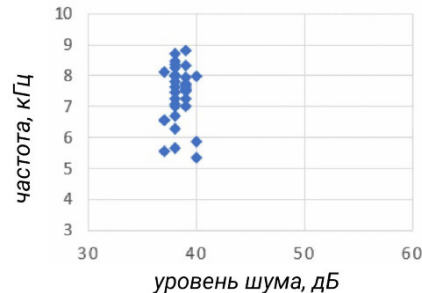
Рис. 7. Зависимость между уровнем фонового шума и максимальной частотой для зябликов:

а) Санкт-Петербург; б) Ленинградская область

Источник: составлено автором.

а)

б)

лиз осуществлялись с помощью программ Audacity и Avisoft-SASLab Lite. Avisoft-SASLab Lite – бесплатное программное обеспечение, специально разработанное для биоакустических исследований. Количественный анализ был проведен в соответствии со стандартами исследований в данной области [Farina, 2014].

Стоит отметить, что на параметры вокализации могут влиять многие факторы: возраст самца, строение вокального аппарата и анатомические особенности организма. Важно уточнить на данном этапе, что в работе допускается предположение о схожести физиологических характеристик записываемых особей ввиду сфокусированности на изучении проблематики шумового загрязнения. Фрагменты вокальных сессий большой синицы и зябликов, зафиксированные в городской среде Санкт-Петербурга и Ленинградской области, приведены на рис. 4 и 5.

На спектрограммах видно, что в песнях зяблика наблюдается большая вариативность слогов, чем у большой синицы. Это представляет интерес для детального изучения параметров длительности и частоты исполнения слогов у зяблика. Кроме того, в результате анализа выявлено, что элементы трели (фаза 5, рис. 5) в песнях зяблика чаще встречаются в записях из лесных массивов города и Ленинградской области. На основе изложенного выше обзора литературы можно предположить, что отсутствие элементов такого

типа в городских условиях обусловлено физической сложностью исполнения длительных элементов на высоких частотах.

На диаграммах (рис. 6 и 7) демонстрируется взаимосвязь между уровнем шумового загрязнения и максимальной частотой пения птиц, зафиксированных в изучаемых локациях.

Создание инсталляции «Zgomot. Что же птицы?»

Описывая концепцию художественного проекта, я хотела бы начать с небольшого повествования о месте, где прошли мои детство и юность. Я родом из Кишинева (Молдова) – города, расположенного на семи холмах у реки Бык. Кишинев считается одним из самых зеленых городов Европы, с множеством зеленых зон и теплым климатом, что способствует богатству орнитофауны. В детстве и юности пение птиц регулярно сопровождало меня по пути в школу и на прогулках, птиц можно было услышать и увидеть буквально всюду. После переезда в Санкт-Петербург в 2018 году я стала слышать птиц все реже, что было обусловлено архитектурными и климатическими особенностями, а также масштабом города. Особенно ярко это проявлялось в 2021 году, когда я жила в районе многоэтажных новостроек. На смену пению птиц пришли шум машин и гул линий электропередач, связанный с явлением магнитострикции. Все это

**Рис. 8. При-
меры зеленых зон
в районе родного
города**

Источник: фото
из личного архива
автора.

сопровождало меня по пути к метро и вызывало дискомфорт. Технологизация, специфика застройки, шумовое загрязнение приводят к тому, что в некоторых районах птиц практически не слышно — это и послужило вдохновением для проекта. Я решила выяснить, почему в разных районах города так различается видовое многообразие птиц и как город, с его насыщенным темпом и неоднородностью окружающей среды, влияет на них.

Проект называется «Zgomot. Что же птицы?», где *zgomot* ['zgomot] в переводе с молдавского означает «шум». Зрителям, находящимся в выставочном пространстве, предлагается погрузиться в современный контекст, где технологические и природные системы формируют новые структуры,

переплетаясь друг с другом. В пространстве инсталляции можно услышать пение птиц, записанное в лесных массивах, дополняемое городскими записями и низкочастотными звуковыми включениями, создаваемыми в режиме реального времени. Зрители могут взаимодействовать с пространством с помощью специального устройства — Decode Silence Electromagnetic Field Receiver (EMFR), датчик которого улавливает низкочастотные электромагнитные колебания и автоматически переводит их в акустический спектр, доступный для восприятия человеком.

Визуальная часть работы

Разрабатывая визуальную часть инсталляции, я стремилась объединить собственные воспоминания о зеленых зонах рядом с моим домом в Кишиневе (рис. 8) и одновременно с этим визуально выразить свое впечатление от районов с плотной многоэтажной застройкой в городе или промышленных зон в Санкт-Петербурге. Частично инсталляция вдохновлена технобиоценозами. Технобиоценоз — это совокупность живых организмов и технических устройств и механизмов, существующих в рамках единого пространственного образования [Шершенков, б. д.]. Провода в работе символизируют своеобразную городскую корневую систему, пронизывающую все улицы и здания. Лишайник в инсталляции выступает компонентом природной среды. Кроме того, решение об использовании ягеля обусловлено географическим расположением Ленинградской области, которая находится в полосе южной тайги. Для этого региона характерны хвойные леса, болота, обилие мхов и лишайников. Таким образом, зрителям предлагается погрузиться в современный контекст, где технологические и природные системы образуют новое симбиотическое пространство (рис. 9).

Звуковая часть работы

Аудиоинсталляция «Zgomot. Что же птицы?» содержит интерактивную часть. В выставочном пространстве зритель может послушать пение птиц, записанное в лесах Ленинградской области, которое в момент взаимодействия переключается на звуковые фрагменты из городской среды и дополняется низкочастотными шумовыми включениями. Зрители могут взаимодействовать с пространством с помощью специального устройства, которое улавливает

Рис. 9. Фрагмент
инсталляции
«Zgomot. Что же
птицы?»

Источник: фото
из личного архива
автора.

низкочастотные электромагнитные колебания и автоматически переводит их в акустический спектр в зонах восприятия человеком. Низкочастотное шумовое загрязнение может не восприниматься человеческим ухом, однако некоторые птицы способны улавливать звуки этого диапазона [Зинкин, 2012]. Таким образом, зритель может создать собственный звуковой ландшафт в выставочном пространстве. Процесс переключения звука с «лесного» на «городской» осуществляется в среде Max/MSP (рис. 10).

Устройство – Decode Silence Electromagnetic Field Receiver (EMFR) – предназначено для обнаружения скрытых слоев звукового ландшафта города и исследования природы электромагнитных сигналов. Оно работает в двух режимах: низкочастотном (НЧ) (в диапазоне от 0 Гц до 80 кГц) и высокочастотном (ВЧ) (в диапазоне от 150 до 450 МГц). В рамках выставки посетителям было доступно устройство, позволяющее «прослушивать» некоторые электронные компоненты, скрытые от зрителя с тыльной стороны инсталляции. Зритель, попадая в пространство инсталляции, слышит пение птиц, записанное в лесных массивах. При взаимодействии с EMFR и наведении датчика устройства на зону, где скрыт объект, аудиофрагменты сменяются городскими, что отчетливо различимо на слух. Кроме того, посетитель может изменять звуковую

среду пространства, дополняя ее низкочастотными сигналами, полученными с помощью EMFR.

Выводы

- В условиях городского шума вокализация большой синицы демонстрирует более выраженные изменения как в диапазоне частот, так и в максимальной частоте по сравнению с вокализацией зяблика.
- С увеличением частоты пения зяблика, как правило, удлиняют паузы между компонентами вокальной сессии, однако при повышении уровня фонового шума продолжительность пауз, напротив, сокращается.
- У большой синицы за 60-секундную вокальную сессию при повышении тональной частоты пения наблюдается снижение количества компонентов песни.

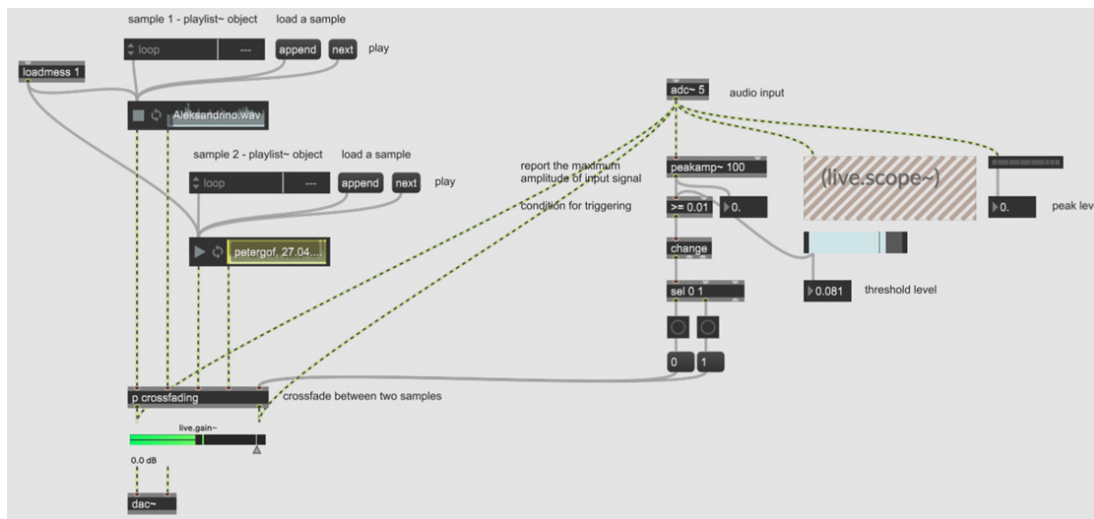
Важно отметить, что в ходе сбора аудиоданных и анализа спектрограмм было выявлено, что у зяблика элементы трели чаще встречаются в лесных массивах, нежели в городе. Можно предположить, что отсутствие элементов такого типа в городской среде обусловлено физической сложностью исполнения длительных элементов на высоких частотах.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что шумовое загрязнение влияет на параметры пения птиц (разнообразие песенного репертуара, частоту и длительность пауз). Птицы могут адаптироваться к окружающей среде, меняя параметры вокализации, что влияет на их коммуникативные и репродуктивные функции и приводит к изменению структуры их песенного репертуара. Полученные результаты легли в основу аудиоинсталляции «Zgomot. Что же птицы?», представленной в рамках выставки «Байты и бабочки» (галерея AIR, Санкт-Петербург, 2024 г.).

Таким образом, междисциплинарные иммерсивные арт-проекты помогают привлечь внимание к проблематике загрязнения окружающей среды и последствиям влияния технологизации на жизнедеятельность представителей фауны. Искусство здесь становится инструментом для интерпретации и визуализации научной проблематики в доступной и интересной для современного зрителя форме. С научно-исследовательской точки зрения данная

Рис. 10. Демонстрация принципа работы аудиочасти инсталляции, среда Max/MSP

Источник: патч, выполненный в среде визуального программирования Max/MSP, 2024 год.

работа требует продолжения с возможным расширением географии исследования для зяблика и большой синицы или включением других видов птиц.

Источники

- Астахова, О. (2010). *Типологическая организация и географическая изменчивость песни зяблика* [Монография].
- Головань, В. И., Ильинский, И. В., Резвый, С. П., Савинич, И. Б., & Федоров, В. А. (2011). *Птицы Санкт-Петербурга* [Альбом]. Санкт-Петербург: ЗАО «Голанд».
- Звонов, Б. (2020). *Птицы и инфразвук*. *Русский орнитологический журнал*, 29(1923), 2172–2179.
- Зинкин, В. Н., Богомолов, А. В., Драган, С. П., & Ахметзянов, И. М. (2012). Кумулятивные медико-экологические эффекты сочетанного действия шума и инфразвука. *Экология и промышленность России*, (3), 46–49.
- Иваницкий, В. В., Бочкарева, Е. Н., & Марова, И. М. (2008). На рубеже между слитной и раздельной песней: рекламная вокализация чернобровый камышевки (*Acrocephalus bistrigiceps*, Sylviidae). *Зоологический журнал*, 87(11), 1348–1360.
- Иваницкий, В. В., Квартальнов, П. В., Марова, И. М., Самоцкая, В. В., & Банникова, А. А. (2012). Характер пребывания, особенности вокализации и морфологическая изменчивость садовых камышевок (*Acrocephalus dumetorum*) в Средней Азии. *Зоологический журнал*, 91(12), 1498.
- Резанов, А. А., & Резанов, А. Г. (2023). Пути синатропизации птиц в условиях мегаполиса. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки*, (49), 57–73.
- Шершенков, Б. (б. д.). *Артист-ток «Голоса технобиоценозов»*. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=o_7gFi9nUbI.
- Derryberry, E. P., et al. (2020). Singing in a silent spring: Birds respond to a half-century soundscape reversion during the COVID-19 shutdown. *Science*, 370, 575–579. <https://doi.org/10.1126/science.abd5777>.
- Fagerlund, S. (2003). *Acoustics and physical models of bird sounds*. HUT, Laboratory of Acoustics and Audio Signal Processing.
- Farina, A. (2014). *Soundscape ecology: Principles, patterns, methods and applications*. London: Springer Science+Business Media. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-7374-5>.
- Hanna, D., et al. (2011). Anthropogenic noise affects song structure in red-winged blackbirds (*Agelaius phoeniceus*). *Journal of Experimental Biology*, 214(21), 3549–3556. <https://doi.org/10.1242/jeb.060194>.
- Kislyakov, I., & Ivanitskii, V. (2019). Technogenic noise affects the minimum frequency of chaffinch song components (*Fringilla coelebs*) in the Moscow population. *Biology Bulletin*, 46, 1131–1135.
- Lindsay, J. (2012, February 14). Unplanned 9/11 analysis links noise, whale stress. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/national/health-science/unplanned-911-analysis-links-noise-whale-stress/2012/02/14/gIQAmlPR_story.html.
- Nijland, H. A., & van Wee, G. P. (2005). Traffic noise in Europe: A comparison of calculation methods, noise indices and noise standards for road and railroad traffic in Europe. *Transport Reviews*, 25(5), 591–612. <https://doi.org/10.1080/01441640500115850>.
- Opaev, A. (2022). The communicative value of complex singing in passerine birds. *Biology Bulletin*, 49, 1750–1768. <https://doi.org/10.1134/S1062359022100168>.
- Phillips, J. N., & Derryberry, E. P. (2017). Vocal performance is a salient signal for male-male competition in white-crowned sparrows. *The Auk*, 134, 564–574. <https://doi.org/10.1641/AUK-17-12.1>.
- Reijnen, R., Foppen, R., & Meeuwssen, H. (1996). The effects of traffic on the density of breeding birds in Dutch agricultural grasslands. *Biological Conservation*, 75, 255–260. [https://doi.org/10.1016/0006-3207\(95\)00074-7](https://doi.org/10.1016/0006-3207(95)00074-7).
- Slabbekoorn, H., & Ripmeester, E. A. P. (2008). Birdsong and anthropogenic noise: Implications and applications for conservation. *Molecular Ecology*, 17(1), 72–83. <https://doi.org/10.1111/j.1365-294X.2007.03487.x>.

AN INVESTIGATION OF THE IMPACT OF ANTHROPOGENIC NOISE ON BIRD VOCALIZATION IN ST. PETERSBURG AND THE LENINGRAD REGION IN THE CONTEXT OF CREATING AN ARTISTIC PROJECT

Daria V. Krivaya, Manager, Art&Science Center, ITMO University; St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: angerburg29dcr@mail.ru

Noise pollution in the modern world affects not only human well-being in urban environments, but also that of other fauna, including birds. This study examines the impact of anthropogenic noise on the vocalization parameters of birds in St. Petersburg and the Leningrad Region. The species under study are the Great Tit (*Parus major*) and the Chaffinch (*Fringilla coelebs*). The main parameters selected for comparative analysis are the diversity of the song repertoire, frequency characteristics, and the duration of pauses. The study produced the following results. First, the vocalization of the Great Tit demonstrates greater sensitivity to urban noise in frequency range and peak frequency than the vocalization of the Chaffinch. Second, as the frequency of the pitch rises, Chaffinches lengthen their pauses, whereas with higher levels of noise the duration of pauses decreases. Third, in the vocal fragment of the Great Tit studied, the number of songs decreases as vocalization frequency rises. Fourth, Great Tits demonstrate a weaker correlation between pitch frequency and pause duration than Chaffinches. Field recordings and the results of the analysis formed the basis for an artistic interpretation of the study in the format of the audio installation *Zgomot. What About the Birds?*, created as part of the exhibition *Bytes and Butterflies* (AIR Gallery, St. Petersburg, 2024) with the aim of drawing public attention to the problem of noise pollution. The work also contributes to research in the fields of bioacoustics and ornithology in St. Petersburg and the Leningrad Region.

Keywords: noise pollution; bird vocalization; synanthropization; bioacoustics

Citation: Krivaya, D. (2026). An Investigation of the Impact of Anthropogenic Noise on Bird Vocalization in St. Petersburg and the Leningrad Region in the Context

of Creating an Artistic Project. *Urban Studies and Practices*, 11(2), 46–58. <https://doi.org/10.17323/usp112202646-58>

References

- Astakhova, O. (2010). *Tipologicheskaya organizatsiya i geograficheskaya izmenchivost' pesni zyblika* [Typological organization and geographic variation of the chaffinch song] [Monograph] (in Russian).
- Derryberry, E.P., et al. (2020). Singing in a silent spring: Birds respond to a half-century soundscape reversion during the COVID-19 shutdown. *Science*, 370, 575–579. <https://doi.org/10.1126/science.abd5777>.
- Fagerlund, S. (2003). *Acoustics and physical models of bird sounds*. HUT, Laboratory of Acoustics and Audio Signal Processing.
- Farina, A. (2014). *Soundscape ecology: Principles, patterns, methods and applications*. London: Springer Science+Business Media. <https://doi.org/10.1007/978-94-007-7374>.
- Golovan', V.I., Il'inskiy, I.V., Rezvy, S.P., Savinich, I.B., & Fedorov, V.A. (2011). *Ptitsy Sankt-Peterburga* [Birds of St. Petersburg] [Album]. St. Petersburg: ZAO "Goland". (in Russian).
- Hanna, D., et al. (2011). Anthropogenic noise affects song structure in red-winged blackbirds (*Agelaius phoeniceus*). *Journal of Experimental Biology*, 214(21), 3549–3556. <https://doi.org/10.1242/jeb.060194>.
- Ivanitskiy, V.V., Bochkareva, E.N., & Marova, I.M. (2008). Na rubezhe mezhdru slitnoy i razdel'noy pesney: reklamaya vokalizatsiya chernobrovoy kamshevki (*Acrocephalus bistrigiceps*, Sylviidae) [On the boundary between continuous and discrete song: advertising vocalization of the black-browed reed warbler (*Acrocephalus bistrigiceps*, Sylviidae)]. *Zoologicheskii zhurnal* [Zoological Journal], 87(11), 1348–1360. (in Russian).
- Ivanitskii, V.V., Kvartal'nov, P.V., Marova, I.M., Samotskaya, V.V., & Bannikova, A.A. (2012). Kharakter prebyvaniya, osobennosti vokalizatsii i morfologicheskaya izmenchivost' sadovykh kamshevok (*Acrocephalus dumetorum*) v Sredney Azii [Modes of stay, vocalization patterns and morphological variability of Blyth's reed warblers (*Acrocephalus dumetorum*) in Central Asia]. *Zoologicheskii zhurnal* [Zoological Journal], 91(12), 1498. (in Russian).
- Kislyakov, I., & Ivanitskii, V. (2019). Technogenic noise affects the minimum frequency of chaffinch song components (*Fringilla coelebs*) in the Moscow population. *Biology Bulletin*, 46, 1131–1135.
- Lindsay, J. (2012, February 14). Unplanned 9/11 analysis links noise, whale stress. *The Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/national/health-science/unplanned-911-analysis-links-noise-whale-stress/2012/02/14/gIQAQmQn1PR_story.html.
- Nijland, H.A., & van Wee, G.P. (2005). Traffic noise in Europe: A comparison of calculation methods, noise indices and noise standards for road and railroad traffic in Europe. *Transport Reviews*, 25(5), 591–612. <https://doi.org/10.1080/01441640500115850>.
- Opaev, A. (2022). The communicative value of complex singing in passerine birds. *Biology Bulletin*, 49, 1750–1768. <https://doi.org/10.1134/S1062359022100168>.
- Phillips, J.N., & Derryberry, E.P. (2017). Vocal performance is a salient signal for male-male competition in white-crowned sparrows. *The Auk*, 134, 564–574. <https://doi.org/10.1642/AUK-17-12.1>.
- Rezanov, A.A., & Rezanov, A.G. (2023). Puti sinatropizatsii ptits v usloviyakh megapolisa [Paths of bird synanthropization in a megacity]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Estestvennyye nauki* [Moscow City University Journal. Series: Natural Sciences], (49), 57–73. (in Russian).
- Reijnen, R., Foppen, R., & Meeuwssen, H. (1996). The effects of traffic on the density of breeding birds in Dutch agricultural grasslands. *Biological Conservation*, 75, 255–260. [https://doi.org/10.1016/0006-3207\(95\)00074-7](https://doi.org/10.1016/0006-3207(95)00074-7).
- Shershenkov, B. (n.d.). *Artist talk "Golosa tekhnobiotsenozov"* [Voices of technobiocenoses]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=o_7gFi9nUbI. (in Russian).
- Slabbekoorn, H., & Ripmeester, E.A.P. (2008). Birdsong and anthropogenic noise: Implications and applications for conservation. *Molecular Ecology*,

- 17(1), 72-83. <https://doi.org/10.1111/j.1365-294X.2007.03487.x>.
- Zinkin, V.N., Bogomolov, A.V., Dragan, S.P., & Akhmetzyanov, I.M. (2012). Kumulyativnyye mediko-ekologicheskiye effekty sochetannogo deystviya shuma i infrazvuka [Cumulative medical and ecological effects of the combined impact of noise and infrasound]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii* [Ecology and Industry of Russia], (3), 46-49. (in Russian).
- Zvonov, B. (2020). Ptitsy i infrazvuk [Birds and infrasound]. *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal* [Russian Ornithological Journal], 29(1923), 2172-2179. (in Russian).

Следы присутствия: голубятня как общее благо, самострой и часть благоустройства

Варвара Елисейкина
Дарья Мальцева

Введение

Урбанизация, как правило, сопровождается процессами вытеснения. Для животных и птиц этот процесс усугубляется уплотнением и стандартизацией городской среды. По мере расширения застройки их присутствие оказывается все более маргинализированным: из полноправных соседей они превращаются в невидимых «сообитателей» городского пространства [Wolch, 1998; Hinchliffe & Whatmore, 2006]. Современные архитектурные и градостроительные проекты зачастую продолжают игнорировать потребности насекомых, птиц, млекопитающих и земноводных, которые либо изначально связаны с городским пространством, либо мигрируют в него в поисках пищи.

При этом животные и птицы никогда полностью не исчезают из города, трансформируется лишь форма их заметного присутствия. В отдельных случаях оно поддерживается через организованные практики ухода и символическое признание, но гораздо чаще оказывается связано с конфликтами, санитарным и пространственным контролем. Такой двойственный статус вынуждает рассматривать птиц и животных не отдельно от человека, а как часть городской инфраструктуры и практик заботы, определяющих формы их сосуществования в городской среде.

Голуби считаются наиболее «урбанизированными» среди городских птиц [Jerolmack, 2013]. Их значение на протяжении веков неоднократно

Елисейкина Варвара Михайловна, студентка бакалавриата, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, факультет городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Москва, Российская Федерация. E-mail: evmska@gmail.com

Мальцева Дарья Михайловна, преподаватель, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, факультет городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Москва, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-8328-7032. E-mail: dm.maltseva@gmail.com

Голуби во всем мире сегодня – нежелательные городские соседи, против них создается враждебная архитектура и инфраструктурные ограничения. Однако в Советской России разведение голубей институционально и символически поддерживалось – в первую очередь через строительство голубятен. После распада СССР символический статус голубей изменился, но инфраструктура для них осталась, а правовая база для сохранения голубятен так и не была сформирована. В данной статье в динамике последних 10 лет проанализированы факторы, определяющие судьбу голубятен в Москве, – через анализ правового статуса, пространственного расположения и общественной поддержки. Основной причиной сноса голубятен являются кампании по пресечению самовольного строительства. Программы благоустройства и новое строительство также являются факторами вмешательства, но они воздействуют менее системно. Такое «видимое» вмешательство открывает возможности для переноса или реконструкции голубятен. Общественная поддержка при этом снижает риск демонтажа, но чаще ведет к институциональной трансформации, размывая свойства голубятен как общих благ и встраивая их в стандартизированное контролируемое городское пространство. В заключении предлагаются рекомендации, направленные на поиск более устойчивых форм существования голубятен в городской среде.

Ключевые слова: голубятни; городские общие блага; самовольное строительство; благоустройство; Москва

Цитирование: Елисейкина, В.М., и Мальцева, Д.М. (2026). Следы присутствия: голубятня как общее благо, самострой и часть благоустрой-

менялось: они выступали символами мира, почтовыми посредниками, объектами спортивного соперничества и повседневными обитателями дворовых голубятен. Так, голуби показывают, как птицы могут становиться неотъемлемой частью городской культуры и инфраструктуры, сохраняя при этом двойственный статус — одновременно «своих» и «чужих». В то же время в разных странах мира появляются примеры переосмысления антропогенной среды с учетом потребностей животных, что указывает на возможность выработки более инклюзивных подходов к формированию городской среды.

В российском контексте важным следом подобного признания стала массовая институционализация голубеводства, достигшая пика в 1957 году. В преддверии VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов московский комсомол инициировал разведение 34 тыс. голубей — по числу предполагаемых участников мероприятия. Для этого во дворах, парках и на чердаках домов были оборудованы сотни голубятен (рис. 1), многие из которых продолжали функционировать и после завершения фестиваля [Беляева, Михайлин, 2020]:

...по доброй советской традиции о десятках тысяч породистых голубей, выпущенных над «Лужниками» 28 июля 1957 года, московские власти забыли буквально на следующий день. Но не забыли голубятники. На московский рынок единомоментно было выброшено такое количество элитной птицы, что после фестиваля едва ли не каждый заинтересованный школьник смог позволить себе если не завести собственную голубятню, то уж во всяком случае держать пару-другую на балконе или под крышей сарая.

Со временем расположенные преимущественно во дворах жилых домов голубятни стали восприниматься как часть благоустройства и символическое ядро «своего двора», способствуя формированию чувства общности среди жителей [Горлов, 2017]. Однако после распада СССР экономический кризис привел к сокращению числа голубеводов [Специальный репортаж..., 2012; Романтика чердаков и крыш..., 2014], а правовая база, которая поддерживала бы существование голубятен в городе, так и не была сформирована.

Голуби как вид всегда оставались заметными не сами по себе, а через материальную инфраструктуру, с которой было связано их содержание. Голубятни при этом создавались самодельным образом и никогда не напоминали естественные голубиные гнезда, «внешнюю физиологию» [Turner, 2009]. В публичном дискурсе они скорее концентрировали в себе лишь «субприроду» [Gissen, 2009] — помет, перья, специфичный запах, пыль, — элементы, традиционно исключаемые из архитектуры как «грязные» и угрожающие санитарным и эстетическим нормам.

Сегодня голубятни, когда они становятся объектом публичного внимания в Москве, одновременно интерпретируются как часть культурного наследия и как источник санитарных рисков или «визуального шума». Эта двойственность воспроизводится в градостроительной политике: в центральных районах города устанавливаются шипы и другие враждебные архитектурные элементы для ограничения присутствия птиц, размещаются таблички, запрещающие их кормление, а сами голубятни регулярно подлежат демонтажу в рамках программ благоустройства или новой застройки. При этом на низовом уровне отдельные инициативные группы продолжают добиваться их сохранения, а жители — подкармливать птиц, что свидетельствует о сосуществовании конкурирующих режимов отношения к городской фауне.

Из-за правовой неопределенности голубятни часто классифицируются как самовольные постройки. Решения о сносе голубятен принимаются индивидуально и во многом зависят от позиции конкретной административной единицы. Компенсационные механизмы при этом отсутствуют, что усугубляет проблему: потеряв голубятню, птицы воз-

Рис. 1. Сохранившаяся голубятня в Москве

Источник: личный архив авторов.

вращаются в городскую среду и становятся источником антисанитарии, замыкая цикл конфликтов. Таким образом, правовая неопределенность не является временной аномалией, а выступает устойчивым инструментом управления: она позволяет властям в зависимости от обстоятельств либо терпеть, либо устранять эти объекты.

Несмотря на то что исследования городской авифауны стремительно развиваются, они чаще сосредоточены на экологических и зоологических аспектах. Значительно меньше внимания уделяется институциональным, пространственным и социальным условиям сосуществования человека и птиц, а также тем конфликтам и формам сопротивления, которые возникают вокруг соответствующей инфраструктуры. Голубятни в этом смысле представляют собой уникальный объект анализа: они позволяют рассмотреть более широкий вопрос о границах городской природы, символическом и правовом статусе «пограничных» объектов, балансирующих между поддерживаемыми сообществами общими благами и определяемыми властями элементами благоустройства, которые в любое время могут быть признаны самовольными.

В данной статье голубятни Москвы рассматриваются как часть символического и политического городского порядка. Цель исследования – проанализировать факторы, определяющие судьбу голубятен в Москве (их снос, реконструкцию, перенос и сохранение), прежде всего через анализ правового статуса, пространственного расположения и общественной поддержки. Междисциплинарный подход позволяет рассмотреть, как голуби и связанная с ними инфраструктура становятся участниками городских конфликтов, в которых отражаются не только изменения в биополитике, но и пределы агентности нечеловеческих акторов в постсоветском городе.

Обзор литературы

Современные города все чаще рассматриваются не только как пространства человеческой активности, но и как арены межвидовых взаимодействий. Птицы и животные не являются лишь фоном городской жизни: они выступают активными сообитателями, способными влиять на практики, инфраструктуры и аффективные режимы города [Lorimer, 2015]. При этом повседневные контакты людей и животных структурируют городскую среду, но редко бывают нейтральными – напротив, они производят новые формы иерархий, исключений и конфликтов [Barua, 2013].

Особое место в этих процессах занимают городские птицы. Их присутствие провоцирует как практики заботы (разведение, кормление), так и кампании по контролю и вытеснению, опирающиеся на санитарные и эстетические нормы [Jerolmack, 2008]. В этом смысле птицы оказываются не только материальными телами, вовлеченными в повседневные практики, но и символическими фигурами, через которые формируются представления о чистоте, порядке и допустимых формах городской жизни [Hinchliffe et al., 2005]. При этом изменение нормативных стандартов неизбежно отражается на режимах внимания и надзора: птицы становятся объектами наблюдения и регулирования в той мере, в какой они нарушают сложившиеся представления о порядке и чистоте [Jerolmack, 2008].

На этом фоне особенно показателен случай голубей. В глобальном контексте голуби часто репрезентируются как «летающие крысы» – такая репрезентация формируется социальными практиками и урбанистическими дискурсами, которые приписывают им негативные характеристики и легитимируют исключение из городской среды [Jerolmack, 2008]. Проблематизация голубей тесно связана с представлениями о чистоте, эстетике и порядочности: их присутствие маркируется как «грязь», а сами они – как угроза благоустроенному облику города. В этом смысле кампании по очистке городской среды и риторика борьбы с «грязью» выступают механизмами легитимации исключения нежелательных форм соседства с птицами.

На фоне глобальной стигматизации особенно выделяется российский контекст, где голуби и голубятни долгое время были встроены в практики соседства и коллективного присвоения дворового пространства. В условиях единой государственной

собственности дворы воспринимались как «естественно публичные» территории, принадлежность которых коллективу не вызывала сомнений [Лебедева, 2016]. В этом контексте в послевоенной Москве голубятни стали привычным элементом дворового ландшафта: они компенсировали коммунальную скученность и формировали основу соседской самоорганизации [Горлов, 2017]. Наряду с палисадниками и импровизированными парковками голубятни служили средством не только практического, но и символического закрепления пространства за местным сообществом [Калашников, 2002]. Однако их постепенное исчезновение обедняло дворовую жизнь: вместе с материальной инфраструктурой утрачивались социальные практики, а с ними — значимые элементы памяти, локальной идентичности и общности [Горлов, 2017].

С распадом СССР уязвимость голубятен усилилась: как и многие элементы коммунальной инфраструктуры, они оказались в *правовой неопределенности*. Их можно отнести к категории «нечеткой собственности» [Verdery, 1999], где право владения и право пользования пересекаются и вступают в противоречие. На практике судьба таких объектов определяется балансом сил между акторами: жителями, для которых голубятни имеют значение как объекты памяти и повседневной заботы, и властями или застройщиками, обладающими институциональными и экономическими ресурсами [Тыканова, Хохлова, 2014]. Конфликты здесь редко бывают симметричными: в отсутствие формализованных прав жители оказываются в позиции слабой стороны, тогда как административные процедуры легитимируют снос или демонтаж.

В этом смысле голубятни можно рассматривать как «узлы» биополитики, индикаторы городской политики видимости и невидимости. Они становятся заметными, когда нарушают санитарные и эстетические нормы, и остаются фоновыми, пока встроены в рутину повседневности [Wolch, 1998; Wolfe, 2012]. Такая логика особенно очевидна в Москве, где управление городской средой реализуется через режим благоустройства [Lähteenmäki, Murawski, 2023] и процессы «комфортизации» [Gunko et al., 2022]. Эти механизмы распространяют стандарты благоустроенной среды с центра на периферию, ориентируясь на интересы «среднего класса». В результате городские практики, не вписывающиеся в новые нормативы порядка и чистоты, оказываются вытесненными,

а в условиях правовой неопределенности уязвимые конструкции без «сильных» владельцев чаще всего подлежат устранению.

Однако голубятни можно рассматривать не только через призму исключения, но и в логике *городских общих благ*, что позволяет рассматривать их не только как материальную инфраструктуру. Голубятни как общие блага функционируют через практики совместного пользования — установленные правила доступа, распределение обязанностей и формы коллективной поддержки, которые делают эти объекты социально значимыми [Euler, 2018]. Они проявляют свойства *конкурентности и неисключаемости*: будучи во владении отдельных голубеводов, они одновременно остаются частью дворовой жизни, поддерживая социальные связи и практики совместности. При этом особенно важно учитывать пространственные и социальные факторы, способствующие их устойчивому существованию. Однако при потере общественной поддержки или вмешательстве властей такие объекты могут превращаться в «ничейные» и уязвимые конструкции.

Таким образом, голубятни (как ключевые материально воплощенные акторы исследуемой проблемы) будут анализироваться на пересечении трех аналитических перспектив: постсоветской «нечеткой собственности», биополитической логики управления городским пространством и концепции городских общих благ. В этой рамке именно правовой статус, отношения частного и публичного, пространственное расположение и агентность сообществ выступают ключевыми переменными, определяющими судьбу голубятен.

Иными словами, целью этого исследования выступает анализ факторов, которые определяют судьбу голубятен в Москве. Прежде всего, нас интересует, как на сохранение, реконструкцию и снос голубятен в Москве могут влиять: (1) правовой статус голубятен, связанный с категорией земель, на которых они расположены; (2) расположение в городском пространстве на территориях благоустройства и нового капитального строительства; (3) общественная поддержка?

Для ответа на эти вопросы были выдвинуты три гипотезы. Во-первых, мы предполагаем, что голубятни, расположенные на землях в собственности Москвы или на неразграниченных землях без формализованных прав, проявляют свойства «нечеткой собственности», из-за чего становятся уязвимыми к административным

Рис. 2. Типология публичных и частных пространств в городе

Источник: составлено авторами на основе данных [Chiodelli, Moroni, 2014].

процедурам контроля и демонтажа. Помимо этого, у властей Москвы может отсутствовать единая политика по отношению к голубятням, из-за чего их действия будут различаться между административными единицами. При этом ключевым фактором выбора демонтажа или замены голубятни становится их (не-)видимость в логике благоустройства, направленного на «комфортизацию» городской среды. Наконец, несмотря на игнорирование агентности птиц и соседской заботы в официальных процедурах, голубятни могут рассматриваться как городские общие блага. В этих условиях организованная общественная поддержка снижает вероятность их сноса и повышает шансы на сохранение голубятен.

Методология

Для анализа голубятен в Москве их координаты были получены от участников Wikimapia (основная волна 2009–2015 гг.) и дополнены адресами из решений окружных комиссий по пресечению самовольного строительства. Последний источник также использовался для получения информации о сносе голубятен за период с января 2015 года по июнь 2025-го наряду с данными сервиса «Яндекс.Панорамы» за 2022–2025 годы. Исходная выборка включает 1144 объекта, из которых 314 исчезли к середине 2025 года.

Ключевыми факторами, чье влияние на судьбу голубятен изучалось в работе, выступили их правовой статус, расположение в пространстве и участие местных сообществ в формировании решений о сносе, реконструкции или размещении новых голубятен.

Для оценки правового статуса голубятен были изучены московские и федеральные нормативно-правовые акты, регулирующие размещение голубятен и их снос в связи с признанием их незаконными постройками. Помимо этого, использовалась информация о собственнике и о виде разрешенного использования земельных

участков, размещенных в Национальной системе пространственных данных (НСПД). Она была сопоставлена с типологией городских пространств [Chiodelli & Moroni, 2014], позволяющей оценить взаимодействие частного и публичного в городе. Голубятни рассматриваются как объекты, находящиеся на пересечении сложных частных пространств (приватизированные территории дворов), частных пространств в публичной собственности (неразграниченные территории в государственной собственности) и публичных пространств с особыми функциями (озелененные территории общего пользования) (рис. 2).

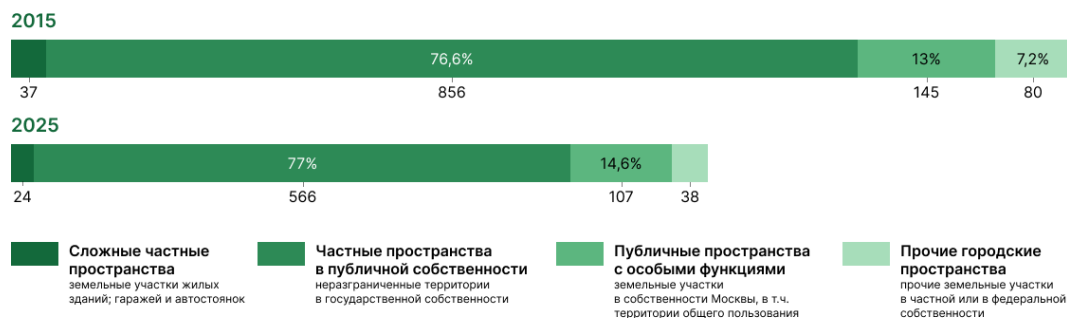
Расположение голубятен в пространстве анализировалось с учетом их близости к новому капитальному строительству и территориям, благоустроенным по программе «Моя улица». Для этого использовались новостные сообщения в московских СМИ, пресс-релизы управ районов и префектур административных округов, отчеты глав управ районов и сообщения горожан в районных группах в социальных сетях, что позволило сделать предположения о наличии закономерностей сноса и размещения голубятен. Влияние местных сообществ на принятие решений в отношении голубятен также изучалось через публикации в СМИ и сообщения в социальных сетях, а также через детальный анализ кейсов интервенций публичной власти, представляющих собой снос, реконструкцию или перемещение голубятни на новое место.

Результаты

В этом разделе анализируются правовые и административные режимы, определяющие судьбу голубятен в Москве; структура раздела отражает последовательность выдвинутых гипотез. Первая гипотеза рассматривается через блоки анализа соотношения публичного и частного, а также правовой неопределенности голубятен и их статуса как объектов самовольного строительства в нормативно-правовых ак-

Рис. 3. Структура голубятен в 2015 и 2025 гг. по типу публичных и частных пространств

Источник: составлено авторами по данным НСПД.

тах. Вторая гипотеза опирается на результаты первой части, дополненные анализом (не)видимости голубятен в логике благоустройства и нового строительства. Третья гипотеза о роли общественной поддержки и голубятнях как общих благах объединяет все аспекты анализа. Основные результаты обобщаются в заключении статьи.

Публичное и частное в судьбе голубятни

Возможность сохранения голубятен в городе напрямую связана с правовым регулированием территорий, на которых они расположены. В зависимости от этого фактора различается то, насколько активно власти используют механизм признания голубятен самовольными постройками с целью их последующего сноса.

По состоянию на 2015 год, более 76% голубятен в Москве находилось на *неразграниченных территориях в государственной собственности* (рис. 3). Преобладание такой категории земель обусловлено тем, что после проведения межевания по инициативе правительства Москвы большинство дворов с голубятнями не были отнесены к участкам многоквартирных домов [Toto et al., 2023].

Несмотря на то что эти территории ранее управлялись коллективно горожанами, они продолжили относиться к государственной собственности, поэтому у городских властей сохранилась возможность ими распоряжаться [Закон, 2007]. Таким образом, в управлении большинством московских голубятен свойственные сложным частным пространствам практики совместного пользования [Chiodelli & Moroni, 2014] оказались заменены на устанавливаемые публичной властью правила срочного пользования территорией, характерные для частных пространств в публичной собственности.

Вторым по распространенности типом городских пространств, на которых находятся голубятни, являются *публичные пространства с особыми функциями*. Они

главным образом представлены озелененными территориями общего пользования, где голубятни, с одной стороны, доступны для наблюдения широкой публике, а с другой — выступают элементом благоустройства, организованным публичной властью для поддержки рекреационной функции парков и скверов. Доля голубятен, расположенных на этом типе территорий, выросла с 13% в 2015 году до 14,6% в 2025 году, что было связано не только со снижением темпов сноса существующих построек, но и с установкой новых объектов в рамках программ благоустройства.

Таким образом, правовое регулирование территорий, на которых расположены голубятни, является основным фактором их уязвимости. Однако именно в рамках административных процедур по сносу — через механизм признания голубятен объектами самовольного строительства — их судьба решается наиболее неравномерно и непредсказуемо.

Голубятни — самострой? Несистематизированность сноса

Голубятни, которые не имеют действующего разрешения на размещение и находятся на территории, управляемой правительством Москвы, практически не защищены от сноса, поскольку их могут в любой момент признать незаконно размещенными объектами окружные комиссии по пресечению самовольного строительства [Правительство Москвы, 2011]. При этом окружные комиссии принимают такие решения исключительно на основании переданных в префектуры административных округов сведений от управ районов о наличии и сроке действия документов на голубятни [Правительство Москвы, 2012a], *не обращая внимания на их внешний вид и конструктивные особенности, а также на наличие или отсутствие у них постоянного пользователя*.

Так, препятствование голубеводу в продлении разрешения на размещение оказывается эффективным способом избавиться

Рис. 4. Доля существующих на 2025 г. и исчезнувших голубятен по административным округам Москвы

Источник: составлено авторами на основе данных окружных комиссий по пресечению самовольного строительства и сервиса «Яндекс.Панорамы».

от голубятен, поскольку отсутствие такого документа практически лишает возможности защитить объект от сноса. Показательная история произошла в Бескудниковском районе, когда пользователь голубятни, в 2015 году успешно получивший разрешение на ее размещение, спустя три года столкнулся с тем, что документы не были продлены префектурой, а заместитель начальника отдела благоустройства управы района неоднократно отказывал в выдаче повторного разрешения на размещение голубятни под различными предлогами, после чего она была снесена в 2020 году как самовольная постройка [«Под трактором...», 2020].

Отдельную сложность для голубеводов представляют сроки, в течение которых представители власти обязаны уведомить о принятом окружной комиссией решении, разместив объявление на самом объекте и официальных сайтах префектуры административного округа и управы района, где он расположен. Как и срок, в течение которого признанные незаконно размещенными некапитальные объекты должны быть демонтированы, он составляет *три рабочих дня* [Правительство Москвы, 2012а], из-за чего нередки ситуации, когда голубятня оказывается снесена до того, как объявление о ее признании незаконной постройкой публикуется в общем доступе, а голубеводы и жители соседних домов не успевают эвакуировать птиц [«Под трактором...», 2020; Соседи общаются..., 2025].

При этом активность органов публичной власти в сносе голубятен *неоднородна по административным округам* (рис. 4): если в САО и ЮАО исчезло около 40% таких построек, то в Новой Москве известен лишь один пример сноса. Различия проявляются и на уровне районов (рис. 5): снос голубятен как незаконно размещенных объектов в основном затронул периферийные районы, в результате чего различия в их концентрации стали менее выраженными (см. Приложение 1).

Именно *признание голубятен объектами самовольного строительства* является наиболее распространенным основанием для их сноса и объясняет 210 из 314 случаев их исчезновения в период с 2015-го по июнь 2025 года.

Но голубятни могут быть демонтированы и по другим причинам — будь то проведение ремонта коммунальными службами [В Измайлове..., 2022] или строительство новых жилых зданий [Реновация в Очаково..., 2019]. Однако установить точную причину зачастую невозможно, поскольку эти случаи реже упоминаются в СМИ и сообществах жителей в социальных сетях. При этом деятельность управ районов и окружных комиссий по пресечению самовольного строительства воспринимается этими органами главным образом как способ увеличить число парковочных мест в районе и потому в основном направлена на гаражи, а не на другие формы «самовольного строительства»¹ [Глава управы района

1. Несистематизированность сноса голубятен проявляется и в описании таких построек в решениях комиссий по пресечению самовольного строительства: наряду с обозначающим этот объект термином «голубятня» широко используется термин «голубиный питомник», описывающий организацию деятельности по содержанию голубей.

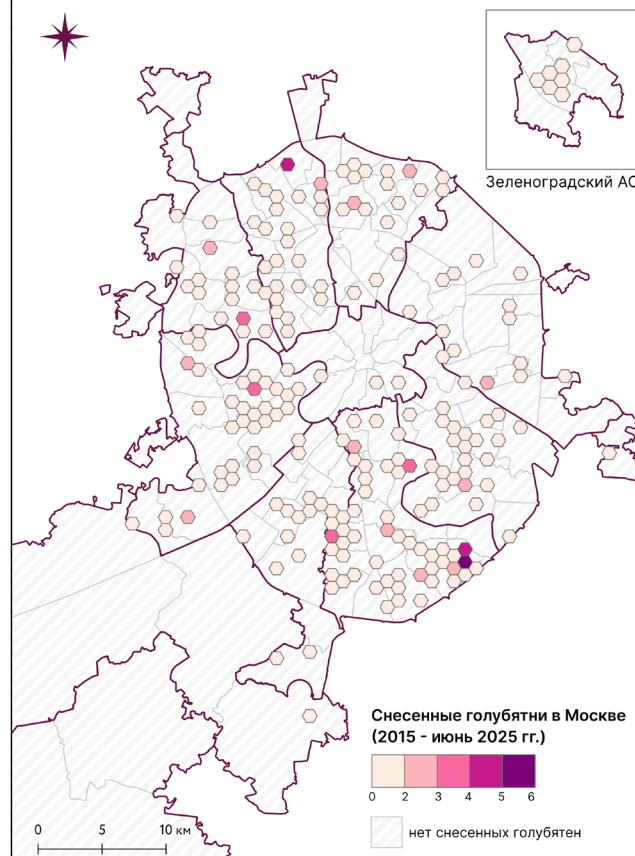
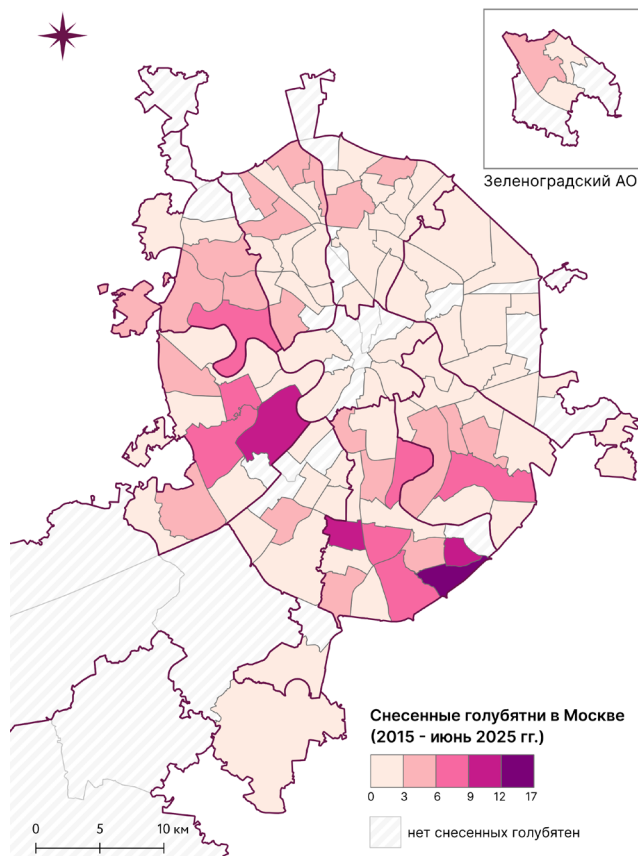

Рис. 5. Карта снесенных голубятен в период с 2015 по 2025 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных окружных комиссий по пресечению самовольного строительства и сервиса «Яндекс. Панорамы». Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreet-Map.

Южное Медведково города Москвы, 2022; Глава управы района Теплый Стан города Москвы, 2024].

(Не)видимость голубятен в нормативно-правовых актах. Условия размещения

Чтобы рассмотреть голубятни как «нечеткую собственность» и выявить причины отсутствия системной политики в их отношении, обратимся к нормативно-правовой базе, регулирующей их размещение и использование.

Первым типом нормативно-правовых актов, регулирующих размещение голубятен в России, стали *Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы*, установившие для них санитарно-защитную зону 50 метров, в которой не допускается нахождение жилой застройки, спортивных сооружений, детских площадок, образовательных и детских учреждений [СанПиН, 2003]. Вместе с тем до начала 2010-х годов в России отсутствовало законодательство, в котором голубятни бы рассматривались как особая категория объектов, которые могут быть размещены на землях, находя-

щихся в государственной или муниципальной собственности, несмотря на то что многие из них после распада СССР оказались на территориях, которые не были приватизированы. Например, правовые нормы, регулирующие размещение некапитальных построек в Москве 1990-х и 2000-х годов, регулировали главным образом размещение объектов розничной торговли и гаражей [Мэр Москвы, 1998; Правительство Москвы, 2008].

Как отдельная категория *некапитальных построек* голубятни были впервые выделены в Постановлении Правительства Москвы №636-ПП от 13.11.2012, регулирующем условия их размещения на территориях, которыми могут распоряжаться органы публичной власти Москвы². В частности, голубятни могут быть размещены за счет бюджета Москвы при благоустройстве территории, а также за счет голубевода после получения им разрешения от префектуры административного округа, где планируется размещение голубятни.

Чтобы получить такое разрешение, предполагаемый пользователь должен подать в префектуру заявление с приложением предварительного проекта размещения

2. Помимо территорий в собственности города Москвы, к ним относятся территории, государственная собственность на которые не разграничена [Закон, 2007].

голубятни³. Разрешение на размещение голубятни подразумевает получение голубеводом права возвести некапитальную голубятню на месте, определенном ситуационным планом, на срок до трех лет без взимания платы и без предоставления земельного участка в собственность [Правительство Москвы, 2012b] и представляет собой распоряжение префектуры административного округа с единой структурой и содержанием.

При этом получившие такое разрешение голубеводы *ограничены в распоряжении голубятней*: права на нее не могут быть переданы третьим лицам, на прилегающей территории запрещено устанавливать ограждения, а внешний вид, назначение, размеры и местоположение самой постройки не подлежат изменению.

В разрешениях также оговаривается, что голубятня должна быть демонтирована и вывезена голубеводом в течение трех суток со дня истечения срока ее размещения, а также в случае «необходимости использования земельного участка для городских нужд» [Префектура Южного административного округа города Москвы, 2017; Префектура Южного административного округа города Москвы, 2019; Префектура Южного административного округа города Москвы, 2023]. Такие сжатые сроки на «переезд» делают голубятни уязвимыми перед сносом при строительстве новых зданий или инфраструктурных объектов и свидетельствуют о том, что эти постройки воспринимаются органами публичной власти в основном как вариант временного использования территорий «до их востребования городом» [Окружная комиссия..., 2017].

Важно отметить, что во всех перечисленных нормативно-правовых актах в качестве сторон, которые могут влиять на принятие решения о размещении или сносе голубятен, выступают исключительно человеческие акторы: голубеводы и представители органов публичной власти. При этом голуби рассматриваются в документах как «движимое имущество», а не как субъекты, которые могут пользоваться городским пространством. Это приводит к тому, что в случаях, когда заброшенная голубятня признается незаконной постройкой, ее сносят, не заботясь о пере-

селении птиц, которые могут продолжать в ней проживать.

Помимо правовой неопределенности, специфики территориального регулирования и фрагментарности практики сноса, значимым фактором в судьбе голубятен может быть их пространственное окружение: близость к зонам строительства и благоустройства делает их более «видимыми», то есть подверженными контролю и вмешательству.

Новое строительство и судьба голубятен: есть ли связь?

В большинстве случаев голубятни, размещенные на территориях, где планируется новое строительство, оказываются беззащитны перед сносом, поскольку они либо находятся в заброшенном состоянии, либо голубеводу не удается добиться их переноса на новое место вместо демонтажа.

При этом снос голубятни может восприниматься горожанами как *первый признак начала освоения «незанятой» территории*: после того как в районе Очаково-Матвеевское голубятни признали самовольными постройками и снесли, а на участке появилась строительная техника, жители соседних домов начали протестовать против строительства на освобожденном участке жилого дома по программе реновации [Реновация в Очаково..., 2019; Жители микрорайона..., 2019].

Голубятни становятся препятствием для нового строительства только в том случае, если они расположены на территориях общего пользования. Так, в 2013 году в районе Крылатское местные жители на фоне слухов о строительстве нового жилого комплекса самостоятельно благоустроили территорию рядом с конечной автобусной станцией и разместили на ней насесты и кормушки для птиц [Легенды Крылатского..., 2023], что позволило голубям найти свое место в городе.

Будучи вытесненными с территорий, где планируется строительство новых жилых зданий, голубятни также могут «переезжать» на территории общего пользования [В Хорошёво-Мнёвниках..., 2023]. Однако эти случаи выступают исключением из правил, поскольку требуют не только

3. Такой проект должен включать ситуационный план в масштабе 1:2000 с указанием места размещения голубятни, не менее шести фотографий этого места, а также пояснительную записку, в которой указаны вид некапитального объекта, его технико-экономические показатели (функциональное назначение, параметры, характеристика, обоснование размещения, информация о предполагаемом конструктивном решении объекта) и данные по соблюдению санитарно-эпидемиологических требований [Постановление, 2012b].

Рис. 6. Новые голубятни, построенные по индивидуальному (вверху) и типовому (внизу) проекту

Источник: личный архив авторов.

участия голубевода в сохранении постройки, но и вовлеченности со стороны местного сообщества. Например, пользователю голубятни в зеленоградском районе Силино, которую планировалось демонтировать перед возобновлением строительства недостроенного дома, удалось добиться от управы района помощи с ее переносом благодаря организации сбора подписей в поддержку сохранения голубятни и написания обращений в префектуру административного округа [Сломать нельзя подвинуть..., 2019; Голубятни в Зеленограде..., 2021].

Новые голубятни как часть московского благоустройства

Не менее значимым фактором, влияющим на судьбу голубятен, выступают програм-

мы благоустройства, которые, в отличие от практик прямого вмешательства, постепенно трансформируют функции и символическое значение этих объектов в городской среде.

Размещение новых голубятен на территориях общего пользования, в том числе на месте старых, можно разделить на два этапа, отличающихся подходами инициаторов благоустройства к постройкам, обитающим в них птицам и местным сообществам.

На первом этапе, продлившемся до 2021 года, голубятни становились видимыми для представителей власти только после обращений горожан, переживающих за снос построек, после чего их добавляли в проект благоустройства [Уютный двор..., 2019; На набережной Шитова..., 2019]. При возведении новых объектов особое внимание уделялось самим птицам, что иллюстрирует пример района Преображенское (рис. 6): в процессе разработки проекта архитекторы консультировались с голубеводами, подсказывающими наиболее комфортные для птиц планировочные решения, а старая постройка была демонтирована только после «переезда» голубей на новое место [Бакинские бойные..., 2019; «Голуби длиною в жизнь...», 2021].

Переломным моментом в размещении новых голубятен стала разработка типового проекта архитектурным бюро Magly Proekt (рис. 6), предполагавшего, прежде всего, «улучшение их эстетических характеристик» [Проект..., 2021]. Это позволило масштабировать замену таких построек на новые, размещая одинаковые объекты в разных районах Москвы [Голубятни XXI века..., 2022; Альпийские горки..., 2023]. При этом восприятие голубятен как части благоустройства распространилось и на птиц. Например, в ходе благоустройства пойм рек Шмелевки и Кузнецовки новые постройки были установлены без ярко выраженного запроса со стороны горожан, после чего туда были переселены голуби, а старые голубятни были признаны самовольными постройками и снесены [Собянин рассказал..., 2023; Окружная комиссия..., 2024].

Таким образом, интересы птиц и их владельцев стали учитываться при размещении голубятен на территориях общего пользования за счет бюджета Москвы только в той степени, в которой они остаются под контролем представителей публичной власти и соответствуют эстетическим требованиям посетителей благо-

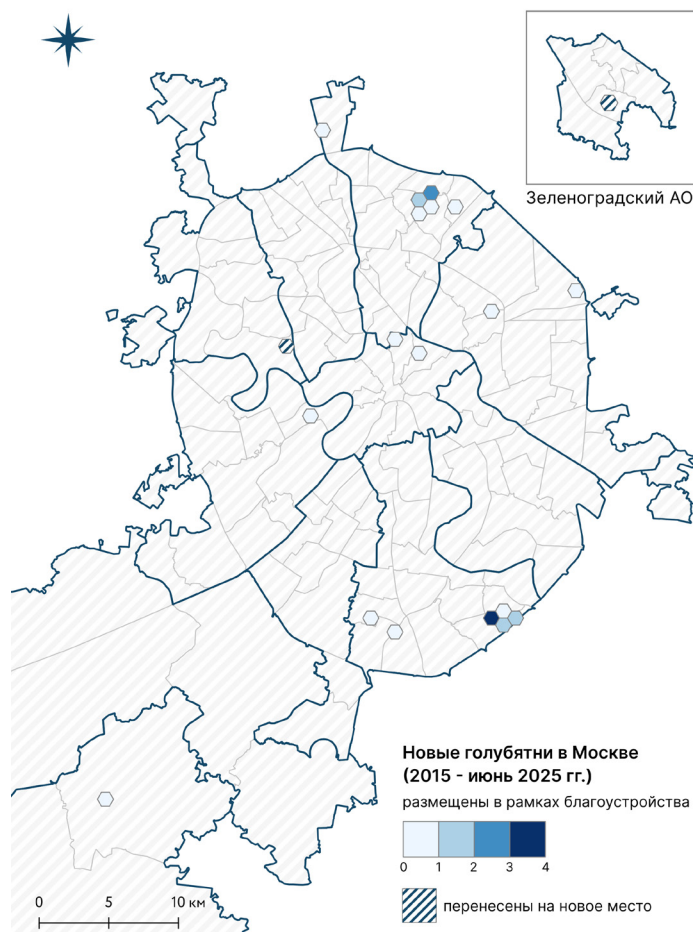

Рис. 7. Расположение новых голубятен, размещенных с 2015 по 2025 гг. в рамках благоустройства.

Источник: составлено авторами на основе данных сообщений в СМИ и сервиса «Яндекс.Панорамы». Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap.

устроенных парков и скверов. Однако размещение новых голубятен остается крайне редкой для города практикой, затрагивающей лишь отдельные его территории, на которых нет заброшенных старых объектов (рис. 7).

Таким образом, в рамках программ благоустройства решается не столько вопрос сохранения голубятен, сколько их статус как общих благ. Из самодельных построек, созданных по локальной инициативе, они постепенно становятся частью контролируемого и стандартизированного городского пространства.

Выводы и обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что судьба голубятен в Москве определяется прежде всего институциональной логикой управления городскими пространствами, а не биологическими потребностями птиц, запросами голубеводов или культурной значимостью этих объектов. Поскольку голубятни в основном находятся на неразграниченных территориях, находящихся в государственной собственности, власти Москвы остаются основным

актором, влияющим на состояние этих построек (табл. 1).

Такой тип земель в городе отражает постсоветскую логику нечеткой собственности [Verdery, 1999] и подсвечивает неопределенность правового статуса голубятен. Эти постройки занимают промежуточное положение между частным и публичным: формально они часто лишены признанного статуса, но фактически поддерживаются повседневными практиками жителей. Однако основными участниками остаются представители публичной власти, так как именно они контролируют соблюдение правил, регулирующих распределение голубятен. На их решения влияют действующие нормативные акты о собственности, статус территории — является она разграниченной или нет — и политико-экономические интересы, связанные с новым жилищным строительством или благоустройством. Дисбаланс ресурсов между вовлеченными акторами [Тыканова, Хохлова, 2014] систематически воспроизводит исключение голубятен из городского порядка: даже легализованные объекты остаются уязвимыми, поскольку временные разрешения оставляют возможность их демонтажа.

Наиболее нестабильны голубятни на неразграниченных территориях и в городской собственности без действующих разрешений, для которых вероятность сноса приближается к 90%. Их сохранение возможно лишь при активной поддержке жителей, депутатов или СМИ. Такая уязвимость иллюстрирует логику «невидимости» птиц в городе и связанной с ними инфраструктуры [Wolch, 1998; Wolfe, 2012]: объекты исключены из официальных механизмов защиты, но становятся видимыми для инструментов контроля, а ускоренные процедуры легитимизируют их быстрое устранение.

Специфика пространственного расположения дополнительно усиливает уязвимость голубятен. В повседневной жизни они остаются «фоновой» частью городской среды: редко становятся предметом конфликтов и исключаются из систематических программ управления. Такая невидимость делает их удобными объектами для административного вмешательства. Периодическая деятельность окружных комиссий по выявлению самовольного строительства привлекает внимание к голубятням — особенно при нарушении санитарных норм, эстетических требований или близости к новым строительным проектам. Снос голубятен служит не только утилитарной

Тип земли	Сценарии и их вероятности		
	Сохранение	Перенос или реконструкция	Снос
Неразграниченные территории	Крайне редко	Исключительные случаи при сильной общественной поддержке	Очень высокая вероятность
Городская собственность (с действующим разрешением)	Возможно при продлении договора (до 3 лет)	Возможно, если вовлечены соседи/депутаты	Вероятен после окончания срока или при востребовании участка
Городская собственность (без действующего разрешения)	Крайне редко	Крайне редко	Очень высокая вероятность (через признание самостроем)
Частная собственность / сложные частные пространства	Чаще всего сохраняются	Редко	Низкая вероятность, зависит от застройщика и действующих норм

Таблица 1. Судьба голубятен в зависимости от типа земли, на которой она находится

Источник: составлено авторами.

цели освобождения земли, но и играет биополитическую роль, символически «очищая» городскую среду [Hinchliffe & Whatmore, 2006; Wolfe, 2012] и закрепляя нормативные представления о порядке, чистоте и «правильном» использовании городского пространства.

Случаи сохранения голубятен часто связаны с их свойствами городских благ. Они поддерживаются практиками совместного пользования: доступ к птицам и уход за ними распределяется между голубеводами и соседями, формируя социальные связи и ощущение «своего двора» [Euler, 2018]. Однако при потере общественной поддержки и усложнении условий аренды голубятни быстро утрачивают статус городского блага и превращаются либо в «ничейные» объекты, либо в декоративные элементы благоустройства. Локальные формы общих благ разрушаются или заменяются институционализированными, утрачивая социальную функцию.

Социальная защита голубятен чаще всего носит краткосрочный характер. На время конфликта она повышает политическую цену сноса и вынуждает администрацию идти на компромиссы – перенос, реконструкцию или включение голубятни в программу благоустройства. В ряде случаев это приводит к переносу объектов на менее удобные территории, реконструкции по типовым стандартам, изменяющим их функцию и символику, или временному приостановлению сноса под давлением общественного и медийного резонанса. Однако такие меры редко обеспечивают долгосрочную устойчивость

и не устраняют институциональной уязвимости голубятен.

Данные изменения показывают, что голубятни все чаще воспринимаются как элемент благоустройства территорий общего пользования и приобретают свойства публичных пространств с особыми функциями. Размещение новых объектов на публичных территориях стимулирует их интеграцию в городскую среду, но одновременно усиливает контроль со стороны властей. С 2015-го по июнь 2025 года доля голубятен на территориях общего пользования выросла в основном за счет снижения интенсивности сноса. Если в советский период голубятни представляли собой неотчуждаемые городские общие блага, которыми могли пользоваться все жители дома [Горлов, 2017], то сегодня они постепенно перемещаются на публичные территории, что усиливает вмешательство публичной власти и снижает автономию сообществ.

Таким образом, существование голубятен определяется институциональными рамками и политико-административной логикой контроля, где «агентность» голубей проявляется косвенно – через практики человеческой защиты и символические конфликты. Однако особенности расположения голубятен в пространстве и, прежде всего, готовность местных сообществ поддерживать такие объекты делает их менее уязвимыми для сноса и повышает их видимость в городском пространстве, в том числе для представителей власти. Кроме того, голубятни постепенно смещаются в публичные пространства, где они инте-

грируются в программы благоустройства, но одновременно теряют свойства городских общих благ.

Рекомендации

В связи с тем, что в настоящее время отсутствует систематизированная политика в отношении голубятен, решения принимаются индивидуально, а ресурсы вовлеченных акторов распределены неравномерно, рекомендации можно условно разделить на три направления:

1. Правовая определенность и институционализация.

1.1. Голубятни, функционирующие как элементы благоустройства, должны регулироваться по стандартным правилам городской инфраструктуры: необходимо предусматривать возможность аренды голубеводами,

опираться на типовые проекты и подчиняться дополнительным требованиям со стороны администрации.

В отличие от этого, голубятни, действующие как *городские общие блага* и поддерживаемые местными жителями, требуют гибкого правового режима – аренды или безвозмездного пользования с возможностью пролонгации при соблюдении санитарных норм и с учетом особенностей конструкции, характерных для каждого объекта.

1.2. Механизмы институционализации должны учитывать различия между типами голубятен и их функциональные особенности. К ним относятся: создание *публичного реестра*, фиксирующего правовой статус и историю решений по каждому объекту; установление долгосрочных *гарантий пользования*, снижающих риск внезапного демонтажа; а также разработка *компенсационных мер в случае сноса* – как финансовых, так и организационных, включая помощь в переносе или предоставлении нового места. Особое внимание следует уделить *уходу за птицами в голу-*

бятнях без явного пользователя. В целях обеспечения непрерывности заботы за птицами целесообразно предусмотреть поддержку *волонтерских инициатив* и привлечение *бюджетных организаций*, занимающихся животными.

2. Коллективное управление и этика заботы.

2.1. Эффективное управление голубятнями предполагает прямое взаимодействие с их пользователями – голубеводами или инициативными группами. Одной из эффективных форм такого взаимодействия являются *договорные соглашения*, закрепляющие права и обязанности сторон, включая уход за птицами и условия эксплуатации сооружений.

2.2. *Режим доступа* к голубятням должен различаться в зависимости от их статуса. Для голубятен, выступающих как элементы благоустройства, уместно предусмотреть открытые правила использования, позволяющие жителям участвовать в уходе за птицами и использовать прилегающую территорию. Для голубятен как городских общих благ доступ регулируется самим сообществом пользователей. В обоих случаях важно поддерживать культуру заботы о городских птицах, способствующую укреплению мультивидового соседства и вовлечению жителей в практики совместной ответственности за городскую среду.

2.3. В случаях признания голубятен незаконно размещенными объектами или востребования территорий под новое строительство правообладателю земли следует обеспечивать *перемещение птиц* в новые голубятни либо организацию *альтернативных мест содержания*. Если голубятня заброшена, необходимо предусмотреть механизмы поиска нового пользователя, чтобы избежать гибели птиц и сохранить культуру заботы.

2.4. При благоустройстве территорий общего пользования важно учитывать *агентность голубей и присутствие других городских птиц*. Для этого необходимо проектировать голубятни, архитектура которых отражает потребности голубей, а также предусматривать обустройство общедоступных насестов и кормушек. Такой подход позволит создать условия для более комфортного мультивидового соседства в городской среде.

3. 3. Интеграция в городские стратегии.

3.1. Голубятни следует рассматривать как *часть стратегий развития города*. Их включение в программы благоустройства и сохранения биоразнообразия позволяет уйти от восприятия голубей и других городских птиц как «проблемных объектов» и добиться признания этих птиц в качестве полноценных участников городской экосистемы.

3.2. Не менее важно институционализировать *участие жителей* в принятии решений о судьбе голубятен. Общие обсуждения и соучаствующее проектирование могут снизить вероятность вытеснения сложившихся практик ухода за птицами и одновременно повысить вовлеченность горожан в формирование стандартов благоустроенной среды.

Ограничения

Основным источником данных стал краудсорсинговый портал *Wikimapia*, где информация формируется пользователями, что обуславливает ее фрагментарность, вероятность наличия устаревших описаний и отсутствие централизованного мониторинга. Для частичной верификации использовались решения окружных комиссий по пресечению самовольного строительства, однако и эти данные носят ограниченный характер: доступные массивы различаются по полноте и периоду охвата в разных административных округах, а для отдельных территорий (например, ЮЗАО и СВАО)

представлены лишь агрегированные показатели без адресной детализации. Префектура Южного административного округа остается единственной в Москве, систематически публикующей разрешения на размещение голубятен в открытом доступе, что не позволяет судить о масштабах аналогичных практик в других округах. В совокупности эти факторы затрудняют формулирование общих выводов о распределении и институционализации голубятен на уровне города. Дополнительным ограничением выступает отсутствие архивных материалов и интервью с голубеводами, представителями комиссий и управ, что не позволяет реконструировать социальные и институциональные практики взаимодействия вокруг голубятен в динамике.

В дальнейшем восполнение пробелов возможно за счет привлечения архивных данных, проведения полевых интервью, а также сравнительного анализа московских практик с другими российскими и зарубежными примерами институционализации голубятен.

Источники

- «Голуби длиною в жизнь» – как живет самая современная московская голубятня. (2021). *РИАМО*. <https://riamo.ru/articles/istorii/golubi-dlinoyu-v-zhizn-kak-zhivet-samaya-sovremennaya-moskovskaya-golubyatnya-x1/>.
- «Под трактором погибло не менее 15 птенцов». В Москве зоозащитники обратились в прокуратуру после сноса голубятни. (2020). *Такие дела*. <https://takiedela.ru/news/2020/08/29/golubi-v-golubyatne/>.
- «Специальный репортаж»: В Москве стало меньше голубятен. (2012). *Москва 24*. <https://www.m24.ru/shows1/4/3551>.
- Альпийские горки и новая голубятня: как идет благоустройство территорий возле будущей станции Поклонная МЦД-4. (2023). *Официальный сайт Мэра Москвы*. <https://www.mos.ru/news/item/127626073/>.
- Бакинские бойные и крестовые монахи: москвичам подарили новую голубятню. (2019). *Вечерняя Москва*. <https://vm.ru/moscow/755389-bakinskie-bojnye-i-krestovye-monahi-moskvi-cham-podarili-novuyu-golubyatnyu>.
- Беляева, Г., и Михайлин, В. (2020). Из Утопии в Аркадию: миграция голубей и голубятников в советском кино. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, (4), 219–239.
- В Измайлове построили мост и снесли голубятню. (2019). *Районная газета «Измайлово»*. <https://газетаизмайлово.рф/v-izmajlove-postroili-most-i-snesli-golubyatnyu/>.
- В Хорошево-Мневниках открыли двухэтажную голубятню. (2023). *Префектура СЗАО города Москвы*. <https://szao.mos.ru/presscenter/news/detail/11828442.html>.

- Глава управы района Теплый Стан города Москвы. (2024). *Отчет о результатах деятельности за 2024 год*.
- Глава управы района Южное Медведково города Москвы. (2022). *Отчет о результатах деятельности за 2022 год*.
- Голубятни в Зеленограде: кому мешают птицы? (2021). *Префектура Зеленоградского АО города Москвы*. <https://zelao.mos.ru/presscenter/news/detail/9934066.html>.
- Голубятни XXI века появились на проезде Шокальского. (2022). *Районная интернет-газета «Медведково» СВАО Москвы*. <https://gazeta-medvedkovo-juzhnoe.ru/golubyatni-xxi-veka-poyavilis-na-proезде-shokalskogo/>.
- Горлов, В. Н. (2017). Послевоенные дворы Москвы как особая московская общность. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*, (4), 108–113.
- Закон (2007). Закон города Москвы «О землепользовании в городе Москве» от 19.12.2007 № 48.
- Жители микрорайона Очаково вышли на улицу для защиты двора от точечной застройки. (2019). *НАШ РАЙОН*. <https://nash-raion.ru/viewtopic.php?t=10112>.
- Калашников, Н. (2002). Москва. Окраины. *Логос*, (3–4), 135.
- Крылатые крысы: как этично решить проблему городских голубей. (2021). *Нож*. <https://knife.media/pigeon-problem/>.
- Лебедева, Е. В. (2016). Трансформация публичного пространства постсоветских городов. *Социология*, (4), 107–115.
- Легенды Крылатского. Сквер в честь воссоединения народов Крыма и РФ, или «В гостях у голубей». (2023). *Крылатское.ру*. <https://www.krylatское.ru/content/today/index30.html>.
- Мэр Москвы. (1998). Распоряжение № 299-РМ от 30.03.1998 «О дополнительных мерах по упорядочению размещения и строительства некапитальных объектов на территории г. Москвы».
- На набережной Шитова появится новая голубятня. (2019). *Управа района Чертаново Северное города Москвы*. <https://chertanovo-severnoe.mos.ru/presscenter/news-area/detail/8369806.html>.
- Окружная комиссия по пресечению самовольного строительства на территории Северо-Восточного административного округа города Москвы. (2017). Протокол заседания № 10 от 17.10.2017.
- Окружная комиссия по пресечению самовольного строительства на территории Южного административного округа города Москвы. (2024). Протокол заседания № 4 от 17.06.2024.
- Правительство Москвы. (2008). Постановление № 1139-ПП от 16.12.2008 «Об утверждении Положения о размещении и установке на территории города Москвы объектов, не являющихся объектами капитального строительства».
- Правительство Москвы. (2011). Постановление № 234-ПП от 31.05.2011 «Об организации работы по выявлению и пресечению самовольного строительства на территории города Москвы».
- Правительство Москвы. (2012а). Постановление № 614-ПП от 02.11.2012 «Об утверждении по-
- ложения о взаимодействии органов исполнительной власти города Москвы при организации работы по освобождению земельных участков от незаконно размещенных на них объектов, не являющихся объектами капитального строительства, в том числе осуществлению демонтажа и (или) перемещения таких объектов».
- Правительство Москвы. (2012b). Постановление № 636-ПП от 13.11.2012 «О размещении и установке на территории города Москвы объектов, не являющихся объектами капитального строительства, и о предоставлении земельных участков для целей, не связанных со строительством».
- Префектура Южного административного округа города Москвы. (2017). Распоряжение № 01-41-123 от 13.03.2017 «О размещении Пантелеевым А. А. голубятни на земельном участке по адресу: ул. Подольских Курсантов, д. 12, корп. 1, стр. А».
- Префектура Южного административного округа города Москвы. (2019). Распоряжение № 01-10-243 от 05.06.2019 «О размещении Мироновым С. А. голубятни на земельном участке по адресу: ул. Воронежская, вл. 54».
- Префектура Южного административного округа города Москвы. (2023). Распоряжение № 01-10-77 от 06.03.2023 «О размещении Успенским Ю. А. голубятни на земельном участке по адресу: ул. Ереванская, д. 25».
- Проект типового голубиногo питомника. (2021). *Magly Proekt*. <https://maglyproekt.com/projects/golob>.
- Реновация в Очаково: точечная застройка, снос голубятен, «КРОСТ-Д» и чучело «строительной мафии». (2019). *Очаково-Матвеевское онлайн*. https://www.omonline.ru/articles/2019/03/11_renochakovo/.
- Романтика чердаков и крыш: как построить голубятню в Москве. (2014). *Москва 24*. <https://www.m24.ru/articles/pticy/08072014/49494>.
- СанПин 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов». (2003).
- Сломать нельзя подвинуть. Судьбу голубятен в 9 микрорайоне решают власти и соседняя стройка. (2019). *Зеленоград.ру*. <https://www.zelenograd.ru/news/47236/>.
- Собянин рассказал о благоустройстве парка в поймах Шмелёвки и Кузнецовки на юге столицы. (2023). *Metro*. <https://www.gazetametro.ru/articles/sobjanin-rasskazal-o-blagoustroystve-parka-v-pojmah-shmelevki-i-kuznetsovki-na-juge-stolitsy-14-11-2023>.
- Соседи сообщают о сносе голубятни во дворе между 4-м и 6-м Ростовскими переулками — вместе с птицами и птенцами. (2025). *Секретные Хамовники*. <https://t.me/shamovniki/5168?single>.
- Тыканова, Е. В., & Хохлова, А. М. (2014). Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 17(5), 109–125.
- Уютный двор со сквером и голубятней. (2019). *Москва.Центр*. <https://caoinform.moscow/uyutnyiy-dvor-so-skverom-i-golubyatney/#gsc.tab=0>.

- Barua, M. (2013). Circulating elephants: Unpacking the geographies of a cosmopolitan animal. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 39(4), 559–573.
- Chiodelli, F., & Moroni, S. (2014). Typology of spaces and topology of toleration: City, pluralism, ownership. *Journal of Urban Affairs*, 36(2), 167–181.
- Euler, J. (2018). Conceptualizing the commons: Moving beyond the goods-based definition by introducing the social practices of commoning as vital determinant. *Ecological Economics*, 143, 10–16.
- Gissen, D. (2009). *Subnature: Architecture's other environments*. New York: Princeton Architectural Press.
- Gunko, M., Zupan, D., Riabova, L., Zaika, Y., & Medvedev, A. (2022). From policy mobility to top-down policy transfer: 'Comfortization' of Russian cities beyond neoliberal rationality. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 40(6), 1382–1400.
- Hinchliffe, S., & Whatmore, S. (2006). Living cities: Towards a politics of conviviality. *Science as Culture*, 15(2), 123–138.
- Hinchliffe, S., Kearnes, M., Degen, M., & Whatmore, S. (2005). Urban wild things: A cosmopolitical experiment. *Environment and Planning D: Society and Space*, 23(5), 643–658.
- Jerolmack, C. (2008). How pigeons became rats: The cultural-spatial logic of problem animals. *Social Problems*, 55(1), 72–94.
- Jerolmack, C. (2013). *The global pigeon*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lähteenmäki, M., & Murawski, M. (2023). Blagoustroistvo: Infrastructure, determinism, (re-) coloniality, and social engineering in Moscow, 1917–2022. *Comparative Studies in Society and History*, 65(3), 587–615.
- Lorimer, J. (2015). *Wildlife in the Anthropocene: Conservation after nature*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Toto, R., Grabkowska, M., Nientied, P., Smirnova, V., & Dragović, S. (2023). The uncommonness of urban commons in Central and Eastern European countries. *International Journal of the Commons*, 17(1), 155–173.
- Turner, M. (2009). *Extended organisms: The physiology of animal-built structures*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Verdery, K. (1999). Fuzzy property: Rights, power, and identity in Transylvania's decollectivization. In M. Burawoy & K. Verdery (Eds.), *Uncertain transition: Ethnographies of change in the postsocialist world* (pp. 53–81). Lanham: Rowman & Littlefield.
- Wolch, J. (1998). Zoöpolis. In J. Wolch & J. Emel (Eds.), *Animal geographies: Place, politics, and identity in the nature-culture borderlands* (pp. 119–138). London: Verso.
- Wolfe, C. (2012). *Before the law: Humans and other animals in a biopolitical frame*. Chicago: University of Chicago Press.

TRACES OF PRESENCE: THE DOVECOTE AS A COMMON GOOD, AN UNAUTHORIZED CONSTRUCTION, AND AN ELEMENT OF URBAN IMPROVEMENT

Varvara M. Eliseykina, Undergraduate Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; Moscow, Russian Federation.
E-mail: vmeliseykina@edu.hse.ru

Daria M. Maltseva, Lecturer, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8328-7032.
E-mail: dm.maltseva@gmail.com

Pigeons today are widely regarded as undesirable urban neighbors, prompting the development of hostile architecture and infrastructural restrictions. In Soviet Russia, however, pigeon breeding was both institutionally and symbolically supported, primarily through the construction of dovecotes. Following the collapse of the USSR, the symbolic status of pigeons shifted, yet the dovecote infrastructure persisted, although no legal framework for their preservation was ever established. This article analyzes, the factors shaping the fate of dovecotes in Moscow over the past decade through an examination of their legal status, spatial distribution, and public support. The principal driver of dovecote demolition has been campaigns against unauthorized construction. Urban improvement programs and new development projects have also contributed to their removal, though in a less systematic manner. Such “visible” interventions nonetheless create opportunities for the relocation or reconstruction of dovecotes. Public support, in turn, reduces the risk of demolition but more often leads to institutional transformation, eroding the characteristics of dovecotes as a common good and integrating them into a standardized, regulated urban environment. The article concludes with recommendations aimed at identifying a more sustainable existence for dovecotes within the urban environment.

Keywords: dovecotes; urban commons; unauthorized construction; urban improvement; Moscow

Citation: Eliseykina, V.M., & Maltseva D.M. (2026). Traces of Presence: The Dovecote as a Common Good, an Unauthorized Construction, and an Element of Urban Improvement. *Urban Studies and Practices*, 11(2), 59–78. <https://doi.org/10.17323/usp112202659-78>

References

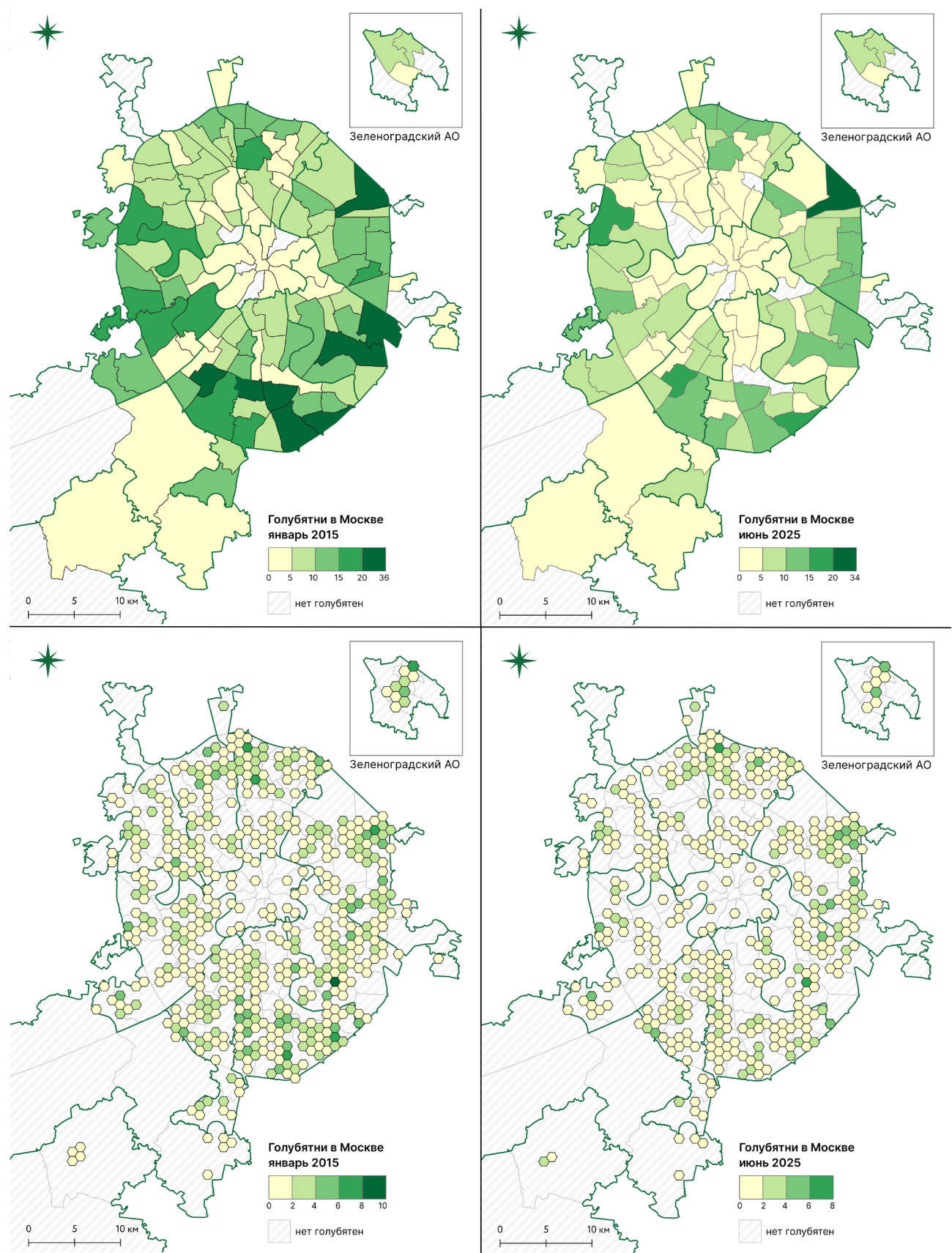
“Golubi dlinoyu v zhizn'” – kak zhivet samaya sovremennaya moskovskaya golubyatnya [“Pigeons a lifetime long” – how the most modern Moscow dovecote lives]. (2021). *RIAMO*. <https://riamo.ru/articles/istorii/golubi-dlinoyu-v-zhizn-kak-zhivet-samaya-sovremennaya-moskovskaya-golubyatnya-xl/> (in Russian).

- "Pod traktorom pogiblo ne meneye 15 ptentsov". V Moskve zoozashchitniki obratilis' v prokuraturu posle snosa golubyatni ["At least 15 chicks died under the tractor". In Moscow, animal rights activists appealed to the prosecutor's office after the demolition of a dove-cote]. (2020). *Takie dela*. <https://takiedela.ru/news/2020/08/29/golubi-v-golubyatne/> (in Russian).
- "Spetsial'nyy reportazh": V Moskve stalo men'she golubyaten ["Special report": There are fewer doves in Moscow]. (2012). *Moskva 24* [Moscow 24]. <https://www.m24.ru/shows1/4/3551> (in Russian).
- Al'piyskiye gorki i novaya golubyatnya: kak idet blagoustroystvo territoriy vozle budushchey stantsii Poklonnaya MTsD-4 [Alpine slides and a new dove-cote: How the improvement of territories near the future Poklonnaya MCD-4 station is going]. (2023). *Ofitsial'nyy sayt Mera Moskvy* [Official Website of the Mayor of Moscow]. <https://www.mos.ru/news/item/127626073/> (in Russian).
- Bakinskiye boynnye i krestovyye monakhi: moskvicham podarili novuyu golubyatnyu [Baku fighting and cross monks: Muscovites were given a new dove-cote]. (2019). *Vechernyaya Moskva* [Evening Moscow]. <https://vm.ru/moscow/755389-bakinskie-bojnye-i-krestovye-monahi-moskvicham-podarili-novuyu-golubyatnyu> (in Russian).
- Barua, M. (2013). Circulating elephants: Unpacking the geographies of a cosmopolitan animal. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 39(4), 559-573.
- Belyaeva, G., & Mikhaylin, V. (2020). Iz Utopii v Arkadiyu: migratsiya golubey i golubyatnikov v sovetskom kino [From Utopia to Arcadia: The migration of pigeons and pigeon breeders in Soviet cinema]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], (4), 219-239 (in Russian).
- Chiodelli, F., & Moroni, S. (2014). Typology of spaces and topology of toleration: City, pluralism, ownership. *Journal of Urban Affairs*, 36(2), 167-181.
- Euler, J. (2018). Conceptualizing the commons: Moving beyond the goods-based definition by introducing the social practices of commoning as vital determinant. *Ecological Economics*, 143, 10-16.
- Gissen, D. (2009). *Subnature: Architecture's other environments*. New York: Princeton Architectural Press.
- Glava upravy rayona Teplyy Stan goroda Moskvy [Head of the administration of the Teplyy Stan district of Moscow]. (2024). *Otchet o rezul'tatakh deyatel'nosti za 2024 god* [Report on the results of activities for 2024] (in Russian).
- Glava upravy rayona Yuzhnoye Medvedkovo goroda Moskvy [Head of the administration of the Yuzhnoye Medvedkovo district of Moscow]. (2022). *Otchet o rezul'tatakh deyatel'nosti za 2022 god* [Report on the results of activities for 2022] (in Russian).
- Golubyatni v Zelenograde: komu meshayut ptitsy? [Dove-cotes in Zelenograd: Who is bothered by the birds?]. (2021). *Prefektura Zelenogradskogo AO goroda Moskvy* [Prefecture of the Zelenogradsky AO of Moscow]. <https://zelao.mos.ru/presscenter/news/detail/9934066.html> (in Russian).
- Golubyatni XXI veka poyavilis' na proyezde Shokal'skogo [21st-century dove-cotes appeared on Shokalsky Passage]. (2022). *Rayonnaya internet-gazeta "Medvedkovo" SVAO Moskvy* [District internet newspaper "Medvedkovo" of the SVAO of Moscow]. <https://gazeta-medvedkovo-juzhnoe.ru/golubyatni-xxi-veka-poyavilis-na-proезде-shokalsko-go/> (in Russian).
- Gorlov, V.N. (2017). Poslevoyennyye dvory Moskvy kak osobaya moskovskaya obshchnost' [Post-war courtyards of Moscow as a special Moscow community]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences], (4), 108-113 (in Russian).
- Gunko, M., Zupan, D., Riabova, L., Zaika, Y., & Medvedev, A. (2022). From policy mobility to top-down policy transfer: 'Comfortization' of Russian cities beyond neoliberal rationality. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 40(6), 1382-1400.
- Hinchliffe, S., & Whatmore, S. (2006). Living cities: Towards a politics of conviviality. *Science as Culture*, 15(2), 123-138.
- Hinchliffe, S., Kearnes, M., Degen, M., & Whatmore, S. (2005). Urban wild things: A cosmopolitical experiment. *Environment and Planning D: Society and Space*, 23(5), 643-658.
- Jerolmack, C. (2008). How pigeons became rats: The cultural-spatial logic of problem animals. *Social Problems*, 55(1), 72-94.
- Jerolmack, C. (2013). *The global pigeon*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kalashnikov, N. (2002). Moskva. Okrainy [Moscow. Suburbs]. *Logos*, (3-4), 135 (in Russian).
- Krylatyye krysy: kak etichno reshit' problemu gorodskikh golubey [Winged rats: How to ethically solve the problem of urban pigeons]. (2021). *Nozh* [Knife]. <https://knife.media/pigeon-problem/> (in Russian).
- Lähteenmäki, M., & Murawski, M. (2023). Blagoustroistvo: Infrastructure, determinism, (re-) coloniality, and social engineering in Moscow, 1917-2022. *Comparative Studies in Society and History*, 65(3), 587-615.
- Lebedeva, E.V. (2016). Transformatsiya publichnogo prostanstva postsovetsskikh gorodov [Transformation of the public space of post-Soviet cities]. *Sotsiologiya* [Sociology], (4), 107-115 (in Russian).
- Legendy Krylatskogo. Skver v chest' vossoyedineniya narodov Kryma i RF, ili "V gostyakh u golubey" [Legends of Krylatskoye. Square in honor of the reunification of the peoples of Crimea and the Russian Federation, or "Visiting the pigeons"]. (2023). *Krylatskoye.ru*. <https://www.krylatskoye.ru/content/today/index30.html> (in Russian).
- Lorimer, J. (2015). *Wildlife in the Anthropocene: Conservation after nature*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Mer Moskvy [Mayor of Moscow]. (1998). Rasporyazheniye № 299-RM ot 30.03.1998 "O dopolnitel'nykh merakh po uporyadocheniyu razmeshcheniya i stroitel'stva nekapital'nykh ob'yektov na territorii g. Moskvy" [Order No. 299-RM of 30.03.1998 "On additional measures to streamline the placement and construction of non-capital objects on the territory of Moscow"] (in Russian).
- Na naberezhnoy Shitova poyavitsya novaya golubyatnya [A new dove-cote will appear on Shitov Embankment]. (2019). *Uprava rayona Chertanovo Severnoye goroda Moskvy* [Administration of the Chertanovo Severnoye District of Moscow]. <https://chertanovo-severnoe.mos.ru/>

- ru/presscenter/news-area/detail/8369806.html (in Russian).
- Okruzhnaya komissiya po presecheniyu samovol'nogo stroitel'stva na territorii Severo-Vostochnogo administrativnogo okruga goroda Moskvy [District Commission for the Suppression of Unauthorized Construction in the North-Eastern Administrative District of Moscow]. (2017). Protokol zasedaniya № 10 ot 17.10.2017 [Minutes of the meeting No. 10 of 17.10.2017] (in Russian).
- Okruzhnaya komissiya po presecheniyu samovol'nogo stroitel'stva na territorii Yuzhnogo administrativnogo okruga goroda Moskvy [District Commission for the Suppression of Unauthorized Construction in the Southern Administrative District of Moscow]. (2024). Protokol zasedaniya № 4 ot 17.06.2024 [Minutes of the meeting No. 4 of 17.06.2024] (in Russian).
- Pravitel'stvo Moskvy [Government of Moscow]. (2008). Postanovleniye № 1139-PP ot 16.12.2008 "Ob utverzhdenii Polozheniya o razmeshchenii i ustanovke na territorii goroda Moskvy ob'yektov, ne yavlyayushchikhsya ob'yektami kapital'nogo stroitel'stva" [Resolution No. 1139-PP of 16.12.2008 "On approval of the Regulation on the placement and installation on the territory of the city of Moscow of objects that are not objects of capital construction"] (in Russian).
- Pravitel'stvo Moskvy [Government of Moscow]. (2011). Postanovleniye № 234-PP ot 31.05.2011 "Ob organizatsii raboty po vyavleniyu i presecheniyu samovol'nogo stroitel'stva na territorii goroda Moskvy" [Resolution No. 234-PP of 31.05.2011 "On the organization of work on the identification and suppression of unauthorized construction on the territory of the city of Moscow"] (in Russian).
- Pravitel'stvo Moskvy [Government of Moscow]. (2012a). Postanovleniye № 614-PP ot 02.11.2012 "Ob utverzhdenii polozheniya o vzaimodeystvii organov ispolnitel'noy vlasti goroda Moskvy pri organizatsii raboty po osvobozhdeniyu zemel'nykh uchastkov ot nezakonno razmeshchennykh na nikh ob'yektov, ne yavlyayushchikhsya ob'yektami kapital'nogo stroitel'stva, v tom chisle osushchestvleniyu demon-tazha i (ili) peremeshcheniya takikh ob'yektov" [Resolution No. 614-PP of 02.11.2012 "On approval of the regulation on interaction of executive authorities of the city of Moscow in organizing work to free land plots from illegally placed objects that are not objects of capital construction, including the dismantling and (or) relocation of such objects"] (in Russian).
- Pravitel'stvo Moskvy [Government of Moscow]. (2012b). Postanovleniye № 636-PP ot 13.11.2012 "O razmeshchenii i ustanovke na territorii goroda Moskvy ob'yektov, ne yavlyayushchikhsya ob'yektami kapital'nogo stroitel'stva, i o predostavlenii zemel'nykh uchastkov dlya tseley, ne svyazannykh so stroitel'stvom" [Resolution No. 636-PP of 13.11.2012 "On the placement and installation on the territory of the city of Moscow of objects that are not objects of capital construction, and on the provision of land plots for purposes not related to construction"] (in Russian).
- Prefektura Yuzhnogo administrativnogo okruga goroda Moskvy [Prefecture of the Southern Administrative District of Moscow]. (2017). Rasporyazheniye № 01-41-123 ot 13.03.2017 "O razmeshchenii Panteleyevym A.A. golubyatni na zemel'nom uchastke po adresu: ul. Podolskikh Kursantov, d. 12, korp. 1, str. A" [Order No. 01-41-123 of 13.03.2017 "On the placement of a dovecote by A.A. Panteleev on a land plot at the address: Podolskikh Kursantov st., 12, bldg. 1, structure A"] (in Russian).
- Prefektura Yuzhnogo administrativnogo okruga goroda Moskvy [Prefecture of the Southern Administrative District of Moscow]. (2019). Rasporyazheniye № 01-10-243 ot 05.06.2019 "O razmeshchenii Mironovym S.A. golubyatni na zemel'nom uchastke po adresu: ul. Voronezhskaya, vl. 54" [Order No. 01-10-243 of 05.06.2019 "On the placement of a dovecote by S.A. Mironov on a land plot at the address: Voronezhskaya st., possession 54"] (in Russian).
- Prefektura Yuzhnogo administrativnogo okruga goroda Moskvy [Prefecture of the Southern Administrative District of Moscow]. (2023). Rasporyazheniye № 01-10-77 ot 06.03.2023 "O razmeshchenii Uspenskim Yu. A. golubyatni na zemel'nom uchastke po adresu: ul. Yerevanskaya, d. 25" [Order No. 01-10-77 of 06.03.2023 "On the placement of a dovecote by Yu. A. Uspensky on a land plot at the address: Erevanskaya st., 25"] (in Russian).
- Proyekt tipovogo golubynogo pitomnika [Project of a standard pigeon nursery]. (2021). *Magly Proekt*. <https://maglyproekt.com/projects/golob> (in Russian).
- Renovatsiya v Ochakovo: tochechnaya zastroyka, snos golubyaten, "KROST-D" i chuchelo "stroitel'noy mafii" [Renovation in Ochakovo: infill development, demolition of dovecotes, "KROST-D" and the effigy of the "construction mafia"]. (2019). *Ochakovo-Matveyevskoye on-layn* [Ochakovo-Matveyevskoe Online]. https://www.omonline.ru/articles/2019/03/11_renochakovo/ (in Russian).
- Romantika cherdakov i krysh: kak postroit' golubyatnyu v Moskve [Romance of attics and roofs: How to build a dovecote in Moscow]. (2014). *Moskva 24* [Moscow 24]. <https://www.m24.ru/articles/pticy/08072014/49494> (in Russian).
- SanPiN 2.2.1/2.1.1.1200-03 "Sanitarno-zashchitnyye zony i sanitarnaya klassifikatsiya predpriyatiy, sooruzheniy i inyykh ob'yektov" [SanPiN 2.2.1/2.1.1.1200-03 "Sanitary protection zones and sanitary classification of enterprises, structures and other objects"]. (2003) (in Russian).
- Slomat' nel'zya podvinut'. Sud'bu golubyaten v 9 mikrorayone reshayut vlasti i sosednyaya stroyka [Cannot break, must move. The fate of dovecotes in the 9th microdistrict is decided by the authorities and a neighboring construction site]. (2019). *Zelenograd.ru*. <https://www.zelenograd.ru/news/47236/> (in Russian).
- Sobyanin rasskazal o blagoustroystve parka v poymakh Shmelyovki i Kuznetsovki na yuge stolitsy [Sobyanin told about the improvement of the park in the floodplains of Shmelevka and Kuznetsovka in the south of the capital]. (2023). *Metro*. <https://www.gazetametro.ru/articles/sobyanin-rasskazal-o-blagoustroystve-parka-v-pojmah-shmelevki-i-kuznetsovki-na-yuge-stolitsy-14-11-2023> (in Russian).
- Sosedi soobshchayut o snose golubyatni vo dvore mezhdz 4-m i 6-m Rostovskimi pereulkami—vmeste s ptitsami i ptentsami [Neighbors report the demolition of a dovecote in the courtyard between the 4th and 6th Rostovsky lanes—along with birds and chicks]. (2025). *Sekretnyye Khamovniki* [Secret Khamovniki]. <https://t.me/shamovniki/5168?single> (in Russian).
- Toto, R., Grabkowska, M., Nientied, P., Smirnova, V., &

- Dragović, S. (2023). The uncommonness of urban commons in Central and Eastern European countries. *International Journal of the Commons*, 17(1), 155–173.
- Turner, M. (2009). *Extended organisms: The physiology of animal-built structures*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tykanova, E.V., & Khokhlova, A.M. (2014). Konflikt prav sobstvennosti v postsovetском gorode (na primere sluchayev snosa garazhey v Sankt-Peterburge) [Conflict of property rights in a post-Soviet city (on the example of garage demolition cases in St. Petersburg)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 17(5), 109–125 (in Russian).
- Uyutnyy dvor so skverom i golubyatney [Cozy courtyard with a square and a dovecote]. (2019). *Moskva. Tsentr* [Moscow.Center]. <https://caoinform.moscow/uyutnyiy-dvor-so-skverom-i-golubyatney/#gsc.tab=0> (in Russian).
- V Izmaylove postroili most i snesli golubyatnyu [A bridge was built and a dovecote was demolished in Izmailovo]. (2019). *Rayonnaya gazeta "Izmaylovo"* [District newspaper "Izmailovo"]. <https://газетаизмайлово.рф/v-izmajlove-postroili-most-i-snesli-golubyatnyu/> (in Russian).
- V Khoroshevo-Mnyovnikakh otkryli dvukhetazhnuyu golubyatnyu [A two-story dovecote was opened in Khoroshevo-Mnevniki]. (2023). *Prefektura SZAO goroda Moskvuy* [Prefecture of the SZAO of Moscow]. <https://szao.mos.ru/presscenter/news/detail/11828442.html> (in Russian).
- Verdery, K. (1999). Fuzzy property: Rights, power, and identity in Transylvania's decollectivization. In M. Burawoy & K. Verdery (Eds.), *Uncertain transition: Ethnographies of change in the postsocialist world* (pp. 53–81). Lanham: Rowman & Littlefield.
- Wolch, J. (1998). Zoöpolis. In J. Wolch & J. Emel (Eds.), *Animal geographies: Place, politics, and identity in the nature-culture borderlands* (pp. 119–138). London: Verso.
- Wolfe, C. (2012). *Before the law: Humans and other animals in a biopolitical frame*. Chicago: University of Chicago Press.
- Zakon. (2007). *Zakon goroda Moskvuy "O zemlepolzovanii v gorode Moskve" ot 19.12.2007 No. 48* [Law of the city of Moscow "On land use in the city of Moscow" of December 19, 2007 No. 48]. (in Russian).
- Zhiteli mikrorayona Ochakovo vyshli na ulitsu dlya zashchity dvora ot tochechnoy zastroyki [Residents of the Ochakovo microdistrict took to the street to protect the courtyard from infill development]. (2019). *NASH RAYON [OUR DISTRICT]*. <https://nash-raion.ru/viewtopic.php?t=10112> (in Russian).

Приложение 1

Концентрация голубятен в Москве по состоянию на январь 2015 г. и июнь 2025 г.

Источник: составлено авторами на основе данных Wikimapia, окружных комиссий по пресечению самовольного строительства и «Яндекс. Панорам». Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap.

Грачи раздора

Анна Мельникова

Введение. Город как арена антропо-зоологического конфликта

Фраза «Грачи раздора» вынесена в заголовок статьи не случайно — она родилась как ассоциативное обобщение многолетних споров в комментариях к публикациям об уничтожении гнездовой грача в городе Бузулуке. Именно эта метафора стала отправной точкой для исследования конфликта человека и природы, или, точнее, конфликта нечеловеческих и человеческих животных. Город исторически конструировался в сознании людей и практике как исключительно антропогенное пространство, цитадель культуры, разума и порядка, принципиально противопоставленная хаосу и стихийности природы. Однако процессы всеобщей урбанизации, сопровождающиеся расширением городских территорий, трансформацией ландшафтов и созданием новых экологических ниш, привели к неожиданному (но лишь для некоторых) результату. Городская среда, вопреки изначальным интенциям, не осталась местом жизни исключительно человека, а стала убежищем и новым домом для множества видов нечеловеческих животных, выработавших стратегии синантропизации — адаптации к жизни рядом с людьми. Одним из наиболее успешных и при этом наиболее проблематизируемых синантропных организмов является представитель семейства врановых — грач (*Corvus frugilegus*). Сложная социальная организация, пластичное поведение и высокий интеллект позволили этой птице идеально приспособиться к условиям антропогенных ландшафтов. Присутствие грача в городском пространстве перестало быть маркером «естественности» или «экологической чистоты», а превратилось в индикатор острейших социальных, этических и экологических противоречий современного города. В спорах вокруг колоний сталкиваются не просто разные мнения или интересы, а радикально различные системы ценностей, способы восприятия реальности и конструирования границ между «своим» и «чужим», «культурным» и «природным».

Среднестатистический средний российский город Бузулук с его 88-тысячным населением и характерной постсоветской структурой (разделение на микрорайоны панельной застройки и исторический центр) представляет собой интересную модель для изучения этого конфликта. Этот конфликт сконцентрирован вокруг самого озелененного четвертого микрорайона и обусловлен регулярной санитарной вырубкой старых насаждений. Снижение числа подходящих мест для гнездований вынуждает колонии грачей перемещаться в этот микрорайон и расположенную там же рекреационную аллею «Дружба». Аллея со взрослыми березами служит точкой притяжения как для жителей микрорайонов, так и для грачей. Высокая концентрация человеческих животных, грачей и других биологических видов не только очевидна при непосредственном наблюдении, но и подтверждается данными гражданской науки в рамках проекта «Биота Оренбуржья» на платформе iNaturalist. В результате столь близкого соседства и кон-

Мельникова Анна Валентиновна, независимый исследователь, специалист в области социокультурного проектирования, локальной идентичности и актуализации культурного наследия, культуры малых городов; Бузулук, Российская Федерация.
E-mail: anna.melnikova@mail.ru

В статье на примере затяжного конфликта вокруг грачиных колоний (*Corvus frugilegus*) в малом российском городе Бузулуке исследуется проблема сосуществования человека и нечеловеческих акторов в урбанизированной среде. Конфликт анализируется не как узкоэкологическая или санитарная проблема, а как мировоззренческий разрыв и ценностное столкновение между антропоцентрическим и биоцентрическим восприятием города. Теоретическую рамку образуют эссе Томаса Нагеля «Каково быть летучей мышью?», проблематизирующее невозможность полной редукции чужого опыта, а также концепции агентности, интенциональности (Уты Юргенс) и континуума «конфликт-сосуществование» (Беатрис Франк). Эмпирическую базу составляет цифровая этнография дискуссий в паблике «Подслушано Бузулук» (2015–2025), интервью с орнитологами и зоозащитниками, а также данные гражданской науки. Демонстрируется, что грачи становятся «объектом раздора», раскрывающим глубинную онтологическую борьбу за право определять город либо как пространство тотального санитарного контроля, либо как многовидовое сообщество. В статье делается вывод, что эффективные стратегии управления конфликтом требуют не силового подавления, а признания агентности грачей, экологического просвещения и перехода от логики уничтожения к этике асимметричного сосуществования. Ключевой вызов для малых российских городов сегодня заключается не в том, чтобы «решить грачиный вопрос» раз и навсегда, а в том, чтобы признать неизбежность такого соседства и превратить конфликт из точки напряжения в ресурс для формирования новой, более ответственной городской экологической политики.

Ключевые слова: конфликт человеческих и нечеловеческих животных; грач; урбанизация; сосуществование человека и дикой природы; синантропизация; интенциональность; Бузулук

Цитирование: Мельникова, А. В. (2026). Грачи раздора, *Городские исследования и практики*, 11(2), 79–91. <https://doi.org/10.17323/usp112202679-91>

курении за любимое пространство аллея аккумулирует и многократно усиливает всю палитру человеческих реакций – от инстинктивного неприятия и агрессии до попыток рационального осмысления, эмпатии и активной защиты. Этот локальный конфликт не уникален, он повторяется от весны к весне в городах со схожими планировками и схемами ухода за городским озеленением. Но также является и отражением глобальной антропо-экологической проблемы: как человеческому виду, достигшему доминирования на планете, научиться сосуществовать с иными видами-компаньонами, не пытаясь ни тотально их уничтожить, ни насильственно очеловечить и не игнорируя их агентность.

Эта статья ставит своей целью провести детальный анализ бузулукского кейса через призму междисциплинарного комплекса современных концепций, объединяющих естественные и общественные науки. Я опираюсь на теорию атрибуции интенциональности животным, концептуализирующую то, как люди приписывают животным сознание и намерения [Jürgens, 2022], концепцию шкалы «конфликт-сосуществование» [Frank, Glikman, 2019], философскую концепцию эпистемологического разрыва [Нагель, 2003] и подходы из области исследований взаимодействия человека и животных, антропозоологию. Мое предположение состоит в том, что «грачиный вопрос» в его современном звучании – это не узковедомственная проблема коммунальной санитарии или прикладной орнитологии, а комплексный этико-экологический вызов, требующий для своего разрешения преодоления глубинного антропоцентризма и пересмотра самих основ отношения человека к Другому в лице городской фауны.

Теоретические рамки: инаковость, интенциональность и разрыв в опыте

Взаимодействие человека и природы, будь то конфликт или мирное сосуществование, проходит по линии, разделяющей нас, человеческих животных, и их – нечеловеческие виды. Это разделение часто провоцирует конфликты между человеком и природой за счет формирования строго антропогенных сред, примером которых служит город. Парадоксально то, что, создавая пространства жизни исключительно для себя, мы стремимся вернуть фрагменты природы в города, создавая скверы, аллеи и парки, тем самым присваивая себе право жить в пространстве природы в одиночестве. И когда в этих очагах природы появляются другие биологические виды, мы воспринимаем их появление как угрозу и стремимся изгнать иных жильцов.

Взаимодействие с потенциально проблемными животными порождает спектр интенсивных и полярных эмоциональных реакций. Наделяя нечеловеческих животных интенциональностью, люди начинают чувствовать себя объектами их целенаправленного поведения. «Интенциональность» в психологии обозначает состояние, в котором существо преследует

цель. Мы склонны воспринимать себя объектами, которым животные-агенты хотят помешать, что является универсальной чертой конфликтов между человеком и дикой природой, которая соопределяется экологией дикой природы и человеческой психологией. То есть проблемные дикие животные бросают вызов человеческому суверенитету над природой. Экстраполируя человеческие намерения на нечеловеческих животных, мы создаем условия для конфликта.

Теоретической рамкой статьи стала теория «конфликт-сосуществование», предложенная Беатриче Франк и Дженни А. Гликман. Исследовательницы утверждают, что взаимодействие человека и дикой природы не является статичной дихотомией, а представляет собой динамический спектр, на одном конце которого находится полное уничтожение нежелательного вида, а на другом – гармоничная коадаптация [Frank, Glikman, 2019, p. 11]. Действия коммунальных служб, вырубаящих деревья с гнездами, отражают установку на тотальный контроль и устранение источника конфликта, что соответствует крайней позиции этого явления. В то же время практики горожан, подкармливающих птиц и выступающих в их защиту в соцсетях, демонстрируют движение навстречу толерантности – готовности мириться с определенными издержками ради присутствия другого вида. Ключевым понятием здесь является «толерантность» – готовность людей мириться с определенными издержками от соседства с дикой природой. Эта толерантность зависит не от устранения всех неудобств, а от переосмысления ситуации: восприятия грачей не как вредителей, а как законных соседей, чье присутствие обогащает городское биоразнообразие. Это переход от вопроса «Как нам избавиться от грачей?» к вопросу «Как нам сделать совместное проживание с грачами максимально бесконфликтным?». Главный вывод Франк и Гликман заключается в том, что переход к сосуществованию осуществляется не через устранение всех неудобств (что утопично), а через их переосмысление, когда экологическая и этическая ценность соседства с дикой природой начинает перевешивать связанные с ним временные неудобства [Frank, Glikman, 2019, p. 9].

Следующей теорией, в рамках которой я рассматриваю конфликт, стало исследование Уты Марии Юргенс. Конфликт в Бузулуке также коренится в фундаментальной склонности человека приписывать диким животным сложные интенции, направленные лично на него: люди проецируют на животных мотивы бунта, угрозы или, реже, установления отношений. Юргенс в статье «Я волк – я прав», опираясь на серию глубинных интервью о волках, врановых и пауках, классифицировала четыре основных мотива взаимодействия: бунт (вызов человеческому порядку), угроза (физическая опасность), реляционность (стремление к отношениям) и непреднамеренность [Jürgens, 2022, p. 11]. В бузулукском кейсе мы видим, как работают эти мотивы: гра-

чей обвиняют в «бунте» («наглые», «террористы») и «угрозе» (антисанитария), тогда как защитники видят в них потенциальных партнеров по «отношениям». Проблема, как отмечает приматолог и этолог Франс де Вааль, заключается в колебании между двумя крайностями: «антропоморфизмом» (приписыванием человеческих чувств) и «антропоотрицанием» — априорным отрицанием наличия у животных каких-либо психических качеств, сходных с человеческими [Waal, 1999]. И то и другое мешает увидеть грача таким, какой он есть, — отличным от человека, но обладающим собственной, нечеловеческой субъектностью и агентностью. На примере Бузулука я покажу, как грачи последовательно описываются в терминах «бунта» и «угрозы»: их называют «наглыми», «террористами», обвиняют в преднамеренном нарушении порядка и чистоты. Такое восприятие, как отмечает Юргенс, особенно характерно для умных и адаптивных видов, чье поведение кажется не случайным, а расчетливым и потому враждебным. Это превращает экологическое взаимодействие в личный конфликт, где грач воспринимается не как животное, следующее инстинкту, а как сознательный оппонент, бросающий вызов власти человека над городским пространством.

Однако подобное приписывание человеческих намерений другим видам порождает когнитивную ошибку. Томас Нагель в своей статье «Каково быть летучей мышью?» обосновал тезис о принципиальной невозможности полностью постичь внутренний опыт другого существа. Мы никогда не сможем узнать, «каково быть грачом». Наши жалобы на их «пронзительные крики» — это взгляд извне, с человеческой колокольни. Для самого грача его голос — это самый сложный инструмент коммуникации, поддержания социальных связей в колонии, координации действий, предупреждения об опасности. Нагель говорит: «Наш опыт предоставляет основной материал нашему воображению, которое, таким образом, ограничено... Все, что я могу себе вообразить, говорит мне лишь о том, как бы почувствовал себя я, если бы вздумал вести себя как летучая мышь. Но я ставил вопрос не так! Я хочу знать, как чувствует себя изнутри сама летучая мышь» [Нагель, 2003, с. 350]. Конфликт усугубляется тем, что мы даже не пытаемся признать существование этого непреодолимого разрыва, оставаясь в плену собственного опыта и проецируя его на другого.

Однако, как подчеркивает Франк, зачастую подобные конфликты маскируют более глубокое противоречие — конфликт между самими людьми по поводу того, как следует обращаться с дикой природой. В Бузулуке столкновение происходит не столько между людьми и грачами, сколько между двумя группами горожан с противоположными ценностными ориентациями: одни отстаивают право на антропоцентрический комфорт и чистоту, другие — право природы на существование в городе. При этом, как справедливо замечает Юргенс, и те и другие склонны к антропоморфизации, будь то де-

монизация («грачи специально мешают нам спать») или романтизация («грачи расстроились из-за вырубки деревьев»). Оба подхода мешают увидеть грача как иное, нечеловеческое существо, действующее в рамках собственной, чуждой нам логики.

Таким образом, путь к разрешению конфликта лежит в признании этого двойного искажения. Необходимо сместить фокус с вопроса «Как нам избавиться от грачей?» на вопрос «Как нам сделать совместное проживание приемлемым для обеих сторон?», что полностью согласуется с аргументацией Франк и Гликман о необходимости включения концепций толерантности и коэзистенции в природоохранную повестку [Frank, Glikman, 2019, p. 8]. Это требует отказа от риторики конфликта, порождаемой приписыванием грачам злого умысла, и перехода к прагматике управления, основанной на экологическом знании, а также признания асимметричной ответственности человека как более мощного агента в городской экосистеме.

Анатомия конфликта: два взгляда на одну птицу в зеркале бузулукского дискурса

Реакции человеческих животных на появление нечеловеческих животных в черте города обнаруживают, что столкновение разворачивается не столько по линии «человек–природа», сколько по линии «человек–человек». Источником напряжения становятся сами горожане, вынужденные делить городские ландшафты с нечеловеческими обитателями и претерпевающие последствия этого соседства.

Но сперва описание проблемного соседа. Прежде чем перейти к анализу конфликта, необходимо дать целостный портрет его главного нечеловеческого участника, избегая как демонизации, так и романтизации. Грач — типичный и высокоорганизованный представитель семейства врановых (*Corvidae*), птица, чья биология и поведенческий репертуар делают ее идеальным кандидатом на роль «проблемного соседа» в урбанизированной среде.

Как подробно описывает Союз охраны птиц России, грач — вид с богатейшей культурно-исторической биографией. В славянской традиции он прочно утвердился в качестве одного из ключевых фенологических маркеров — вестника весны, героя народного праздника Герасима-грачевника (17 марта), с которым связано множество примет и поговорок: «Грач на горе — так и весна на дворе», «Грач прилетел — через месяц снег сойдет». Его экология изначально была тесно связана с человеческой деятельностью: он избегает сплошных лесных массивов, предпочитая мозаичные сельскохозяйственные ландшафты, опушки, перелески. С середины XX века, с реализацией «Сталинского плана преобразования природы» и созданием сети полезащитных лесополос, грач начал активно расширять ареал, образуя многочисленные колонии — грачевники. Современные тенденции — потепление климата, со-

крашение снегового покрова, рост городов с их обилием пищевых отходов — привели к тому, что грачи массово стали оставаться на зимовку значительно севернее своих традиционных ареалов.

Ключевые адаптационные стратегии обуславливают как успех вида, так и остроту конфликта с человеком. Грачи демонстрируют явную колониальность, гнездясь большими плотными группами на ограниченном числе подходящих деревьев или, как показал опыт Харькова 1980-х [Надточий, Зиоменко, 2013, с. 1795], на опорах ЛЭП при отсутствии деревьев, что делает их присутствие видимым, сконцентрированным и потому легко воспринимаемым как «нашествие». Динамичная структура колоний, ежегодное изменение количества и расположения гнезд [Надточий, Зиоменко, 2013, с. 1794] создает у человека ощущение неконтролируемости и масштабности процесса. Эти птицы отличаются высокой пластичностью поведения и высоким уровнем синантропизации: способность кардинально менять кормовые стратегии, эффективно использовать антропогенные ресурсы (места скопления отходов, свалки, поля) и осваивать для гнездования искусственные сооружения делает вид чрезвычайно устойчивым к попыткам его «выдавливания» из среды. Как отмечают исследователи, в условиях города грач существенно меняет образ жизни, а твердое покрытие улиц увеличивает дальность его полетов за кормом от колонии [Константинов, Лебедев, 2009, с. 1781]. Грач — одна из самых умных птиц, демонстрирующая высокий интеллект и сложную социальную организацию. Это, пожалуй, самый важный аспект, игнорируемый в публичном дискурсе. Как подчеркивает орнитолог Елена Чернова, процесс обучения птенцов грачей длится несколько месяцев, что является признаком высокоразвитых видов со слабо выраженной интуицией [см. Приложение 1. Интервью]. Это не биологические автоматы, действующие исключительно на основе инстинктов, а существа со сложной системой коммуникации (их вокализация — это своего рода «вежливый и связный разговор»), способностью к социальному обучению и передаче групповых навыков. Именно этот комплекс качеств — явная видимость, поведенческая пластичность и развитый интеллект — с одной стороны, позволяет грачу триумфально выживать в изменяющемся мире человека, а с другой — провоцирует наиболее острую эмоциональную реакцию со стороны горожан. Его поведение воспринимается не как слепая сила природы, а как осознанное, расчетливое и потому особенно «наглое» вторжение иного агента в суверенное человеческое пространство.

Ядро конфликта раскрывается в публичном поле, и наиболее репрезентативной площадкой для его анализа является местное сообщество «Подслушано Бузулук» в социальной сети «ВКонтакте» (122,5 тыс. участников) и телеграме (33,3 тыс. участников). Тщательный анализ постов и комментариев за десятилетний период (2015–2025) показывает сложный

и поляризованный эмоциональный ландшафт, сформировавшийся вокруг темы грачей. Эмоциональный настрой комментаторов можно разделить на четыре четко выраженных блока: агрессия и неприятие; ирония, сарказм и цинизм; возмущение и защита; рациональный прагматизм.

Значительная часть комментаторов проявляют агрессию и демонстрируют открытую враждебность и антропоцентрическую позицию. Для этой группы характерны лексика дегуманизации и демонизации: использование слов «твари», «вороньё», «террористы», сравнение с фильмом Альфреда Хичкока «Птицы». Это свидетельствует о том, что грачи воспринимаются не просто как помехи, а как сознательный, враждебный агент. Часть комментаторов призывает уничтожить птиц, либо одобряет их уничтожение. Эмоциональная основа этих высказываний — гнев, отвращение и фрустрация, вызванные снижением привычного уровня комфорта и ухудшением санитарных условий. Уничтожение обосновывается их негативным воздействием на город («обосрали всё», «источник шума»), что позволяет оправдать их вытеснение за пределы города.

Ироничный и саркастичный пласт настроений служит инструментом дистанцирования от проблемы и обесценивания позиции оппонентов. Часть бузулчан высмеивает проблемы, оставляя комментарии наподобие «Просто будьте на позитиве и будет вам счастье», «Какие мы нежные», которые, по сути, являются защитной реакцией, маскирующей нежелание разрешать сложный этический конфликт. Часть горожан обесценивает проявление сострадания, задавая риторические вопросы («Грача жалко?», «А за мышей свечи ставить?») и обвиняет собеседника в гипертрофированной чувствительности в ущерб людским проблемам («На людей всем наплевать!»). Это отражает мировоззренческий раскол между антропоцентрическим и биоцентрическим взглядами.

На противоположном полюсе находится значительная группа пользователей, чьи сильные негативные эмоции направлены не на птиц, а на действия самих людей. В данном блоке комментариев, направленных на защиту птиц, преобладает мотив морального осуждения. Люди используют яркую эмоциональную лексику для описания действий коммунальных служб и жестоких людей — «варвары», «нелюди», «живодерство». Ключевые эмоции здесь — шок, негодование и стыд за действия других людей. Через обращение к эмпатии и антропоморфизацию горожане проецируют на грачей человеческие чувства и состояния — «Птицы с ума сходят», «Ищут свои гнезда», «Бедные птички». Это служит мощным эмоциональным инструментом для мобилизации сочувствия и поддержки, хотя и с научной точки зрения является наивным антропоморфизмом. К этому же блоку комментариев можно отнести высказывания, выражающие глубокую тревогу по поводу нарушения природного баланса. Бузулчане связывают уничтожение грачей с более широкими процессами

экологической деградации («Город превратится в настоящую степь», «Где жить и чем питаться птицам?»). Это отражает не просто жалость к конкретным птицам, но и серьезные опасения по поводу вмешательства в экологию.

Немногочисленная, но значимая группа комментаторов дистанцируется от эмоционального противостояния и предлагает прагматичные решения. Горожане критикуют неэффективность предлагаемых действий и указывают, что уничтожение гнезд бесполезно («Грачи снова отстроят») и лишь вредит деревьям. Жители предлагают искать решения, учитывающие интересы обеих сторон (замена пород деревьев, установка ультразвуковых отпугивателей, перенос сроков работ). Это свидетельствует о настроенности на диалог и поиск способов сосуществования, а не уничтожения.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать, что сообщество расколото на две полярные группы с разными системами ценностей: антропоцентрической (комфорт человека и чистота среды превыше всего) и биоцентрической (право природы на существование в городе).

В первой группе доминирует антропоцентрический нарратив, в котором грач – деструктивный разрушитель спокойствия и порядка. В этом дискурсе, часто преобладающем в институциональных практиках (действия коммунальных служб), грач последовательно конструируется как источник дискомфорта, хаоса, загрязнения и угрозы установленному человеческому порядку. Его присутствие интерпретируется в терминах агрессии, патогенности и умышленного посягательства на суверенитет человека над городским пространством.

Для представителей этой группы грач выступает символом загрязнения и антисанитарии. Наиболее частые и эмоционально заряженные жалобы: «Испачкан весь грачами», «Круглосуточно оружие грачи», «Заливают деревья пометом, в результате чего они засыхают». Птичий помет и громкие звуки колонии трактуются не как естественные и неизбежные проявления жизнедеятельности иного биологического вида, а как источники антисанитарии, последствия преднамеренного вандализма и злонамеренного нарушения тишины. В посте от 1 апреля 2022 года пользователь жалуется на невозможность пройти к городской больнице из-за запаха и помета, требуя «срочно» вырубить деревья [анализ постов]. Ключевой концепт здесь – «мешают», который сводит сложное экологическое взаимодействие к простой помехе для человеческой деятельности.

Гораздо более показателен пласт высказываний, в которых грачи воспринимаются как иррациональная, почти трансцендентная сила, бросающая вызов человеческому контролю. Комментарии вроде «грачи-террористы» [анализ постов] или сравнение с фильмом Хичкока «Птицы» указывают на глубокую экзистенциальную тревогу, вызванную массовым, неконтролируемым и «разумным» присутствием нечеловеческих акторов. Как точно отмечает Ута Ма-

рия Юргенс в своем исследовании, люди склонны приписывать животным сложные намерения, и один из ключевых мотивов – «бунт» – восприятие поведения животного как осознанного вызова человеческой гегемонии [Jürgens, 2022, p. 9]. В посте от 25 ноября 2018 года анонимный пользователь прямо заявляет: «Птицы разносят холеру, оспу, дифтерию», призывая к их уничтожению, как в «нормальных городах». Это классический пример конструирования образа врага через нарратив заразы и угрозы.

В нарративе «грач-вредитель» существование птицы сводится к одной-единственной негативной функции: «источник грязи», «источник шума», «вредитель». Этот подход, игнорирующий сложность, целостность и экологическую роль животного, методологически родственен философской критике редукционизма, которую Томас Нагель направлял против попыток свести все богатство сознания к простым физическим или химическим процессам. Птица воспринимается не как целостное существо, а как совокупность проблемных аспектов, подлежащих устранению.

Сторонники биоцентрического подхода, в рамках которого грач рассматривается как жертва, сосед и объект заботы, высказывают противоположное мнение. Чаще всего оно звучит из уст зоозащитников, экологов и комментаторов-экозащитников. Они стремятся сместить фокус с человеческого комфорта на право животного на существование и его самоценность, апеллируя к аргументу об экологической значимости вида. Подчеркивается утилитарная, но важная функция грачей: уничтожение насекомых-вредителей, личинок майских жуков. Их представляют как важное и незаменимое звено городской экосистемы, исчезновение которого может привести к непредсказуемым нарушениям экологического баланса. «Если его убрать из города, то нарушится биологическая цепочка», – предупреждает орнитолог Елена Чернова [см. Приложение 1. Интервью]. Ключевым и наиболее значимым аргументом становится нарратив о праве на жизнь через апелляцию к этике: «Грачи тоже птицы», «Грачи тоже имеют право жить», «У грачей тоже есть семья». Это прямая оппозиция антропоцентризму, утверждающая, что ценность живого существа не зависит от его полезности или удобства для человека. В комментариях под постом о спиливании деревьев с гнездами звучат возмущенные вопросы: «Птицы здесь не причем, им тоже нужно где-то жить» (Е.Д.), «Когда ж вы “переведетесь”, такой вид “человечества”...» (Т.) [анализ постов]. Защитники часто, сознательно или нет, наделяют грачей человеческими чертами: интеллектом, эмоциями, способностью к благодарности (отсылка к заголовку статьи «Вороны благодарят за заботу и приносят подарки»), а также способностью испытывать страдания и родительскую привязанность («Им больно», «У грачей есть дети»). Это, по определению Франса де Ваала,

«наивный антропоморфизм», который, хотя и может быть неточным со строго научной точки зрения, служит мощным психологическим и риторическим инструментом для формирования эмпатии и преодоления пропасти между человеком и животным» [Waal, 1999]. Песня группы «Любэ» «Не губите, мужики», цитируемая в комментариях, работает именно в этом ключе, вызывая эмоциональный отклик.

Количественный и качественный анализ постов о грачах демонстрирует то, какие сильные эмоции вызывают подобные публикации: от ненависти и отвращения до сострадания и желания защитить птиц. Однако важно отметить, что обсуждения проблем птиц проходят с меньшим вовлечением по сравнению с постами о животных. При этом, несмотря на агрессивную риторику активного меньшинства, количественный анализ лайков и реакций показывает, что симпатии большей части аудитории паблика находятся на стороне грачей и их защитников. Биоцентрический нарратив часто явно доминирует (в большинстве постов соотношение голосов в пользу грачей составляет 3:1 и выше). Защитники птиц используют экологические аргументы и отсылки к историческому опыту: «Ну-ну... В Китае вон уже воевали с воробьями, чем дело кончилось, известно...» (Е. М.), апеллируют к примерам из искусства и литературы, пытаются обращаться к логике и нередко прибегают к сарказму, гиперболизируя проблему и доводя позицию оппонентов до абсурда: «Давайте устроим свою “резню по-бузулукски” всем грачам, воронам ну и воробьям заодно, ибо не фиг по утрам чирикать, а то ишь разлетались здесь, раскаркались-расчирикались» (Е. М. 2018). Прагматичные голоса, предлагающие решения, тонут в этом шуме, что свидетельствует о низком уровне готовности к сложному, системному обсуждению проблемы на платформе. Анализ сделан на основе подсчета комментариев и реакций (лайков) в паблике «Подслушано Бузулук». Для более детального представления структуры конфликта приведем приблизительное соотношение сторонников и противников грачей:

- сторонники грачей (пользователи, выражающие эмпатию и осуждающие жестокость): ~ 75–85%;
- противники грачей (те, кто выступает за их уничтожение, выражает агрессию и раздражение): ~ 15–25%.

Для сторонников птиц характерны следующие высказывания: «Бедные птицы!», «Варвары!», «Это же живое!». Основные аргументы строятся на апелляции к этике, праву на жизнь, экологической роли животных и жестокости методов уничтожения. Противники грачей чаще всего употребляют фразы: «Твари эти», «Обосрали всё», «Уничтожить», «Пусть убираются». В качестве аргументов приводится бытовой дискомфорт (грязь, шум), нарушение эстетики пространств города, которые, по мнению этой категории пользователей, перевешивают всю экологическую пользу, а в ряде случаев последняя и вовсе отрицается.

Анализ выборки публикаций из паблика «Подслушано Бузулук» за исследуемый период позволяет выявить комплекс связанных между собой городских проблем, служащих почвой для возникновения конфликтов.

В 2025 году был опубликован пост от 6 апреля с подробным обсуждением вырубки деревьев в соцсети «ВКонтакте» и телеграме, иллюстрирующий накопленное раздражение от нерациональной вырубки деревьев, от которой страдают как сами горожане, так и животные. В этом же году обсуждение грачей впервые произошло в дублере группы в телеграме; примечательно, что среди комментариев на этой площадке преобладали высказывания, содержащие негативную оценку этого события.

Пик публикационной активности пришелся на 2018 год. С этого года в общественном дискурсе появляется тема комфортных городских пространств, горожане обсуждают перспективы развития парков и аллей, Бузулук подает заявку на Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды. И этот же год – время наивысшей активности, когда «проблема грачей» стала именем нарицательным и употреблялась с сарказмом в адрес человека, не уважающего личные границы других людей. Обсуждаемая тема глубоко укоренилась в локальном дискурсе, иногда выливалась в стихотворные соревнования. В 2018 году произошло повышение цен на общественный транспорт, и у бузулукчан появилась устойчивая аналогия «грачи = водители маршруток». После весеннего субботника на городском кладбище разгорелась дискуссия: кому забрать оставленные конфеты – бездомным или грачам? Подавляющее большинство комментаторов выступило за людей. В этот же год, 25 ноября, был опубликован пост с самыми радикальными за все время призывами к уничтожению птиц (126 комментариев).

Вторым по значимости пиком обсуждений конфликта между горожанами и грачами стал 2022 год. В этом году была благоустроена прогулочная аллея «Дружба», но процесс ремонта привел к засыханию десятка берез с гнездами грачей, что сказалось как на птицах, так и на людях. Прогулки по алее стали менее комфортными из-за отсутствия привычной тени, а грачи были вынуждены перемещаться в другие районы города, доставляя неудобства тем группам горожан, которых ранее эта проблема не касалась. Дискуссия об этичности отношения к птицам, важности озеленения снова была поднята в публичном поле, что вызвало крайне поляризованные обсуждения.

Таким образом, наибольшая публикационная активность пришлась на годы, когда активизировались дискуссии о появлении благоустроенных парков (природы) в городе. При этом суть конфликтов сводилась к спорам о том, кто «хозяин в городе». Публикация за 2025 год показывает, что проблема не теряет актуальности и продолжает вызывать острые публичные дискуссии.

Между отторжением и заботой: спектр практик взаимодействия

Конфликт дискурсов материализуется в конкретных практиках — от жестоких до спасительных. Эти практики отражают два противоположных взгляда на сосуществование нечеловеческих и человеческих животных. Первые говорят о необходимости вытеснить неконтролируемую природу, вторые призывают к толерантности и сосуществованию.

Сторонники немедленных действий демонстрируют радикальное неприятие птиц, высказываясь в пользу их уничтожения и переходя от слов к действию. В посте от 19 февраля 2023 года пользователь возмущается поведением «ненормального в 4-м микрорайоне, который стреляет в птиц». Это крайняя, маргинальная, но реально присутствующая форма насилия иллюстрирует переход к прямым физическим действиям по уничтожению птиц. Наиболее распространенный и «легитимный» метод уничтожения и модификации среды обитания птиц — это вырубка деревьев в период гнездования, что наблюдалось в Бузулуке у финансового колледжа весной 2025 года. Выбор субботы и воскресенья для работ говорит о понимании неэтичности подобных действий.

Их оппоненты высказываются о необходимости выработки толерантности к природе в городе. Они пропагандируют важность заботы о других биологических видах и призывают к мирному сосуществованию. Защитники птиц не ограничиваются участием в полемике: они переходят к конкретным действиям, берут на себя уход за врановыми и предлагают инициативы, направленные на сохранение городского биоразнообразия. Опыт центра «Воронье гнездо» в Москве, описанный волонтером Еленой Исаевой, показывает, что помощь требует не просто сострадания, но глубокого уважения к инаковости врановых. Это длительный процесс: птенцы долго учатся есть самостоятельно, им требуется социализация в вольерах с другими птицами, в том числе и с невыпускаемыми инвалидами, которые «учат их быть взрослыми, полноценными, самостоятельными грачами» [см. Приложение 1. Интервью]. Это практика невмешательства («Забросил еду и ушел»), чтобы птицы не оставались ручными.

Некоторые пользователи выступают за символическое принятие, терпимость, апеллируя к культурной традиции («Грачи прилетели» Саврасова) или к печальному опыту Китая, где уничтожение воробьев привело к экологической катастрофе.

Практически все защитники животных отмечают важность просвещения и образования. Именно оно, по мнению всех опрошенных экспертов, становится ключевым методом выработки практик сохранения. «Лекции, какие-то образовательные мероприятия, статьи <...> люди начинают узнавать о птицах больше. <...> А те, кому неинтересно, по крайней мере перестают птицам так или иначе вредить», — констатирует Елена Исаева [см. Прило-

жение 1. Интервью]. Отсутствие такой работы в современных школах, по мнению Татьяны Суржинской, выросшей в Бузулуке 1980-х, — ключевая причина жестокости [см. Приложение 1. Интервью]. Освещение практик сосуществования помогает защитникам природы продемонстрировать, что дикая природа может процветать в антропогенных ландшафтах и что большую часть времени люди мирно соседствуют с дикой природой или конкурируют за пространство, не называя такие взаимодействия конфликтами.

Ключевой вклад в развитие практик толерантности вносит гражданская наука. Первый Всероссийский учет грачевников, инициированный Союзом охраны птиц России в 2025 году, — это блестящий пример того, как можно трансформировать конфликт в коллективную исследовательскую деятельность [Союз охраны птиц, 2025]. Люди не уничтожают грачей, а считают их, учатся наблюдать, получают сертификаты. Это практика превращения из противника в соисследователя. Социальная сеть для любителей природы iNaturalist, построенная на идее картографирования и описания наблюдений за биоразнообразием Земли, привлекла 2081 наблюдения за биотой Бузулукского района от 77 наблюдателей. Всего же по Оренбургской области на октябрь 2025 года зафиксировано 24 705 наблюдений. К аналогичным проявлениям гражданской науки относятся специализированный проект ebird, онлайн-дневники наблюдений птиц, многочисленные группы в соцсетях (например, «One day — one bird»), проекты «Международный день наблюдений птиц» и другие проекты.

Орнитолог Елена Чернова предлагает радикально пересмотреть саму оптику восприятия: «Не существует никакого конфликта с грачами. Грач не конфликтная птица, люди его не интересуют. <...> Людям надо радоваться тому, что у них живет еще один вид по соседству, это ценность» [см. Приложение 1. Интервью]. Эта точка зрения напрямую перекликается с концепцией «континуума конфликт-сосуществование» Беатрис Франк, где конфликт — лишь одна из точек на широкой шкале, а идеалом является взаимная коадаптация и движение к толерантности.

Гражданская наука и ее просветительская роль в значительной степени способствуют интеграции идеи толерантности к сосуществованию в дискурсе конфликта человека и природы, что ведет к смягчению антагонизма и разделения между ними. Ярким примером снижения градуса конфликта выступает екатеринбургский проект, начатый представителем классической науки, кандидатом биологических наук Ниной Садыковой и переросший в просветительский и исследовательский проект «НатУРАЛист». В ходе экскурсий организаторы показывают, какие птицы и насекомые живут вокруг, а полученные и собранные экскурсантами данные ложатся в основу будущих проектов зеленых зон. По состоянию на август 2025 года Екатеринбург стал одним из са-

мых хорошо изученных с орнитологической точки зрения городов России.

В примере выше описана роль Нины Садыковой в развитии орнитологии отдельно взятого города. С целью анализа персональных нарративов я пообщалась с тремя специалистами, работающими с птицами. Активные обсуждения проблем, связанных с грачами, создают парадоксальную ситуацию: городские службы вынуждены реагировать на поступающие жалобы о шуме и загрязнении территории, тогда как защитники птиц лишены инструментов влияния, поскольку грачи «нарушают установленные нормы благоустройства». Ситуация неравноправия вынуждает сторонников птиц апеллировать к эмоциям, создавая в комментариях «эффект большинства» через цифровой шум — стратегию, удивительно напоминающую поведение самих грачей, которые своей численностью и шумом компенсируют уязвимость перед системой.

В этом вакууме право голоса делегируется экспертам-орнитологам, которые берут на себя роль переводчиков с «языка» птичьих сообществ, поскольку чиновники действуют в логике норм благоустройства, игнорируя и птиц, и их защитников — ведь ни те, ни другие не говорят на понятном им языке закона. Не обладая глубоким пониманием сложной биологии и поведения птиц, люди доверяют экспертам роль переводчиков с «языка» птичьих сообществ, интересы которых не могут быть представлены иначе. Таким образом, аргументы специалистов становятся единственным мостом через эпистемологическую пропасть, отделяющую человеческий опыт от мира дикой природы.

Три интервью представляют три перспективы — от макроуровня экосистемы до микроуровня конкретного двора, — образуя многомерную картину конфликта. Сотрудник координационного центра Союза охраны птиц России, орнитолог Елена Чернова благодаря своей экспертности выступает как «ученый-адвокат» и защитник биоценоза, отстаивающий право грачей на городское пространство с позиций экологической целесообразности. Ее ключевые тезисы — «Не существует никакого конфликта с грачами» и «Города, в которых есть грачевники, счастливые» — предлагают парадигмальный сдвиг в восприятии, где птицы становятся индикатором качества городской среды. Елена считает, что конфликт не объективен, а сконструирован людьми. Горожанам надо принять как данность тот факт, что присутствие дикой природы не наказание, а показатель качества городской среды и повод для гордости.

Волонтер московского центра «Воронье гнездо» Елена Исаева представляет прагматичный подход реабилитолога, ищущего баланс между интересами людей и птиц. Ее позиция, выраженная в тезисе «Люди имеют право быть недовольными. <...> Вопрос в том, как наиболее гуманно эту проблему решать», становится мостом между противоборствующими сторонами. Через практи-

ческую работу центра «Воронье гнездо» она демонстрирует возможность коэволюции — постепенного приспособления друг к другу разных видов в городском пространстве. Ее позиция, сформированная благодаря опыту работы, является важным мостом между полярными точками зрения — она признаёт дискомфорт, который причиняют птицы, и не требует от людей слепой любви. Елена не становится на чью-либо сторону, а ищет гуманный компромисс. На данный момент авторитетное мнение Исаевой могло бы стать идеальной отправной точкой для диалога о сосуществовании людей и птиц, поскольку признание прав людей и причиняемого им дискомфорта не менее важно, чем защита птиц.

Координатор бузулукского АНО защиты животных «Веста» Татьяна Суржинская, напротив, сталкивается с полным непониманием как со стороны горожан, так и со стороны чиновников. Она воплощает взгляд разочарованного практика. Татьяна считает, что экология Бузулука деградирует, а ее мрачный взгляд выгоревшего активиста-зоозащитника не оставляет пространства для решения проблем. Для Татьяны корень проблемы не в незнании, а в глубинном, почти инстинктивном антропоцентризме и жестокости людей. Она не верит в быстрое исправление ситуации через просвещение, так как видит, что проблема лишь усугубляется из поколения в поколение. Елена отмечает снижения числа волонтеров движения, рассказывает, что «люди не верят, что им можно помочь». Такой безапелляционный подход и усталость не дают «Весте» стать инициатором изменения ситуации. АНО добровольно устранилось из публичного поля обсуждение проблем отношений людей и животных, однако осталось экспертным сообществом, помогающим больным и раненым животным и занимающимся стерилизацией бродячих кошек и собак.

Знания, которые мы получаем благодаря просветителям, в конечном итоге повлияют на то, какую форму примет взаимодействие человека и дикой природы — форму конфликта или мирного сосуществования.

Уроки соседей: Беларусь между варварством и законодательным прогрессом

Как уже отмечалось выше, конфликт между человеком и грачом не является уникальным достоянием Бузулука, а представляет собой типичный для постсоветского урбанистического ландшафта кейс. Показателен пример екатеринбургского проекта «НатУРАлист», демонстрирующий роль просвещения в снижении градуса конфликта. Орнитолог Елена Чернова в своем интервью указывала на позитивный опыт Беларуси в трансформации этого противостояния. Сравнительный анализ публикаций белорусского орнитолога Дениса Кителя и журналистки Натальи Пригодич, датированных 2016–

2017 годами, позволяет выявить синхронность возникновения публичного обсуждения «грачиного вопроса» в двух странах и городах. Именно в этот период в бузулукском паблике «Подслушано Бузулук» фиксируются первые массовые обсуждения, отражающие аналогичный социальный раскол. Однако конфликт был пройден двумя обществами по-разному: если в российском случае доминирующей реакцией остались практики отторжения, то в Беларуси был инициирован целенаправленный процесс институционального урегулирования, основанный на адаптации природоохранного законодательства и постепенного информирования жителей о важности сожительства.

Белорусский опыт демонстрирует возможность перехода от стадии спонтанного антропоцентрического отторжения к фазе осознанного управления сосуществованием через правовое регулирование и просветительские практики.

В небольших белорусских городах Малорита и Зябровка коммунальные службы действуют так же, как и в Бузулуке: вырубая деревья с гнездами в период гнездования, обрезая их под корень. Происходит идентичное социальное разделение на два лагеря: одни возмущены «вандализмом» и «варварством», другие требуют «избавить от надоедливых птиц», ссылаясь на помёт, шум и мифическую угрозу болезней («разносчики африканской чумы»). Однако системная работа природоохранных организаций и реакция законодателя изменила ситуацию. В Беларуси уже с 2017 года действуют законодательные изменения, серьёзно ужесточающие правила опиловки деревьев с гнездами грачей. Если ранее в Беларуси можно было уничтожать гнезда до 15 апреля, то теперь – только до 15 февраля, то есть до прилёта грачей. Это кардинально меняет ситуацию, защищая не только грачей, но и других птиц (например, ушастых сов), которые могут занимать их гнезда раньше.

Природоохранные организации создают работающие механизмы для их исполнения: горячие линии, четкие инструкции для граждан, как документировать нарушения (фото, видео, номера машин). Орнитологи ведут последовательную просветительскую работу, меняя нарратив. Они говорят не на языке сантиментов, а на языке фактов: «Это интеллектуальные птицы», они проявляют «родительскую заботу» в течение пяти месяцев. Они же предлагают простое и гениальное решение для конфликта: не уничтожать птиц, а обозначать зоны их скопления знаками и просто обходить их стороной, проявляя элементарную терпимость.

Вывод. Узнать другого: как знание превращает чужака в соседа

Мой личный опыт прекрасно иллюстрирует ключевой тезис орнитологов и волонтеров: просвещение и глубокое погружение в жизнь другого вида способны кардинально изменить восприятие, транс-

формируя раздражение в любопытство, а отторжение – в понимание.

Подобно многим бузулучанам, я ценила прогулки по аллее «Дружба», где весной приходилось буквально лавировать между деревьями, стараясь избежать неприятных «сюрпризов» сверху. Слушала соседские жалобы на постоянные крики птиц. Грачи воспринимались как неизбежная и раздражающая часть городского ландшафта, источник бытового дискомфорта.

Однако работа над исследованием стала актом глубокого погружения в инаковость. Изучение биологии *Corvus frugilegus*, их социальных связей и поведенческих паттернов позволило посмотреть на них по-другому. Шумное поведение перестало быть бессмысленным криком, а стало восприниматься как сложная система общения. Перемещения грачей по городу теперь читаются не как хаотичные перелеты, а как логичные маршруты между местами гнездования, кормежки и ночевки.

Этот переход от бытового неприятия к пониманию подтверждает мощный трансформационный потенциал знания. Наблюдение за грачами превратилось из источника раздражения в акт изучения жизни умных, адаптивных соседей, чей опыт кардинально отличается от человеческого, но от того не становится менее ценным. Личный опыт показывает, что конфликт часто рождается из-за не разрыва в восприятии и его преодоление через просвещение является ключом к этике сосуществования.

Источники

- Бёрдвотчинг: мост между горожанами и наукой. (2025, 11 августа). *Экоурбанист*. <https://ecourbanist.ru/ecology-health/byordvotching-most-mezhdu-gorozhana-mi-i-naukoj/>.
- Грачи прилетают: горожане жалуются, что птицы мешают им жить. Кар небесный. (2019, 1 марта). *СБ. Беларусь сегодня*. <https://www.sb.by/articles/kar-nebesnyu.html>.
- Китель, Д. (2017, 10 марта). В войне с грачами победителей нет. *Wildlife.by*. <https://wildlife.by/ecology/articles/v-voyne-s-grachami-pobediteley-net/>.
- Константинов, В.М., и Лебедев, И.Г. (2009). Изменение пространственно-этологической структуры популяций враковых при возрастании антропогенных воздействий. *Русский орнитологический журнал*, 18(517), 1780–1782.
- Мельникова, А.В. (2025). [Интервью с Т. Суржинской (Центр «Веста»), Е. Черновой (Союз охраны птиц России), Е. Исаевой (Центр «Воронье гнездо»)]. Неопубликованные данные.
- Нагель, Т. (2003). Каково быть летучей мышью? В Д. Хофштадтер & Д. Деннетт (Ред.), *Глаз разума* (с. 349–360). Самара: Бахрах-М.
- Надточий, А.С., и Зиоменко, С.К. (2013). К экологии грача *Corvus frugilegus* в Харькове. *Русский орнитологический журнал*, 22(894), 1793–1795.
- Никитина, Е.Б. (2024). Исследования животных: непослушные заметки по краям. *Антропологический форум*, (62), 123–150.
- Подслушано Бузулук. (2015–2025). [Анализ постов: анализ дискурса в группе]. Вконтакте.
- Пригодич, Н. (2016, 25 апреля). Грачи обалдели: в Зябровке жалуются на варварское уничтожение гнезд. *Имена*.

<https://imenamag.by/posts/grachi-obaldeli>.

Союз охраны птиц России. (2025). *Грач – птица 2025 года*. <https://rbcu.ru/campaign/39238/>.

Союз охраны птиц России. (6. д.). *Новость о Всероссийском учете*. <https://rbcu.ru/news/39335/>.

de Waal, F.B. M. (1999). Anthropomorphism and anthropodenial: Consistency in our thinking about humans and other animals. *Philosophical Topics*, 27(1), 255–280.

Frank, B. (2016). Human-wildlife conflicts and the need to include tolerance and coexistence: An introductory comment. *Society & Natural Resources*, 29(6), 738–743.

iNaturalist. (6. д.). *Проект «Биота Оренбургской области»*. <https://www.inaturalist.org/projects/biota-orenburgskoy-oblasti-biota-orenburgskoy-oblasti-biota-of-orenburg-oblast>.

Jürgens, U.M. (2022). “I am wolf, I rule!”—Attributing intentions to animals in human-wildlife interactions. *Frontiers in Conservation Science*, 3, 803074.

THE ROOKS OF DISCORD

Anna V. Melnikova, Independent Researcher, Specialist in Sociocultural Design, Local Identity, and the Revitalization of Cultural Heritage in Small Towns; Buzuluk, Russian Federation.
E-mail: anna.melnikova@mail.ru

Using the protracted conflict surrounding rook (*Corvus frugilegus*) colonies in the small Russian city of Buzuluk as a case study, this article investigates the problem of coexistence of human and non-human actors in an urbanized environment. The conflict is analyzed not merely as a narrow ecological or sanitary issue, but as an ontological gap and a value-based clash between anthropocentric and biocentric perceptions of the city. The theoretical framework relies on Thomas Nagel’s essay “What Is It Like to Be a Bat?”, which problematizes the impossibility of fully reducing another’s experience, as well as concepts of agency, intentionality (Uta Jürgens), and the “conflict-coexistence” continuum (Béatrice Frank). The empirical basis consists of a digital ethnography of discussions in the local community group “Overheard in Buzuluk” (2015–2025), interviews with ornithologists and animal rights activists, and citizen science data. The study demonstrates that rooks have become an “object of discord” that exposes a deep ontological struggle for the right to define the city either as a space of total sanitary control or as a multi-species community. The article concludes that effective conflict management strategies require the recognition of the rooks’ agency, environmental education, and a shift from a logic of eradication to an ethics of asymmetrical coexistence, rather than suppression by force. The key challenge for small Russian cities today is not to “solve the rook problem” once and for all, but to acknowledge the inevitability of this proximity and to transform the conflict from a point of tension into a resource for shaping a new, more responsible urban environmental policy.

Keywords: human-nonhuman animal conflict; human-wildlife coexistence; rook; urbanization; synanthropization; environmental ethics; intentionality; Buzuluk

Citation: Melnikova, A. (2026). The Rooks of Discord. *Urban Studies and*

Practices, 11(2), 79–91. <https://doi.org/10.17323/usp112202679-91>

References

- iNaturalist. (n.d.). *Проект “Биота Оренбургской области”* [Project “Biota of the Orenburg region”]. <https://www.inaturalist.org/projects/biota-orenburgskoy-oblasti-biota-of-orenburg-oblast> (in Russian).
- Soyuz okhrany ptits Rossii [Russian Bird Conservation Union]. (2025). *Грач – птица 2025 года* [The rook – bird of the year 2025]. <https://rbcu.ru/campaign/39238/> (in Russian).
- Soyuz okhrany ptits Rossii [Russian Bird Conservation Union]. (n.d.). *Novost’ o Vserossiyskom uchete* [News about the All-Russian census]. <https://rbcu.ru/news/39335/> (in Russian).
- Konstantinov, V.M., & Lebedev, I.G. (2009). Izmeneniye prostanstvenno-etologicheskoy struktury populyatsiy vranovykh pri vozrastanii antropogennykh vozdeystviy [Changes in the spatial and ethological structure of corvid populations under increasing anthropogenic impacts]. *Russkiy ornitologicheskii zhurnal* [Russian Ornithological Journal], 18(517), 1780–1782 (in Russian).
- Nadtochiy, A.S., & Ziomenko, S.K. (2013). K ekologii gracha *Corvus frugilegus* v Khar’kove [On the ecology of the rook *Corvus frugilegus* in Kharkov]. *Russkiy ornitologicheskii zhurnal* [Russian Ornithological Journal], 22(894), 1793–1795 (in Russian).
- Jürgens, U.M. (2022). “I am wolf, I rule!”—Attributing intentions to animals in human-wildlife interactions. *Frontiers in Conservation Science*, 3, 803074.
- Nagel, T. (2003). Kakovo byt’ letuchey mysh’yu? [What is it like to be a bat?]. In D. Hofstadter & D. Dennett (Eds.), *Glaz razuma* [The mind’s I] (pp. 349–360). Samara: Bakhrakh-M (in Russian).
- Frank, B. (2016). Human-wildlife conflicts and the need to include tolerance and coexistence: An introductory comment. *Society & Natural Resources*, 29(6), 738–743.
- Nikitina, E.B. (2024). Issledovaniya zhivotnykh: neposlusnyye zametki po krayam [Animal studies: Naughty notes on the margins]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], (62), 123–150 (in Russian).
- Melnikova, A.V. (2025). [Interview with T. Surzhinskaya (Center “Vesta”), E. Chernova (Russian

- Bird Conservation Union),
E. Isaeva (Center "Voronye
Gnezdo"). Unpublished raw data
(in Russian).
- Podslushano Buzuluk. (2015–2025).
[Analiz postov: analiz diskursa
v gruppe] [Analysis of posts:
Discourse analysis in the group].
VKontakte (in Russian).
- Kitel', D. (2017, March 10). V voyne
s grachami pobediteley net [There
are no winners in the war with
rooks]. *Wildlife.by*. [https://wildlife.by/ecology/
articles/v-voyne-s-grachami-pobe-
diteley-net/](https://wildlife.by/ecology/articles/v-voyne-s-grachami-pobediteley-net/) (in Russian).
- Prigodich, N. (2016, April 25).
Grachi obaldeli: v Zyabrovke zha-
luyutsya na varvarskoye unich-
tozheniye gnezd [The rooks have
gone crazy: Complaints in
Zyabrovka about the barbaric de-
struction of nests]. *Imena*.
<https://imenamag.by/posts/grachi-obaldeli> (in Russian).
- Grachi priletayut: gorozhane zha-
luyutsya, chto ptitsy meshayut im
zhit'. Kar nebesnyy [Rooks are ar-
riving: Citizens complain that the
birds interfere with their lives.
Heavenly caw/punishment]. (2019,
March 1). *SB. Belarus' segodnya*.
[https://www.sb.by/articles/kar-ne-
besnyy.html](https://www.sb.by/articles/kar-nebesnyy.html) (in Russian).
- Byordvotching: most mezhd u gorozha-
nami i naukoy [Birdwatching:
A bridge between citizens and sci-
ence]. (2025, August 11).
Ekourbanist. [https://ecourbanist.
ru/ecology-health/byordvotch-
ing-most-mezhdu-gorozhanami-i-nau-
koj/](https://ecourbanist.ru/ecology-health/byordvotching-most-mezhdu-gorozhanami-i-naukoj/) (in Russian).
- de Waal, F.B.M. (1999).
Anthropomorphism and anthropodeni-
al: Consistency in our thinking
about humans and other animals.
Philosophical Topics, 27(1),
255–280.

Приложение 1. Интервью

Резюме интервью с координатором АНО Центр помощи животным «Веста» (г. Бузулук) Татьяной Суржинской

С 2018 года в группе сообщества «Подслушано Бузулук» во «ВКонтакте» было опубликовано 4 поста. Обращений с просьбой пристроить выпавших птенцов грачей нет. Отчасти Татьяна это связывает с отсутствием возможности получить консультацию орнитологов в ближайших крупных городах – Самаре и Оренбурге. Но в большей степени Татьяна считает, что люди делают все возможное, чтобы истребить птиц в городе, и их число снижается – закрывают чердаки и крыши, не давая птицам возможности гнездиться. По наблюдениям Татьяны, раньше в городе было больше птиц. Она родилась и выросла в Бузулуке (ее детство пришлось на середину 1980-х годов) и хорошо помнит густые парки в городе, где гнездились много птиц. Татьяна работает в зоозащите с 2011 года и считает, что люди стали хуже относиться к птицам и животным в целом. А все, что мешает, люди стремятся уничтожить. В ее школе на уроках биологии детей учили различать птиц, а после школы водили на улицу и учили наблюдать за ними. Сейчас она не видит этого в школах и считает, что подрастающее поколение не будет гуманнее относиться к птицам.

Резюме интервью с сотрудником координационного центра Союза охраны птиц России, орнитологом Еленой Черновой

По мнению Елены Черновой, конфликта с грачами как такового не существует. Эксперт подчеркивает, что грач не конфликтная птица, люди его не интересуют, это самодостаточный и не агрессивный вид. Чернова считает, что раздражение людей направлено не на конкретный вид, а на любые проявления природы в городе. Орнитолог предупреждает: если не остановить процесс вытеснения природы, города превратятся в пустыни. Елена отмечает, что города, в которых есть грачевники, счастливые. По ее убеждению, людям надо радоваться тому, что рядом с ними живет еще один биологический вид, и воспринимать это как ценность.

В крупных городах наблюдается тенденция к тому, что грач исчезает: рубят деревья, высаживают газоны, не давая грачам возможности копать клювом в земле, птицам становится негде гнездиться, и они улетают. В городах грач ест отходы, в полях – вредителей. Если убрать его из города, то нарушится биологическая цепочка – если он исчезнет, то появятся микроорганизмы, которых раньше не было. По словам эксперта, звуковые отпугиватели не решают проблему: грачи привыкают к звуку и начинают его игнорировать. Громкие крики грача – это его способ общения и коммуникации, между собой они ведут вполне вежливый и связный разговор. Это умная птица. Как и у многих

высокоразвитых видов, их поведение опирается не столько на врожденные инстинкты, сколько на приобретенный опыт. Именно поэтому процесс обучения длится несколько месяцев: взрослые птицы долго учат птенцов добывать пищу. Период гнездования длится всего два с половиной месяца – ровно столько птицы постоянно находятся в гнездах. После этого они улетают, чтобы усиленно кормиться и накапливать жировые запасы. При этом эксперт отмечает, что пищевые привычки у разных стай могут отличаться, а сами птицы способны легко менять рацион. Эксперт считает странными обвинения в том, что грачи якобы выкидывают птенцов из гнезд. У грачей существуют строгие правила: в условиях дефицита кормовой базы птицы прекращают выкармливание потомства, тогда как при достаточных ресурсах они способны поддерживать больных и старых особей. По ее словам, между людьми и врановыми много общего – эти птицы обладают высоким интеллектом и зачатками самосознания. Город повлиял на птиц, сделав их умнее. Такое тесное соседство грача и человека длится тысячелетиями, со времен зарождения земледелия. По мнению эксперта, грач – высокоадаптивная птица: при вырубке деревьев он может начать гнездиться на опорах ЛЭП или на крышах зданий. Она отмечает, что для исчезновения грачей из города обычно требуется сочетание нескольких факторов, прежде всего полное лишение кормовой базы и мест гнездования. В качестве примера изменения отношения к этим птицам она приводит Беларусь. С ее точки зрения, забота о птицах формирует у людей более внимательное и ответственное отношение к живой природе.

Интервью с волонтером Центра помощи птицам «Воронье гнездо» (г. Москва) Еленой Исаевой

Есть ли тенденция гуманизации по отношению к птицам? Я явно вижу увеличение количества образованных людей, которые интересуются, читают. И сами мы тоже вносим посильный вклад в просвещение: читаем лекции, пишем статьи, постоянно где-то выступаем по этой теме. Люди начинают узнавать о птицах больше, больше ими интересоваться. И это приводит к тому, что те, кто очень заинтересован, включают в помощь птицам, начинают их поддерживать. А те, кому неинтересно, по крайней мере перестают им вредить – просто держатся подальше. Так что, я думаю, положительная тенденция определенно есть.

Что можно сделать, чтобы люди были терпимее. У нас в группе «Воронье гнездо» была небольшая статья на эту тему, правда, там речь шла о воронах – что делать, если воронье гнездо мешает. И мы придерживаемся той точки зрения, что в целом люди имеют право быть недовольными тем, что рядом с ними соседствуют умные шумные птицы, склонные к вандализму. Когда напротив квартиры висит гнездо серой вороны и в 5 утра птицы там безудержно орут – можно понять людей, которым это не нравится. Вопрос в том, как наиболее гуманно эту пробле-

му решать. То есть мы никогда не заставляем людей мучиться в ущерб себе, терпеть этих ворон, ждать, пока эти птицы закончат свой гнездовой сезон. Тем более что на следующий год они прилетят снова. Они и правда шумные. Я лично очень плохо переношу крики грачиных птенцов: именно их тембр для меня – самый неприятный из всех врановых, мне очень тяжело его слушать. Из-за этого я не люблю их выкармливать. А вот взрослые грачи кажутся мне более приятными птицами, чем вороны, – это мое личное, субъективное мнение. Они более спокойные, сдержанные, даже меланхоличные. А вот их бестолковых орущих детей мне переносить тяжело, честно скажу. Я им, конечно, буду помогать наравне с любыми другими птицами, если у меня на руках вдруг окажется грачонок. Но буду делать это без удовольствия. При этом у грачей агрессия к людям не так выражена, а вот серая ворона очень яростно защищает свое потомство. Поэтому, если это какое-то гнездо находится на территории детского сада, то от него, конечно, лучше избавиться. Потому что потом появятся слетки, маленькие дети будут бегать и гонять их. Родители-вороны начнут нападать на детей, а мамы этих детей – гонять ворон. В общем, в итоге все это плохо кончится, скорее всего, для самих птиц. Возможно, и для детей тоже. Поэтому мы советовали: если гнезда оказались в местах, где они явно будут кому-то сильно мешать или где у слетков вообще нет шансов выжить, лучше принимать меры. Например, если гнездо висит над оживленной трассой, мы понимаем, что птенцы будут выпадать прямо на дорогу и их жизнь там закончится неблагоприятно. Мы советовали избавляться от гнезд, то есть снимать их до того, как птицы прилетели. Если они уже отложили яйца – это еще полбеды, потому что яйца – это все-таки не вылупившиеся птенцы, и такое гнездо еще можно убрать. А вот когда там появляются птенцы, это становится настоящей проблемой. Поэтому если от гнезд избавляться, то делайте это с минимальным вредом для птиц в ранний весенний период, пока они еще не сели на кладку. Причем действовать нужно действительно рано, потому что врановые, как я уже говорила, начинают гнездиться одними из первых.

Почему мы должны терпеть грачей? Станет ли город хуже без них? Ну, первым делом в каком-то смысле мы должны «терпеть» всех. Любое живое существо появилось на этой планете не просто так. Существует такое понятие, как биоразнообразие, и работает оно по четкому правилу: чем богаче и разнообразнее флора и фауна, тем стабильнее экосистема.

Это работает и глобально в масштабах планеты, и локально в масштабах конкретных городов. Если те или иные виды птиц исчезают из своих исторически сложившихся ниш, это может очень пагубно сказаться на экосистеме в целом.

Если грачи исчезнут – станет больше ворон. А чрезмерное увеличение популяции ворон навредит им самим: потому что чем больше популяция,

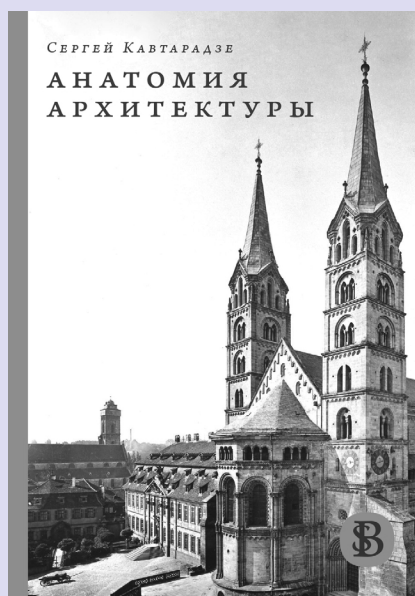
тем выше ее плотность, а значит, тем быстрее передаются заболевания внутри вида. Растет смертность, повышается концентрация патогенов, и естественный отбор забирает больше птиц каждый год, потому что выше инфекционная нагрузка на организм. Грачи особо не мешают и особо не вредят.

Да, есть проблема: грачи могут вредить сельскохозяйственным посадкам. Но здесь сложно предложить однозначное решение, потому что истреблять их бессмысленно – всегда прилетят новые стаи, потому что грачей много. Травить их инсектицидами – тоже не выход. Недавно на юге, в районе Ростова или Краснодара, была страшная ситуация: обрабатывали поля ядами, из-за чего погибло множество грачей, журавлей и других краснокнижных видов. Пострадало и множество хищных животных, которые питались этими погибшими птицами. В общем, это была настоящая экологическая катастрофа, и так делать, конечно, нельзя. Грачи ничем не лучше и ничем не хуже любой другой птицы – глобально это вид, который играет свою роль.

Не говоря уже о том, что каждый конкретный грач тоже испытывает боль, хочет жить. Так что, в принципе, каждый человек отвечает на этот вопрос по-своему. Но если мы хотим как-то потеснить грачей, у нас должны быть на то очень веские причины – и они ни в коем случае не должны вести к истреблению птиц. Мне кажется, это единственно верный подход. Причем правильный не только с морально-этической точки зрения, но и в более глобальной перспективе – биологической и экологической.

Ну и опять же, обычно люди становятся сильно более терпимыми и заинтересованными, если им рассказывать про птиц. Просветительская работа – лекции, статьи, мастер-классы, выездные мероприятия – дает людям возможность понять, что грачи – невероятно умные создания. Они часто участвуют в исследованиях птичьего интеллекта и успешно проходят самые сложные тесты, которые для них разрабатывают ученые. На сегодняшний день на примере грачей собрано уже очень много важных научных данных об интеллекте врановых». Поскольку врановые – одна из самых интеллектуально развитых групп, то исследуют в основном их и попугаев. Грачи классные, они одни из самых комфортных для содержания в неволе врановых птиц: они отличаются спокойным, сдержанным, меланхоличным и очень разумным поведением.

В отличие от хаотичных серых ворон, которые очень пугливые и боятся всего нового (даже ручные, много лет живущие в неволе птицы шарахаются от резких звуков). Грачи в этом плане гораздо уравновешеннее. Они редко бывают агрессивны друг другу и даже к другим врановым, в том числе к более мелким. То есть, в принципе, это достаточно комфортная для содержания птица. Если найти с грачом общий язык, то, вероятно, эта связь сохранится на долгие годы, ведь, как и все врановые, живут они долго. Из грача получается замечательный, интересный и преданный пернатый друг.

Сергей Кавтарадзе
АНАТОМИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2025

Количество страниц: 496

ISBN 978-5-7598-2550-0

ISBN электронной версии 978-5- 7598-4063-3

Книга призвана научить читателя понимать архитектуру прежде всего как вид искусства. В семи главах, которые, в соответствии с давней традицией архитектурных трактатов, автор назвал «книгами», рассказано об основных конструктивных решениях, о том, что творческая воля архитектора направлена не только на стены и перекрытия, но и на пространства между ними, о том, как отражаются в зодчестве представления об устройстве внешнего мира и о лабиринтах внутренних миров. Наконец, издание поможет познакомиться с основными этапами всеобщей истории архитектуры, с тем, какой стиль за каким следует и почему. Важная часть издания — иллюстративная составляющая. Это более 380 иллюстраций — фотографий, гравюр, картин, на которых представлены шедевры Микеланджело, Ле Корбюзье, Алексея Щусева, Константина Мельникова и других выдающихся зодчих.

Александр Рыжков

ГОРОД И ПЕРЕВОЗЧИКИ. ИСТОРИЯ ТРАНСПОРТНЫХ РЕФОРМ

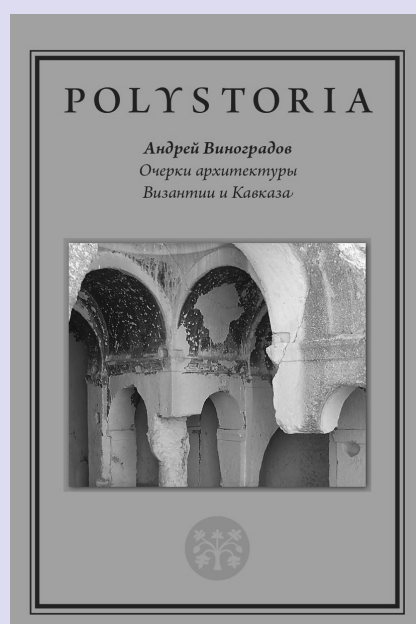
Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 464

ISBN 978-5-7598-2932-4

ISBN электронной версии 978-5-7598-4040-4

Книга раскрывает тему взаимодействия государства и бизнеса в сфере городского пассажирского транспорта. На примере знаковых организационных реформ прошлого, которые то усиливали роль государства, то открывали отрасль для рыночных сил, рассказывается, как формировались современные представления о регулировании пассажирских перевозок. Подробно рассматриваются различные кейсы: от XVII до XXI века, от Лондона и Стокгольма до Сантьяго и Найроби, от решений барона Османа и Маргарет Тэтчер до инициатив членов московского правительства. Книга построена на обширной базе литературных источников и профессиональном опыте. Она будет интересна специалистам и студентам в сферах городского транспорта, урбанистики и государственного и муниципального управления.

Андрей Виноградов
ОЧЕРКИ АРХИТЕКТУРЫ ВИЗАНТИИ И КАВКАЗА

Издательский дом Высшей школы экономики, 2023

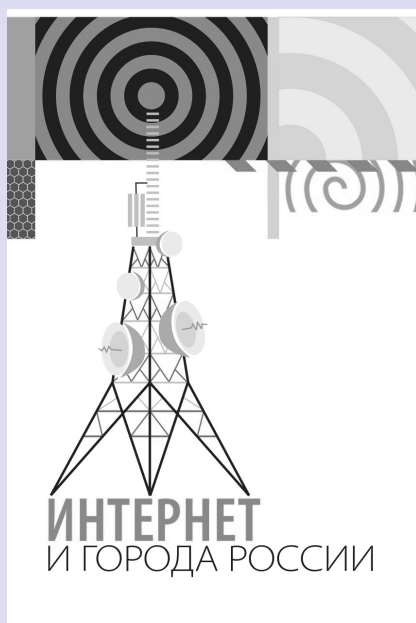
Количество страниц: 488

ISBN 978-5-7598-2372-8

ISBN электронной версии 978-5-7598-2408-4

В книге исследованы актуальные и недостаточно изученные проблемы средневековой архитектуры Византии и Кавказа. Первый раздел посвящен Византии. В нем рассматриваются сложные темы происхождения и ранней эволюции типа вписанного креста, генезис типа купольного зала, возникновение крестово-купольного триконха и др. Впервые дается обзор надвратных храмов, апсидиолы и полукруглой ниши. Большое внимание уделяется взаимоотношениям архитектуры Константинополя и провинций средневизантийского Востока, а также его региональным традициям.

Второй раздел книги посвящен архитектуре средневекового Кавказа. В нем рассматриваются парадигмы и передатировки в истории кавказской архитектуры и история купольной базилики. Дается обзор формирования послерабской архитектуры в картвельских, абхазских и армянских землях. Освещаются и частные вопросы кавказской архитектуры: кирпичное зодчество Васпуракана, постройки Давида Куропалата, храмы Варзахана и др.

ИНТЕРНЕТ И ГОРОДА РОССИИ

Под ред. Полины Колозариди, Ольги Довбыш

Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 200

ISBN 978-5-7598-2669-9

ISBN электронной версии: 978-5-7598-4044-2

Написанная с целью критического осмысления интернета как одновременно технологии и социокультурного пространства, эта книга рассказывает об истории развития интернета в российских городах. Авторы, побывавшие в исследовательских экспедициях в нескольких крупных и малых городах, обсуждают значение интернета для локальной культуры, бизнеса, управления, анализируют изменения локальных медиа в цифровой среде и роль интернета для поддержания местной истории и идентичности. Также в книге представлен метод качественного полевого изучения многосоставного феномена локального интернета, предложены методологические подходы и приемы, которые могут быть использованы в будущих исследованиях.

Стребков Д.О., Шевчук А.В.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ФРИЛАНСЕРАХ? СОЦИОЛОГИЯ СВОБОДНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2022

Количество страниц: 528

ISBN 978-5-7598-2722-1

ISBN электронной версии 978-5-7598-2804-4

В монографии рассматривается новое явление на российском рынке труда — самостоятельная занятость независимых профессионалов (фрилансеров), работающих удалённо с помощью Интернета. Сколько фрилансеров в России? Как они живут и работают? Каковы трудовые ценности и мотивация фрилансеров? В чём состоят возможности и риски свободной занятости? Каковы дальнейшие перспективы развития фриланса в России? Авторы дают ответы на эти и другие вопросы, опираясь на уникальные эмпирические данные — четыре волны масштабного мониторингового исследования «Перепись фрилансеров», охватывающего период с 2009 по 2019 год. За последнее десятилетие зафиксированы значимые изменения в социально-демографическом и профессиональном составе фрилансеров, а также формальных и неформальных принципах функционирования рынка удалённой работы, демонстрирующие активное освоение инновационной трудовой практики все более широкими слоями российских работников и высвечивающие острые проблемы на этом пути.